

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

В. А. Садков

**ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ
КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Монография

Волгоград
ВА МВД России
2023

УДК 347.1
ББК 67.404.021
С 14

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Садков, В. А.

С 14 Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав : монография / В. А. Садков. – Волгоград : ВА МВД России, 2023. – 188 с.

ISBN 978-5-7899-1488-5

В монографии рассмотрены феномен «цифровые финансовые активы» с позиций современной российской цивилистической доктрины и правоприменительной практики и специфика правового регулирования общественных отношений в сфере гражданского оборота имущественных прав. Актуальность монографии обусловлена обеспечением конкурентоспособности экономики России, укреплением национального суверенитета, повышением благосостояния граждан. Обоснована авторская позиция о поиске направлений и способов разрешения противоречий в сфере гражданско-правового регулирования использования технологий распределенного реестра при совершении сделок с цифровыми финансовыми активами.

Исследованы проблемы установления сущности и места цифровых финансовых активов в системе российского гражданского права, проведена систематизация сделок с имущественными правами, удостоверенными по конструкции цифровых финансовых активов; разработан алгоритм гражданско-правового оборота прав, зафиксированных путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра; сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Издание предназначено курсантам, слушателям и адъюнктам образовательных организаций системы МВД России.

УДК 347.1
ББК 67.404.021

Рецензенты: доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук *Л. И. Кулицкая*; доцент кафедры гражданского права и процесса Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент *А. А. Цвилий-Букланова*

ISBN 978-5-7899-1488-5

© Садков В. А., 2023
© Волгоградская академия МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. Генезис правового регулирования общественных отношений, связанных с цифровыми финансовыми активами, в Российской Федерации и отдельных иностранных юрисдикциях	16
§ 1. Правовая природа цифровых финансовых активов, их место в системе российского права.....	16
§ 2. Развитие правового регулирования отношений, возникающих в связи с цифровыми финансовыми активами, в современном российском законодательстве и за рубежом	57
ГЛАВА 2. Гражданско-правовой оборот цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации	88
§ 1. Общая характеристика гражданско-правового оборота имущественных прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов	88
§ 2. Сделки по приобретению и отчуждению прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов.....	113
§ 3. Сделки, предусматривающие временную передачу прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	159

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акционерное общество	АО
Гражданский кодекс Российской Федерации	ГК РФ
Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении регламента (ЕС) 648/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза и об отмене директивы 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза и директивы 2006/70/ЕС Европейской комиссии» от 20 мая 2015 г. № 2015/849/ЕС	Директива 2015/849/ЕС
Европейская служба банковского надзора	ЕБА
Европейский Центральный банк	ЕЦБ
Общество с ограниченной ответственностью	ООО
Оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов	Оператор выпуска ЦФА
Оператор обмена цифровых финансовых активов	Оператор обмена ЦФА
Письмо Минфина России и Федеральной налоговой службы «О контроле за обращением криптовалют, в том числе биткоинов, на территории Российской Федерации» от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027	Письмо ОА-18-17/1027
Пользователь информационной системы, желающий приобрести права, указанные в решении о выпуске цифровых финансовых активов	инвестор
Пользователь информационной системы, являющийся индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, желающий привлечь свободные денежные средства других участников гражданского оборота посредством выпуска прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов	лицо, выпускающее ЦФА
Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах», представленный для обсуждения в 2018 г.	Законопроект о ЦФА
Российская Федерация	РФ
Семейный кодекс Российской Федерации	СК РФ
Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ	Закон о валютном регулировании и валютном контроле

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ	Закон о банкротстве
Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ	Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ
Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ	Закон о рынке ценных бумаг
Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ	Закон о Центральном банке РФ
Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ	Закон о ЦФА
Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ	Закон об АО
Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ	Закон об ООО
Федеральный закон «Об организованных торгах» от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ	Закон об организованных торгах
Цифровые финансовые активы	ЦФА

ВВЕДЕНИЕ

Повышение конкурентоспособности Российской Федерации, достижение надлежащего уровня качества жизни граждан, а также обеспечение экономического роста, национального суверенитета нашей страны невозможно без активного использования современных цифровых технологий как в производственной сфере, так и в финансах, образовании, науке и пр. Свидетельство тому – утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. Правительство РФ обоснованно полагает, что данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех областях социально-экономической деятельности.

Анализ новейших тенденций в кредитно-денежной системе указывает на увеличение количества операций посредством технологии безналичных расчетов и постепенное снижение обращения наличных денег. Активный переход от работы с документами на бумажном носителе к электронному документообороту в рамках хозяйственной деятельности позволяет сократить условно-постоянные расходы, снизить количество ошибок, обусловленных «человеческим фактором» и касающихся обработки документов, значительно увеличить скорость обновления актуальной информации, имеющей значение для осуществления гражданского оборота.

Инновационное программное обеспечение и доступность информационно-коммуникационной сети Интернет дают возможность оперативно обмениваться информацией и совершать финансовые операции, а также значительно расширить круг субъектов, вступающих между собой во взаимодействие. Доступность последнего обуславливает множественность и быстроту проводимых операций.

Однако при увеличении количества операций с использованием цифровых технологий неизбежно возрастают злоупотребления в сфере гражданского оборота, далеко не все участники которого ориентируются в принципах функционирования технологии распределенного реестра, специфике учета имущественных прав в информа-

¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Доступ из информ.-правового портала «Гарант» (утратило силу).

ционных системах, особенностях заключения сделок посредством цифровых технологий.

Одним из современных механизмов, призванных удовлетворить потребности участников экономической деятельности в эффективном использовании финансовых ресурсов, является цифровизация финансовых активов. Термин «цифровые финансовые активы» был введен в юридический лексикон Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, вступившим в силу в январе 2021 г.

Несмотря на то что термин «цифровые финансовые активы» получил легальное признание, научная дискуссия относительно правовой природы этого феномена не утихает. Нормативные правовые акты, регламентирующие использование ЦФА в гражданском обороте, характеризуются массой внутренних противоречий. В доктринах гражданского и предпринимательского права нет единого подхода к осмыслению категории ЦФА. Неоднозначность легальной трактовки термина «цифровые финансовые активы» порождает дуализм в понимании сути данного феномена. Анализ ЦФА с позиций специфических объектов гражданских прав и в качестве оригинальной формы фиксации уже известных российской правовой системе имущественных прав позволяет рассматривать их и как способ капитализации, и как имущество, обладающее инвестиционной привлекательностью, и как средство удостоверения принадлежности имущественных прав тому или иному субъекту.

Сегодня как никогда важно осуществить устранение пробелов в вопросах правовой регламентации перехода прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, так как в науке гражданского права выявляется ряд несоответствий в подходах, демонстрируемых современным российским законодателем, к категориям «цифровые права», «цифровые финансовые активы» и правовой природе этих явлений. Главнейшая задача юридической науки – сформировать целостное научное представление о феномене ЦФА и особенностях правового

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

регулирования общественных отношений в сфере гражданского оборота имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, с позиции цивилистической доктрины.

Вопросы, связанные с определением сущности цифровых прав (как разновидности имущественных прав) и цифровых активов, установлением их места в системе гражданско-правовых отношений, активно исследуются российскими и зарубежными учеными. Однако комплексных монографических исследований, посвященных проблематике гражданского оборота именно ЦФА как феномена современного гражданского права, на данный момент практически нет.

Общезивилистические исследования, касающиеся определения правовой природы и гражданско-правового оборота имущественных прав, проводили А. Б. Арзуманян, Ю. Ф. Беспавлов, Е. В. Богданов, Ю. В. Виниченко, Л. В. Криволапова, В. А. Лапач, И. А. Полуяхтов, А. Я. Рыженков, Ю. Е. Туктаров, А. С. Яковлев и др.

Вопросы установления специфики цифровых прав, цифровых активов, цифровых финансовых активов, криптовалюты, определения места этих феноменов в системе гражданского права исследовались В. В. Акинфиевой, К. М. Беликовым, М. В. Вараксиным, Б. М. Гонгало, А. И. Гончаровым, Т. В. Горловой, А. Г. Дейнеко, А. О. Иншаковой, В. П. Камышанским, О. А. Полежаевым, Т. А. Поляковой, Сатоши Накамото, О. А. Серовой, А. В. Степанченко, М. В. Телюкиной, А. В. Тумаковым, Л. А. Чеговадзе и др., в том числе иностранными авторами, такими как А. Берли, У. Болт, А. Гринберг, Д. Тапскотт, Р. Виндзор и др.

Вопросы защиты субъективных прав при использовании цифровых технологий отражены в работах И. А. Близнеца, В. Б. Вехова, А. Ф. Пьянковой и др.

Однако при всем обилии научных публикаций, так или иначе касающихся проблематики гражданского оборота цифровых активов, исследователи чаще всего сосредотачиваются на вопросах токенизации инвестиционных предложений, в рамках которых ЦФА предстает как базовая категория для криптовалюты (виртуальной валюты), понимании ЦФА на предмет имущества и средства платежа или способа легализации доходов, полученных от преступной деятельности.

Что же касается изучения данного феномена как оригинальной формы фиксации определенных имущественных прав, то таких работ достаточно мало. Не освещена в юридической литературе и проблематика гражданско-правового оборота имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, публикаций, где рассматривались классификация и специфика заключения сделок с ЦФА, практически нет.

Настоящая монография является одним из первых юридических исследований проблематики вышеуказанного феномена, где во главу поставлен подход к ЦФА как к оригинальной форме фиксации имущественных притязаний участников гражданского оборота, юридической конструкции, позволяющей идентифицировать обладателя имущественных прав, сведения о которых зафиксированы в информационной системе на основе технологии распределенного реестра (block chain), и опосредующей переход названных прав от одного обладателя к другому.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении имущественных прав, удостоверение которых осуществляется дистанционно посредством осуществления записей в информационные системы на основе распределенного реестра и иные информационные системы. Предмет исследования составляют процессы возникновения и реализации прав обладателей ЦФА, теоретические взгляды российских и зарубежных ученых на проблемы правового регулирования использования цифровых технологий для нужд гражданского оборота, основные концепции, определяющие сущность феномена «цифровые финансовые активы», место ЦФА в системе гражданского права России, специфика заключения сделок с имущественными правами, удостоверенными посредством конструкции ЦФА, правоприменительная и правореализационная практика, сформировавшаяся в сфере использования технологий распределенного реестра для нужд гражданского оборота, нормы российского гражданского права, регламентирующие выпуск, учет и оборот ЦФА.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные научные методы познания.

Диалектико-материалистический метод предопределил проведение исследования правового режима имущественных прав, выпуск, учет

и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также иные информационные системы, в неразрывном единстве с существующим правовым регулированием вопросов оборота объектов гражданских прав.

Использование системного метода позволило осуществить исследование основных проблем, связанных с установлением сущности и места ЦФА в системе российского гражданского права, провести систематизацию сделок с имущественными правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, разработать алгоритм гражданско-правового оборота прав, зафиксированных путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также иные информационные системы, сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства.

Методы анализа и синтеза дали возможность осуществить сопоставление правовых норм, регулирующих вопросы оборота цифровых активов в российском и зарубежном праве, обосновать авторскую позицию, касающуюся поиска направлений и способов разрешения существующих противоречий в сфере гражданско-правового регулирования использования технологий распределенного реестра при совершении сделок с ЦФА.

Формально-юридический метод применялся при изучении норм российского и зарубежного законодательства, регулирующих выпуск, учет и обращение прав, реализация которых возможна только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра и иные информационные системы, юридической практики, сформировавшейся в данной сфере, научных публикаций российских и зарубежных авторов по теме исследования, позволил текстуально отразить полученные результаты.

Метод толкования норм права способствовал уяснению правовой природы исследуемых феноменов и выявлению коллизий в правовом регулировании выпуска, учета и обращения прав, реализация которых возможна лишь путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также иные информационные системы.

Нормативную основу исследования составили нормативные правовые акты РФ и некоторых зарубежных стран (США, ФРГ, Велико-

британии, Японии, КНР, Швеции, Финляндии, Белоруссии, Казахстана и др.), рекомендации межправительственной организации ФАТФ (FATF), осуществляющей выработку мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма ("The financial action task force on money laundering"). Особую значимость для данного исследования имеют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации¹ и Закона о ЦФА.

Эмпирической основой исследования являются акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, иные судебные акты, приведенные в перечне материалов судебной практики, и опубликованные сведения, касающиеся оборота различных видов цифровых активов.

Теоретической основой исследования в части определения и систематизации объектов гражданских прав стали научные труды М. М. Агаркова, В. А. Белова, С. П. Гришаева, О. С. Иоффе, О. А. Кра-савчикова и др.

При рассмотрении вопросов, связанных с оборотом имущественных прав, использовались работы отечественных и зарубежных ученых С. Н. Братуся, Ю. В. Виниченко, Л. В. Криволаповой, И. Б. Новицкого, А. В. Руденко, И. А. Полуяхтова и др.

Отдельные аспекты оборота цифровых прав были освещены в трудах Т. В. Дерюгиной, А. А. Карцхия, Л. А. Новоселовой, Л. В. Санниковой, Ю. С. Харитоновой и др.

Критериям научной новизны отвечают предложенные и обоснованные автором выводы о необходимости: уточнения дефиниций «цифровые права», «цифровые финансовые активы»; введения в юридический лексикон категорий «оцифрованные права» и «права, удостоверенные по конструкции цифровых финансовых активов»; понимания ценных бумаг и ЦФА как юридико-технического инструментария, обеспечивающего фиксацию принадлежности определенных имущественных прав участникам гражданского оборота; периодизации развития нормативно-правового регулирования общественных отношений, касающихся использования технологии распределенного реестра, в интересах гражданского оборота; обязательности

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть I от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.

применения цессионных конструкций к обороту прав, учет и осуществление которых возможны только после внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также иные информационные системы; разработки алгоритма, раскрывающего последовательность совершения действий в рамках оборота прав, учет и осуществление которых возможны только после внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра; систематизации сделок с имущественными правами, удостоверенными по конструкции ЦФА.

Автором утверждается, что под термином «цифровые финансовые активы» следует понимать не оригинальную группу объектов гражданских прав, а новый способ фиксации принадлежности и объема некоторых уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав участникам гражданского оборота посредством использования компьютерных цифровых технологий распределенного реестра и функционирования информационных систем, в которых осуществляется дистанционное взаимодействие контрагентов. Тогда как под объектами гражданских прав подразумеваются права, удостоверенные по конструкции ЦФА.

В качестве ценностного содержания прав, удостоверенных посредством юридической конструкции ЦФА, стоит рассматривать обязательственные денежные требования; имущественные права, зафиксированные в эмиссионных ценных бумагах, и право требовать передачи таких эмиссионных ценных бумаг; корпоративные права участия в капитале непубличного акционерного общества.

Думается, что сущностным наполнением категории «цифровые права» являются вполне известные правовой доктрине определенные имущественные права, для фиксации которых применяется оригинальная конструкция, позволяющая участникам гражданского оборота взаимодействовать по поводу этих прав дистанционно внутри определенной информационной системы. Обосновывается положение о необходимости использования вместо термина «цифровые права» термина «оцифрованные права».

Автором предлагается дефиниция категории «оцифрованные права», которая может выглядеть следующим образом: «Оцифрованными признаются имущественные права, принадлежность которых правообладателю фиксируется посредством особых информационно-

коммуникационных технологий, содержание и условия осуществления оцифрованных прав регулируются в соответствии с правилами информационной системы – специального алгоритма программно-компьютерной связи, обеспечивающего дистанционное взаимодействие контрагентов относительно таких прав».

Обосновывается, что употребление российским законодателем терминов «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» применительно к имущественным правам следует рассматривать как юридическую фикцию, опосредующую оборот субъективных требований в электронно-виртуальной среде.

Исходя из понимания в качестве объектов гражданских прав определенных благ, представляющих ценность для участников гражданских правоотношений, выдвинуто положение о том, что ценные бумаги (как документарные, так и бездокументарные) следует относить не к категории «объекты гражданских прав», а к способам фиксации принадлежности имущественных притязаний тем или иным участникам гражданского оборота, ибо ценность имеют не сами ценные бумаги, а права, зафиксированные при помощи этой юридической конструкции. По своей сути ценные бумаги – это способ объективирования воли участников гражданского оборота, т. е. элемент формы сделки.

Автором выделяются три этапа эволюционного развития отечественного законодательства о ЦФА (в широком понимании данного феномена): от их рассмотрения в качестве средства легализации доходов, полученных преступным путем, через применение к ним норм налогового права к легитимации существования цифровых активов в качестве оборотоспособных объектов гражданских прав.

Исходя из специфики конструкции ЦФА автором выявлена необходимость наличия аппаратно-программного комплекса – компьютера и (или) смартфона с каналом интернет-связи, обеспечивающего участнику гражданско-правового взаимодействия в цифровой среде доступ и работу в информационной системе, в которой осуществляется выпуск, учет и обращение прав, удостоверенных по конструкции оцифрованных прав вообще и ЦФА в частности; обоснована значимость признания такого владения в качестве обязательного элемента его гражданско-цифровой сделкоспособности.

Автором отстаивается позиция о необходимости признания оптимальным пятиступенчатого алгоритма, регламентирующего инициативный (договорный) процесс гражданского оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Обосновывается целесообразность введения в систему договорного права новой правовой конструкции «договор обмена», под которой понимаются двусторонние сделки, опосредующие обмен объектов гражданских прав, не являющихся вещами, либо их обмен на вещи.

Предлагается в рамках авторской классификации сделок, совершаемых с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, выделять группу сделок, совершаемых с целью бесповоротной смены обладателя прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и группу сделок, предусматривающих временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные автором результаты и сформулированные выводы формируют целостное научное представление о феномене «цифровые финансовые активы» с позиции цивилистической доктрины. В работе определена правовая природа и место ЦФА в системе гражданского права; предложена классификация прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; выявлены тенденции в правовом регулировании общественных отношений, складывающихся относительно ЦФА в современном российском законодательстве и отдельных иностранных юрисдикциях; разработан алгоритм, раскрывающий последовательность совершения действий в рамках оборота прав, учет и осуществление которых возможны только после внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра; проведена систематизация сделок с имущественными правами, удостоверенными по конструкции ЦФА.

Полученные выводы и сформулированные предложения обеспечивают приращение и обогащение раздела науки гражданского права, изучающего имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Научные результаты могут быть использованы при проведении последующих научных изысканий, касающихся защиты субъективных прав обладателей ЦФА, анализа специфики отдельных сделок с имущественными правами, учет и осуществление которых возможны только после внесения (изменения) записей

в информационную систему на основе распределенного реестра, а также иные информационные системы.

Практическая значимость проведенного исследования обусловлена возможностью применения полученных автором результатов при совершенствовании законодательства, в правоприменительной практике и учебном процессе по гражданскому и предпринимательскому праву.

Достоверность исследования подтверждается значительным объемом исследованных источников по вопросам правовой природы и гражданского оборота цифровых прав и ЦФА.

Структура научного издания соответствует объекту, предмету, цели и задачам исследования. Монография состоит из введения, двух глав, содержащих пять параграфов, заключения, списка сокращений и библиографии.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОТДЕЛЬНЫХ ИНОСТРАННЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ

§ 1. Правовая природа цифровых финансовых активов, их место в системе российского права

Категория «цифровые финансовые активы» в настоящее время проходит этап становления. Мы солидарны с мнением Б. М. Гонгалю и Л. А. Новоселовой, которые ответственно заявляют, что не утихают споры относительно дефиниции этого понятия, его признаков, причем доктринальные подходы и законодательные установления нередко значительно отличаются¹. Экономисты и юристы ведут полемику по содержанию данной категории, пытаются сформулировать наиболее оптимальное определение, адекватно описывающее феномен «цифровые финансовые активы». Вместе с тем ориентиром для российской правовой мысли являются подходы, демонстрируемые в тех иностранных юрисдикциях, где стали раньше уделять внимание вопросам правового регулирования отношений, возникающих в рамках цифровой экономики (в том числе использования в экономическом обороте цифровых активов).

На данный момент следует констатировать, что понимание сущности ЦФА еще только формируется, правила, регламентирующие их оборот, находятся в стадии апробации. Мы полагаем, что в процессе исследования категории ЦФА учеными должны быть сформулированы такие предложения законодателю, чтобы правоприменителям и участникам экономического оборота было понятно, удобно и комфортно использовать «умные» технологии, улучшающие нашу жизнь.

Обоснованно полагая, что наиболее перспективным путем повышения благосостояния и качества жизни граждан является использование новых технологических решений, Правительство РФ в 2017 г.

¹ См.: Гонгалю Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–180.

утвердило программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Однако значимость обозначенных в этой программе проблем показала, что для консолидации усилий общества на пути повышения качества жизни населения вопросы перехода на новый формат экономических отношений должны быть рассмотрены не на правительственном, а на национальном уровне. Это привело к тому, что 24 декабря 2018 г. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам была утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, при разработке которой был учтен весь положительный опыт, накопленный ранее.

По мнению Дона Тапскотта, в качестве основы нового экономического уклада следует рассматривать явление digitization, сутью которого является цифровая форма существования информации². Сегодня мы констатируем, что такая форма позволяет оперативно обмениваться сведениями, имеющими значение для участников взаимодействия, независимо от объема передаваемой информации и места нахождения участников взаимодействия, при этом сроки информационного обмена минимальны. Однако перевод информационного обмена в цифровую форму требует соответствующего технического обеспечения, ибо, по справедливому мнению А. А. Мохова, в рамках цифровой экономики самым серьезным образом меняется формат взаимодействия между бизнесом и потребителями, государством и бизнесом³.

Перспективность и значимость лежащих в основе цифровой экономики интернет-технологий: больших данных (big data), облачного хранения информации (cloud storage) и др. (в том числе искусственного интеллекта) – позволяют повысить эффективность экономических процессов, обеспечить доступность тех или иных благ для значительной

¹ Цифровая экономика Российской Федерации: паспорт нац. прогр.: утв. Президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по страт. развитию и нац. проектам 24 декабря 2018 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Tapscott D. The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence. N. Y., 1996. P. 114.

³ См.: Мохов А. А. Инновационные биотехнологии и информационные технологии – драйверы биоэкономики и смены парадигмы права // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике. М., 2020. С. 56.

части населения. Сегодня мы наблюдаем формирование открытого рынка труда¹, развитие кошеринговых технологий (co-sharing), в основе которых лежат идеи совместного владения материальными благами, становление института общественных лицензий на свободное программное обеспечение (general public license)². Набирают поддержку концепции экономики совместного потребления (sharing economy), экономики сотрудничества, викиномики (wikinomica). Они формируют наше представление о направлениях развития постиндустриального общества³. По обоснованному мнению Л. В. Санниковой и Ю. С. Харитоновой, цифровизация экономических процессов позволяет существенно снизить транзакционные издержки, ускорить проведение транзакций, упростить доступ участникам хозяйственной деятельности на товарные рынки, расширить возможности для деятельности субъектам малого предпринимательства⁴. Мы поддерживаем позицию В. П. Камышанского, который полагает, что появление новых цифровых возможностей в гражданском обороте должно упростить жизнь россиян⁵.

В то же время И. А. Блинец подчеркивает, что стремительное развитие технологий не только открывает неограниченные возможности для доступа к объектам, созданным в цифровой среде, но и обуславливает проблематику охраны и защиты прав на такие

¹ См.: Томилов В. В., Семеркова Л. Н. Маркетинг рабочей силы: учеб. пособие. СПб., 1997. С. 6.

² См.: Маркова В. Д. Цифровая экономика: учебник. М., 2021. С. 101.

³ См., напр.: Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. 2019. № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-sovmestnogo-potrebleniya-suschnost-i-nekotorye-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 17.02.2023); Гатауллина Д. Р. Сотрудничество как экономическая категория // ПСЭ. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-kak-ekonomicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 23.07.2020); Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=137942> (дата обращения: 20.02.2023).

⁴ См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть закона. 2019. № 1 (37). С. 16.

объекты¹. Вопросы защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики поднимает А. Ф. Пьянкова². В. Б. Вехов обосновал необходимость привлечения внимания общества, законодателя, научной общественности и правоприменителей к совершению противоправных деяний в сфере цифровой экономики и осуществлению ими эффективного противодействия³. О. А. Серова считает актуальным проведение ревизии методологических подходов, используемых при выполнении гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху⁴.

Формулируя национальные цели развития государства на период до 2030 г., Президент РФ обозначил цифровую трансформацию в качестве одного из направлений, которые смогут обеспечить прорывное развитие нашей страны⁵.

Принято считать сутью процессов цифровой трансформации (англ. digital transformation, DT или DX) внедрение цифровых технологий в различные сферы общественных отношений. В соответствии с представленным Правительством РФ проектом Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г.⁶ в рамках цифровой трансформации в ключевые отрасли российской экономики и социальную сферу предусматривается использование конкурентоспособных отечественных ИТ-решений, переход на юридически

¹ См.: Близнец И. А. Цифровые технологии и защита авторов от незаконного использования исключительных прав авторов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 1 (31). С. 33.

² См.: Пьянкова А. Ф. Особенности защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 301.

³ См.: Вехов В. Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 630.

⁴ См.: Серова О. А. Проблемы развития методологии гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 351.

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.

⁶ Проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: подгот. Правительством Рос. Федерации (ред. от 01.03.2021). URL: <https://rusbankrot.ru/upload/epdncr-proj.pdf> (дата обращения: 20.02.20203).

признаваемый электронный документооборот, создание нормативных и финансовых условий для эффективного внедрения цифровых технологий во все сферы нашей жизни.

Процессы цифровой трансформации оказывают значительное влияние и на сферу права¹. Учеными-правоведами все активнее стала развиваться концепция «цифрового права»², причем проблематика его обоснования как некоей новой юридической реальности в системе российского права занимает весьма значительное место в современных научных дискуссиях юридической направленности³.

Говоря о необходимости модернизации законодательства в условиях цифровой экономики, К. М. Беликова ответственно заявляет, что «правовой вакуум в сфере цифровой экономики создает множество проблем, когда используются технологии, разрушительные для традиционных моделей ведения бизнеса»⁴. По мнению П. В. Крашенинникова, закрепление цифрового права в качестве составляющей категории «объекты гражданских прав» позволит увеличить объем гражданского оборота, повысить эффективность и результативность привлечения свободных ресурсов в экономику, обеспечить эффективную защиту прав и охраняемых законом интересов участников гражданских правоотношений⁵.

В марте 2019 г. Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶ введено в юридический лексикон понятие «цифровые права». По мнению Председателя Государст-

¹ См.: Полякова Т. А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 53.

² См.: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 17; Его же. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 44.

³ См.: Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул, 2020. С. 103.

⁴ Беликова К. М. Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики // Закон и право. 2018. № 8. С. 26–30.

⁵ Цит. по: Вараксин М. В Гражданском кодексе появятся цифровые права и смарт-контракты. URL: <https://pravo.ru/news/209250/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁶ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

венной Думы РФ В. В. Володина, этот закон следует рассматривать как одну из ступеней реализации Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ 2019 г., в котором развитие цифровой экономики обозначено в качестве одного из приоритетных направлений развития нашей страны¹.

Категории «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» являются настолько взаимосвязанными, что рассмотрение их отдельно друг от друга не представляется возможным. Следует отметить, что категория ЦФА может рассматриваться как в широком, так и в узком смысле.

Понимание термина ЦФА в широком смысле продемонстрировано в проекте федерального закона «О цифровых финансовых активах», представленном для обсуждения в 2018 г.² В статье 2 законопроекта о ЦФА под ЦФА понималось имущество в электронной форме, создаваемое с использованием шифровальных (криптографических) средств, а в качестве разновидностей ЦФА назывались криптовалюта и токены. Его авторы рекомендовали в качестве криптовалюты рассматривать такой вид ЦФА, который создается и учитывается в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с установленными правилами ведения реестра цифровых транзакций, а в качестве токена – такой вид ЦФА, который учитывается в реестре цифровых записей и может выпускаться только юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями с целью привлечения финансирования. Думается, что данный подход черпает свое начало из общего понимания цифровых активов как неких экономических благ, созданных в результате применения цифровых технологий³. Однако в процессе обсуждения законопроекта о ЦФА было предложено соответствующую категорию рассматривать в узком смысле, когда криптовалюта выводится за пределы анализируемой категории, а средства привлечения финансирования, расцениваемые в качестве разновидностей

¹ См.: Волуйская М. В чем суть нового закона о цифровых правах? URL: https://aif.ru/society/law/chto_takoe_zakon_o_cifrovyyh_pravah (дата обращения: 15.02.2023).

² См.: Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/01/main/Zakonoproekt_o_TSFA_250118_na_sayt.docx (дата обращения: 05.02.2023).

³ См.: Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Указ. соч.

ЦФА, четко определены. Именно такой подход и был воспринят в итоге современным российским законодателем.

Действующая легальная трактовка термина «цифровые финансовые активы» содержится в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА. В статье 1 определено, что цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Законом о ЦФА, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также иные информационные системы.

Аутентичное толкование цитируемой нормы закона позволяет сделать однозначный вывод о том, что ЦФА, по мнению российского законодателя, – это определенный сегмент цифровых прав.

Действующее легальное определение категории ЦФА сформулировано законодателем в нормах ст. 141.1 ч. 1 ГК РФ¹, где установлено, что цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Характерным признаком цифровых прав является то, что «осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу»².

Справедливости ради отметим, что в российском гражданском праве, помимо вышеуказанного подхода к определению сущности категории «цифровые права», существуют и другие. В частности, А. В. Тумаков и Н. А. Петраков предлагают понимать под цифровыми правами «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование

¹ ГК РФ. Ст. 3301.

² Там же. П. 1 ст. 141.1.

компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, к сети Интернет»¹. Но такой подход не получил распространения в научной среде и не был воспринят российским законодателем.

Буквальное прочтение ст. 128 ГК РФ, раскрывающей легальный подход к категории «объекты гражданских прав», позволяет утверждать, что цифровые права отнесены российским законодателем к одной из разновидностей имущественных прав, которые, в свою очередь, относятся к более общей категории «имущество».

Казалось бы, место ЦФА в системе российского гражданского права достаточно четко установлено, и этот феномен следует оценивать как определенный сегмент категории «объекты гражданских прав». Но, обращаясь к нормам п. 4 ст. 1, п. 1 ст. 2, п. 5 ст. 6 и др. Закона о ЦФА, мы видим, что цифровые финансовые активы, помимо понимания этой категории как определенного сегмента объектов гражданских прав, рассматриваются современным российским законодателем и как способ удостоверения некоторых прав. В частности, в п. 4 ст. 1 Закона о ЦФА отмечено, что цифровые финансовые активы *удостоверяют* (курсив наш. – В. С.) права по эмиссионным ценным бумагам, выпуск, учет и обращение которых регулируются Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»² с учетом особенностей, предусмотренных законом о ЦФА, а в п. 1. ст. 2 Закона о ЦФА указано, что «права, *удостоверенные* (курсив наш. – В. С.) цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов указанному лицу».

Таким образом, действующее российское законодательство демонстрирует двоякое понимание категории ЦФА. С одной стороны, они рассматриваются как оборотоспособные объекты гражданских прав, а с другой – как способ удостоверения неких прав.

¹ Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67.

² О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

Думается, что такая ситуация требует тщательного анализа, ибо двойственность, демонстрируемая российским законодателем в понимании одной и той же категории, влечет проблемы в правоприменительной практике. Следует отметить, что Закон о ЦФА, вступивший в силу с 1 января 2021 г., весьма сложно реализуется на практике. По состоянию на 19 мая 2021 г. на рассмотрении в Банке России находились только три заявки на регистрацию операторов информационных систем, в которых будет осуществляться выпуск ЦФА¹. Но и к концу года в Российской Федерации в обращение не был выпущен ни один цифровой финансовый актив.

При рассмотрении категории ЦФА в ракурсе объекта гражданских прав дискуссия относительно правовой природы феномена «объекты гражданских прав» неизбежна. Мы солидарны с мнением тех ученых, которые утверждают, что понимание сущности категории «объекты гражданских прав» имеет важное практическое значение, так как каждой отрасли права присущи свои объекты правового регулирования, в отношении которых применяются специальные (отраслевые) методы правового регулирования. Необоснованное применение методов правового регулирования, присущих одной отрасли права, в отношении объектов правового регулирования, свойственных другой отрасли права, приводит к искажению сути правоприменения и принятию ошибочного решения².

К сожалению, легального определения категории «объекты гражданских прав» в российском законодательстве в настоящее время нет. В главе 6 ГК РФ, посвященной общим положениям об объектах гражданских прав, законодатель основное внимание сосредоточил на перечислении элементов, составляющих категорию «объекты гражданских прав» (ст. 128 ГК РФ), и классификации объектов гражданских прав с позиций их оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ),

¹ См.: ЦБ РФ принимает заявки на создание операторов цифровых финансовых активов // Финансовый директор. 2021. 19 мая. URL: <https://www.fd.ru/news/51579-tsb-rf-prinimaet-zayavki-na-sozдание-operatorov-tsifrovyyh-finansovyh-aktivov> (дата обращения: 01.02.2023).

² См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие / под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. М., 2018. С. 49; Гончаров А. И., Иншакова А. О. Развитие цифровых технологий таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности на пространстве ЕАЭС // Право и управление. XXI век. 2021. № 17 (2). С. 24.

после чего перешел к регламентации правового режима вещей как объектов гражданских прав (ст. 130–137 ГК РФ) и охарактеризовал деньги (валюту), валютные ценности и цифровые права (ст. 140, 141, 141.1 ГК РФ соответственно) как самостоятельные элементы категории «объекты гражданских прав». В последующем в подразд. 3 ч. 1 ГК РФ, который поименован как «Объекты гражданских прав», российский законодатель разместил нормы, определяющие правовой режим ценных бумаг (гл. 7) и нематериальных благ (гл. 8). Фактически получается, что регламентация такой категории объектов гражданских прав, как «имущественные права», в подразд. 3 ГК РФ¹ осуществлена только с позиций бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав. Остальные нормы, касающиеся оборота имущественных прав, размещены в других разделах ГК РФ в рамках отдельных правовых институтов (прежде всего в разд. III и IV ГК РФ, именуемых «Общая часть обязательственного права» и «Отдельные виды обязательств» соответственно).

Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Исследуя проблематику объектов гражданских прав, А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков и А. Ю. Чикильдина утверждают, что это один из важнейших вопросов, интерес к которому с каждым годом только растет, поскольку растет и преобразуется круг самих объектов, причем расширение круга объектов гражданских прав происходит не только в русле правовых реформ, но и с развитием науки и техники². Вышеназванные авторы полагают, что категория «объект права» может трактоваться в качестве объекта нормы права

¹ Наименование подраздела «Объекты гражданских прав».

² См.: Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чикильдина А. Ю. Объекты гражданских прав: новые векторы правового регулирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 «Юриспруденция». 2013. № 4 (21). С. 8.

(предмета правового регулирования); объекта субъективного права; объекта правоотношения¹.

Уважая такую точку зрения, мы не можем с ней полностью согласиться. Думается, что отстаивание многозначности категории «объекты гражданских прав», наполнение ее смыслом с позиций правоотношения, субъективного права и в других аспектах приведет к бесконечной научной дискуссии и словесной эквилибристике. Ю. К. Толстой еще в 60-х гг. прошлого века писал, что необходимости разграничения таких категорий, как «объект нормы права», «объект правоотношения», «объект субъективных прав и обязанностей», «объект сделки», нет, ибо это, по своей сути, одно и то же².

Проведя большую работу, посвященную анализу различных точек зрения на проблематику соотношения категорий «объект субъективного гражданского права», «объект гражданского правоотношения» и «объект гражданского оборота», изучив и сопоставив мнения ученых (М. М. Агарков, Д. Д. Grimm, А. П. Дудин, О. С. Иоффе, В. А. Лапач, В. Н. Протасов, Г. Ф. Пухта, Р. О. Халфина, Л. А. Чеговадзе, Г. Ф. Шершеневич и др.), В. А. Белов пришел к выводу, что категория «объекты гражданских правоотношений суть любые, функционально годные для этой роли субстанции, исключая субъектов и содержание правоотношений, а также юридические факты», а «объекты гражданского оборота суть сами гражданские правоотношения, в первую очередь – их активная составляющая (субъективные права)»³.

Думается, что выводы, полученные В. А. Беловым в части недопустимости отождествления категорий «субъекты правоотношений» и «содержание правоотношений» с категорией «объекты правоотношений», бесспорны, однако говорить о том, что объекты гражданского оборота – это сами гражданские правоотношения, некорректно. Правовые отношения – отношения между субъектами права по поводу принадлежности и использования определенных

¹ См.: Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чикильдина А. Ю. Указ. соч. С. 9.

² См.: Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 52.

³ См.: Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / рук. авт. кол., отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007. С. 76.

объектов. Именно поэтому нам импонирует позиция, устанавливающая, что под объектами гражданских прав понимаются материальные и нематериальные блага, по поводу которых взаимодействуют субъекты гражданского права¹. Мы солидарны с М. М. Валеевым, отмечающим, что категории «объекты гражданских прав» и «объекты гражданских правоотношений» тождественны и охватывают определенные блага, в связи с принадлежностью и (или) передачей которых у субъектов возникают права и обязанности. В качестве благ в гражданском праве А. С. Яковлев рассматривает предметы интереса участников гражданских правоотношений², а М. М. Валеев понимает под ними различные предметы и явления, способные удовлетворять потребности субъектов³.

Ряд авторов, помимо указания на категорию «благо», при формулировании дефиниции термина «объекты гражданских прав» относят к ним еще и процесс их создания⁴. Так называемая бирлинговская концепция двойного объекта правоотношения, когда в качестве объекта правоотношения, с одной стороны, рассматривается поведение лица, обязанного совершить применительно к кредитору определенные действия, а с другой стороны – определенное благо (материальное либо нематериальное), касательно которого субъекты вступают в правовые отношения⁵, детально анализировалась О. С. Иоффе⁶, М. М. Агарковым¹ и другими учеными. Мы полагаем,

¹ См., напр.: Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. М., 2014. С. 123; Беспавлов Ю. Ф., Якушев П. А. Гражданское право в схемах: учеб. пособие. М., 2013. С. 42; Основы гражданского права. Общая часть: учеб. пособие / П. М. Филиппов (отв. ред.), А. Н. Садков, Н. В. Котельников. Волгоград, 2017. С. 99; и др.

² См.: Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 12.

³ См.: Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 200.

⁴ См.: Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стер. М., 2011. С. 297.

⁵ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. М., 1999. С. 159.

⁶ См.: Иоффе О. С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 76.

что использование деятельностного подхода к категории «объекты гражданских прав» и объединение в рамках одной категории достигнутых результатов и самого процесса достижения результата не вступают в противоречие с категорией «благо». Не случайно редакция ст. 128 ГК РФ претерпела достаточно многочисленные изменения и дополнения. Ученые продолжают поиски наиболее оптимальной формы изложения правовых норм, чтобы адекватно отразить сущность описываемых правом явлений. На наш взгляд, результаты выполнения работ, подлежащие передаче заказчику, и совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности в интересах заказчика – это такое же благо, как и другие составляющие категории «объекты гражданских прав».

Использование в качестве ключевого момента в определении понятия «объекты гражданских правоотношений» термина «благо» позволило А. С. Яковлеву сформулировать следующее определение: объект гражданского правоотношения – это благо, способное в силу своей ценности удовлетворять признаваемые правом интересы субъектов гражданского права, по поводу которого субъекты вступают в правоотношение и которое является предметом их поведения².

Схожую позицию занимает С. П. Гришаев. Ему, на наш взгляд, удалось сформулировать конформистскую дефиницию категории «объекты гражданских прав», наглядно показывающую суть анализируемого феномена: «Объектом гражданского правоотношения является то благо, по поводу которого возникает гражданское правоотношение и в отношении которого существует субъективное право и соответствующая ему обязанность»³. Фактически, учитывая тождественность категорий «объекты гражданских правоотношений» и «объекты гражданских прав», мы можем утверждать, что объектами гражданских прав являются те блага, по поводу которых возникают гражданские правоотношения.

¹ См.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 22.

² См.: Яковлев А. С. Имущественные права ... Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. С. 8.

³ Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав: монография. М., 2015. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

В качестве юридически значимых признаков (свойств) объектов гражданских прав, лежащих в основе их отграничения от других явлений юридического мира, В. А. Лапач называет признак дискретности (физическая или учетная определенность и обособленность от других объектов), признак юридической привязки (нормативная гарантированность правового закрепления объектов за теми или иными субъектами гражданского права, способность того или иного блага быть признанным объектом права по закону), признак системности (интегрированность правовой идеи об объектах прав в систему основных категорий права и системное построение самой категории объектов)¹.

В целом соглашаясь с такой постановкой проблемы, мы тем не менее полагаем важным отметить, что сформулированный В. А. Лапачем тезис о том, что объектом субъективного права следует считать только такое явление, которое признано позитивным правом в качестве объекта в соответствующей правовой норме², достаточно спорен. Сам же вышеназванный автор признает, что «блага выступают как объекты прав не только в силу прямого обозначения их в данном качестве по закону, но и, что гораздо существеннее, вследствие того, что именно на них так или иначе направлено поведение субъектов гражданского права, вступающих в отношения друг с другом»³. Кроме того, тезис о незащитности «непризнанных» или «вымышленных» прав, в силу того что объем и содержание некоторых благ, фактически используемых в рыночном обороте, но не определенных и не формализованных в нормах права, не отвечает общим принципам гражданского законодательства. Нормы п. 2 ст. 1 ГК РФ предписывают, что физические и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и определении любых, не противоречащих законодательству условий договора. Общедозволительный тип правового регулирования, характерный именно для гражданского права,

¹ См.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 14–15.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 5.

принцип «разрешено все, что не запрещено»¹ способствуют развитию экономического оборота, появлению новых объектов, относительно которых узаконивается взаимодействие субъектов права (если оно не противоречит основам конституционного строя, нравственности, вопросам защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства²). Именно поэтому не названные конкретными нормами права объекты законного взаимодействия субъектов (непоименованные объекты) не могут отрицаться в качестве объектов гражданского права.

Думается, что именно из этих соображений в рамках исследования, проведенного через семь лет после опубликования В. А. Лапачем основных положений своего докторского диссертационного исследования на тему «Система объектов гражданских прав в законодательстве России», А. Б. Арзуманян была скорректирована система признаков объектов гражданских прав. В качестве таковых признаков (свойств) она называет: признак дискретности (позиция названного автора в данном случае совпадает с подходом, демонстрируемым В. А. Лапачем); признак нормативной гарантированности возможности правового закрепления объектов гражданских прав за конкретными субъектами гражданского права; признак правообъектности (сутью которого, по мнению А. Б. Арзуманян, является признание тех или иных явлений объектами гражданских прав в соответствии с нормами закона³).

Правовой анализ легального определения термина «цифровые финансовые активы», сформулированного российским законодателем в Законе о ЦФА, с позиций признаков объектов гражданских прав, обозначенных В. А. Лапачем, А. Б. Арзуманян, и современного гражданского законодательства России не позволяет сомневаться, что ЦФА, позиционируемые как цифровые права (т. е. права имущественные), – это объекты гражданских прав. Бесспорно, что ЦФА подлежат персонифицированному учету, о чем совершенно определено

¹ См.: Кузьмина Е. М. Типы правового регулирования: современное измерение // Вестник ПАГС. 2013. № 6 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-pravovogo-regulirovaniya-sovremennoe-izmerenie> (дата обращения: 28.02.2023).

² ГК РФ. Ст. 1.

³ См.: Арзуманян А. Б., Бабаев А. В., Бычко М. А. Объекты гражданских правоотношений: монография. Ставрополь, 2009. С. 10.

указано в п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА (соответствие признаку дискретности). В пункте 1 ст. 2 Закона о ЦФА прописано, что «права, удостоверяемые цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых активов указанному лицу» (соответствие второму признаку категории «объекты гражданских прав», обозначенному А. Б. Арзуманян). Ну и о том, что ЦФА именовются цифровыми правами (а следовательно, и объектами гражданских прав), прямо сказано в самом начале п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА.

При классификации объектов гражданских прав в зависимости от специфики правового режима общепринято выделять следующие группы: 1) вещи и иное имущество; 2) результаты выполнения работ и оказания услуг; 3) интеллектуальная собственность; 4) нематериальные блага¹.

Казалось бы, такая классификация объектов гражданских прав достаточно стройна и оправдана. К первой группе объектов гражданских прав законодатель относит имущество, среди которого на первое место выдвигает категорию «вещи». С позиций гражданского права вещи – это материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара².

Что же касается категории «иное имущество» с позиций объекта гражданских прав, законодатель в данном направлении ограничивается лишь ссылкой на категорию «имущественные права», к которой в соответствии с нормами ст. 128 ГК РФ относит безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и *цифровые права* (курсив наш. – В. С.). На этом законодательный перечень элементов, составляющих понятие «имущество» в рамках ст. 128 ГК РФ, закрыт.

Однако если мы обратимся к нормам ст. 1112 ГК РФ, определяющим состав наследства, то увидим формулу, согласно которой в состав наследства входят принадлежащие наследодателю на день открытия наследства «вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности». Это позволяет А. О. Иншаковой

¹ См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие. С. 58–59.

² См.: Российское гражданское право: учебник. С. 303.

и А. Н. Садкову говорить о долгах как о пассивной составляющей категории «имущество»¹.

Можно было бы предположить, что современный российский законодатель достаточно четко определил место ЦФА в системе объектов гражданских прав. Нормы п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА определяют, что ЦФА – это определенный сегмент цифровых прав, а нормы ст. 141.1 ГК РФ устанавливают, что цифровые права – это некоторые обязательственные и иные права, которые в соответствии со ст. 128 ГК РФ являются составляющими категории «имущественные права».

Буквальное толкование вышеуказанных законодательных норм позволяет сделать вывод, что ЦФА – некие ранее неизвестные науке и практике имущественные права, которые должны отграничиваться от иных имущественных прав. Хотя российский законодатель не дает легального определения термину «имущественные права», он активно использует его при установлении правил, регламентирующих хозяйственный оборот, в то время как имущественное право отождествляется с категорией «требование». В пункте 4 ст. 454 ГК РФ установлено, что к продаже имущественных прав (в том числе цифровых) применяются общие правила гл. 30 ГК РФ, касающиеся купли-продажи, если иное не вытекает из содержания или характера имущественных прав. В соответствии с п. 1 ст. 572 ГК РФ имущественное право может выступать в качестве предмета договора дарения.

По мнению А. С. Яковлева, в данном случае следует говорить о субъективных гражданских правах, выступающих средством реализации имущественного интереса, имеющих денежную оценку, не присущих субъекту изначально в силу самого факта их существования и обладающих признаком отчуждаемости². В целом, признавая обоснованность такого утверждения, мы считаем, что его следует скорректировать с учетом понимания субъективного гражданского права, демонстрируемого П. М. Филипповым и А. Ю. Белоножкиным³.

¹ См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие. С. 59.

² См.: Яковлев А. С. Имущественные права ... Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. С. 9.

³ См.: Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград, 2009. С. 74.

Н. В. Кагальницкова полагает, что имущественные права хотя не обладают материальной, физической формой, однако характеризуются материальным содержанием, позволяющим удовлетворить интересы субъектов гражданских правоотношений. При этом имущественное право нельзя вручить, сдать перевозчику или органам связи для отправки, истребовать, уничтожить. Имущественное право, являясь самостоятельным объектом гражданских прав, приравнивается к праву требования, возникающему в рамках гражданско-правовых обязательств¹. «Наличие у объекта права – требования – имущественной ценности делает обязательственное право субъекта явлением той же природы, что и вещное право: придает ему имущественный характер»².

Л. А. Новоселова, исследуя специфику имущественных прав, указывает, что передача таких прав допустима только по конструкции цессии, ибо их физическая передача невозможна³.

Как права требования рассматривает категорию «имущественные права» Конституционный Суд Российской Федерации⁴.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отмечает, что возникновение имущественного права обусловлено имуществом, которое имеет определенную ценность и выражено вовне в виде индивидуально-определенной вещи либо в виде действий⁵.

В целом мы разделяем приведенную выше позицию, однако полагаем, что категория «имущественное право» не может сводиться только к вещным и обязательственным правам. В настоящее время стало общепризнанным понимание того, что в рамках отношений по использованию результатов интеллектуальной деятельности

¹ См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие. С. 208–209.

² Там же. С. 210.

³ См.: Новоселова Л. А. Соотношение сделки уступки и договора, на основании которого она совершается // Арбитражная практика. 2001. Спец. вып. С. 8–15.

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О налоге на прибыль предприятий и организаций“» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк»: постановление Конституц. Суда РФ от 28 октября 1999 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 45. Ст. 5478.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 26 октября 1995 г. № 5308/95 // Вестник ВАС РФ. 1995. № 4. URL: http://sudbiblioteka.ru/as/text1/vassud_big_474.htm (дата обращения: 05.02.2023).

также возникают требования, которые по своей природе стоит признавать имущественными правами.

Нормы ст. 1226 ГК РФ четко определяют, что исключительное право, являющееся сегментом интеллектуальных прав, следует рассматривать как право имущественное. К категории имущественных интеллектуальных прав нами предлагается также относить право следования, обозначенное в качестве самостоятельной правовой категории в нормах ст. 1226 ГК РФ. Имущественный характер права следования определяется нормами ст. 1293 ГК РФ.

Учитывая вышесказанное, А. С. Яковлев предложил вещные, обязательственные и исключительные права считать подкатегориями имущественных прав, корпоративные права – рассматривать в качестве сегмента обязательственных прав¹.

Полагаем, что подобное утверждение достаточно спорно. Мы поддерживаем позицию А. А. Кулика, который исследует корпоративные правоотношения в качестве самостоятельной группы гражданских правоотношений, наряду с вещными, обязательственными и исключительными, что обусловлено анализом юридической природы, направленности, специфики объектов и содержания корпоративных правоотношений², однако считаем, что отнесение всего сегмента корпоративных прав к категории «имущественные права» следует признать некорректным.

Несомненно, категория «корпоративные права» строится на имущественном фундаменте. Вместе с тем корпоративные права – это не одно право, а целая совокупность прав, среди которых сам же А. А. Кулик выделяет шесть составляющих, как-то: 1) право на участие в управлении хозяйственным обществом; 2) право на получение информации о деятельности хозяйственного общества; 3) право на участие в распределении прибыли (право на получение дивидендов); 4) право на ликвидационную квоту; 5) право хозяйственного общества на получение вкладов от его участников; 6) право хозяй-

¹ См.: Яковлев А. С. Имущественные права ... Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. С. 9.

² См.: Кулик А. А. Корпоративные права в системе гражданских прав: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

ственного общества на неразглашение его конфиденциальной информации¹.

Но предложенная А. А. Куликом классификация корпоративных прав не в полной мере соответствует законодательному подходу, продемонстрированному в нормах ст. 65.2 ГК РФ. Законодатель, регламентируя правовые отношения в корпорациях, прежде всего, говорит об управленческих отношениях, называя в качестве основных корпоративных прав право участия в управлении корпорацией; право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией; право обжаловать решения корпоративных органов, влекущие гражданско-правовые последствия; право требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков; право оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки по основаниям, предусмотренным в ст. 174 ГК РФ, и указывает, что участники корпорации «могут иметь и другие права, предусмотренные законом или учредительным документом корпорации»².

Думается, что это абсолютно обоснованно, так как, помимо корпораций, в которых участники (члены) имеют имущественные права в отношении корпорации, есть и такие, прежде всего некоммерческие, корпорации, где ее члены имущественными правами в отношении корпорации не располагают³.

Если имущественная природа права на получение дивидендов, права на ликвидационную квоту и права хозяйственного общества на получение вкладов от его участников не вызывает сомнений, то право на участие в управлении хозяйственным обществом, право на получение информации о деятельности хозяйственного общества и право хозяйственного общества требовать от участников этого общества неразглашения информации о его деятельности, носящей конфиденциальный характер, хотя и тесно связаны с результатами хозяйственной деятельности корпорации, однако не могут считаться имущественными правами в силу объективных причин. Именно поэтому И. С. Шиткина, проводя классификацию корпоративных

¹ См.: Кулик А. А. Указ. соч. С. 21–29.

² Пункт 1 ст. 65.2 ГК РФ.

³ К таким организациям следует отнести, прежде всего, общественные организации, общественные движения, казачьи общества, нотариальные палаты.

прав участников хозяйственных обществ, предлагает рассматривать в качестве достаточно самостоятельных сегментов корпоративных прав неимущественные (организационно-управленческие) корпоративные права, имущественные корпоративные права и преимущественные корпоративные права. По ее мнению, к имущественным корпоративным правам участников хозяйственных обществ следует относить: право на участие в распределении прибыли (право на дивиденды); право на получение части имущества общества при его ликвидации (право ликвидационной квоты)¹; к неимущественным (организационно-управленческим) правам – права, связанные с участием в управлении делами общества; права, связанные с осуществлением контроля за деятельностью органов управления общества и финансово-хозяйственным состоянием общества; права на получение информации о деятельности общества; к преимущественным правам – преимущественное право участника общества с ограниченной ответственностью на приобретение долей участия в ООО, отчуждаемых участниками в пользу третьих лиц, установленное ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»²; преимущественное право акционера на приобретение акций непубличного акционерного общества, отчуждаемых в пользу третьих лиц, установленное пп. 3, 4 ст. 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³; преимущественное право акционера на покупку дополнительно выпускаемых акций (эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции), установленное подп. 7 п. 3 ст. 66.3, п. 3 ст. 100 ГК РФ и ст. 40 Закона об АО⁴.

Помимо вышесказанного, участники ООО в соответствии с п. 2 ст. 8 Закона об ООО могут наделяться дополнительными корпора-

¹ См.: Шиткина И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах. М., 2017. С. 232–233, 245.

² Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

³ Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

⁴ См.: Шиткина И. С. Указ. соч. С. 235–244, 253–261.

тивными правами как имущественного, так и неимущественного характера. Возможность предоставления дополнительных прав участникам конкретного ООО должна быть прописана в уставе этого общества. Установленные уставом конкретного ООО, дополнительные корпоративные права носят персонифицированный характер и не передаются другим лицам при отчуждении участником своей доли.

Обобщая вышеизложенное, следует сделать вывод, что имущественные права – это требования, имеющие денежную оценку, которые могут отчуждаться участниками гражданского оборота и по своей правовой природе быть отнесены к вещным, обязательственным, исключительным правам (в части права следования), корпоративным правам (в части права на дивиденды, права на ликвидационную квоту, права корпорации на получение вкладов от участников).

Убедившись в том, что ЦФА представляют собой разновидность имущественных прав, нам предстоит выяснить, являются ли права, относимые российским законодателем к категории «цифровые финансовые активы», какой-либо новой эксклюзивной правовой конструкцией, ранее неизвестной российскому гражданскому праву, или это уже известные последнему имущественные права, зафиксированные посредством оригинальных технологических решений, имеющих значение в рамках процедур, опосредующих передачу таких прав от одного лица другому.

В соответствии с нормами п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА в качестве подвидов ЦФА рассматриваются: денежные требования; возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; права участия в капитале непубличного АО; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА.

Сутью денежных требований как подвида ЦФА является требование о передаче денег в наличной и безналичной форме, предъявляемое, как правило, в рамках обязательственных отношений. Нормы ст. 307 ГК РФ определяют, что обязанность должника уплатить кредитору деньги, наряду с обязанностью передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность и пр., составляет существо обязательственного правоотношения. Думается, что именно поэтому возникает иллюзия, что правовая

категория «денежные требования» тождественна категории «денежные обязательства». Однако это не так.

Легальное определение категории «денежное обязательство» в ГК РФ отсутствует, хотя в законодательстве данный термин активно используется¹. Традиционно он рассматривается в широком и узком значении. В широком смысле денежное обязательство – это любое обязательство, связанное с передачей определенной денежной суммы². В узком понимании термина во главу угла ставится цель передачи денежных средств, а именно их направленность на погашение денежного долга³. Согласно постановлению пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 денежное обязательство рассматривается как обязательство, «в силу которого на должника возлагается обязанность уплатить деньги», используемые «в качестве средства платежа, средства погашения денежного долга»⁴. Как отмечает О. П. Казаченок, предмет указанной категории образуют действия по уплате денег как в наличной, так и безналичной форме⁵.

Однако денежные требования могут возникать не только из обязательств, но и из наследственных отношений⁶, решения суда⁷,

¹ Например, ст. 317 ГК РФ называется «Валюта денежных обязательств», ст. 317.1 ГК РФ – «Проценты по денежному обязательству», ст. 395 ГК РФ – «Ответственность за неисполнение денежного обязательства» и пр.

² См.: Иоффе О. С. Избр. тр. В 4 т. Т. 3. Обязательственное право. СПб., 2004. С. 134; Белов В. А. Денежные обязательства. М., 2001. С. 14.

³ См.: Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. М., 2003. С. 24; Тирская Е. В. Категория денежного долга в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 30–32; Бакуева М. Г. Исполнение денежных обязательств по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 36–37.

⁴ О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами: постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 (в ред. постановления от 4 декабря 2000 г. Пленума ВАС РФ № 34 и Пленума ВАС РФ № 15) // Российская газета. 1998. 27 октября (№ 204).

⁵ См.: Казаченок О. П. Понятие денежного обязательства в гражданском и международном частном праве // Евразийская адвокатура. 2017. № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-denezhnogo-obyazatelstva-v-grazhdanskom-i-mezhdunarodnom-chastnom-prave> (дата обращения: 03.02.2023).

⁶ Например, при разделе наследства в порядке ст. 1165 ГК РФ.

⁷ К примеру, в порядке подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ.

в рамках налоговых¹, таможенных², семейных³, трудовых⁴ отношений, а также ответственности за нарушение административного⁵ и уголовного законодательства⁶.

Следует учитывать, что нормы Закона о ЦФА распространяются лишь на денежные требования, относящиеся к категории гражданско-правовых, ибо в п. 2 ст. 1 вышеназванного закона четко указывается, что в качестве ЦФА могут признаваться только определенные цифровые права, которые в соответствии с нормами ст. 128 ГК РФ являются подвидом объектов гражданских прав.

Денежные требования, возникающие в рамках гражданско-правовых отношений, могут фиксироваться в различных договорах⁷, а также посредством использования конструкций документарных

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. I от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 3 августа (№ 31). Ст. 3824; Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. II от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ: с послед. изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019). Прил. 1 к договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня (№ 25). Ст. 2954.

⁷ В качестве договоров, содержащих условие о передаче денег, следует отметить: договор купли-продажи, договор дарения, договор займа, кредитный договор, договор финансирования под уступку денежного требования, договор об отчуждении исключительного права на произведение, договор авторского заказа, договор об отчуждении исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец и пр.

и бездокументарных ценных бумаг¹ (некоторые авторы выделяют денежные ценные бумаги в качестве одной из разновидностей ценных бумаг²).

Что касается денежных требований, выступающих в качестве разновидности ЦФА, следует обратить внимание на тот факт, что с учетом имеющей принципиальное значение оборотоспособности ЦФА в качестве таких требований не могут рассматриваться денежные требования, неразрывно связанные с личностью (например, об алиментах, о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью). Руководствуясь нормами п. 2 ст. 388 ГК РФ, уместно упомянуть, что если денежные требования первоначально возникли в рамках обязательства, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника, то такое денежное требование может конвертироваться в ЦФА только при согласии должника³.

Некоторые денежные требования, являющиеся производными от других обязательств, по своей природе не могут выступать в качестве ЦФА. Верховный Суд РФ обращает внимание, что по общему правилу, установленному нормами п. 2 ст. 372 ГК РФ, уступка прав бенефициара по независимой гарантии без одновременной уступки тому же лицу прав по основному обязательству должна признаваться ничтожной⁴.

Системный анализ норм ст. 826 ГК РФ, регламентирующей факторинговые отношения, позволяет сделать вывод о том, что денежные требования, относимые российским законодателем к категории ЦФА, могут основываться как на существующем обязательстве, так и на обязательстве, которое возникнет в будущем (на основании будущего требования). С. В. Перченко и А. Д. Мкртчян рассматривают

¹ См.: Закон о рынке ценных бумаг.

² См.: Асаул А. Н., Севек В. К., Севек Р. М. Рынок ценных бумаг: учебник. Кзыл, 2013. С. 23.

³ Наиболее яркими примерами обязательств, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника, являются обязательство из договора простого товарищества (гл. 55 ГК РФ) и обязательства из договора относительно дарения имущественного права в будущем (ст. 572 ГК РФ).

⁴ См.: Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Российская газета. 2017. 29 декабря (№ 297).

будущее требование как требование по еще не возникшим обязательствам. Указанные авторы отмечают, что уступка будущих требований широко применяется на практике в рамках таких современных финансовых операций, как секьюритизация активов и дисконтирование счетов¹.

В качестве наглядного примера будущего требования можно привести требование подрядчика об оплате выполненных работ, которое возникает с момента принятия результатов выполненных работ заказчиком, а также требование об оплате покупателем товара, который будет создан или приобретен продавцом в будущем. Если в начале XXI в. суды отказывали в признании правомерности уступки будущего требования, ссылаясь на то, что право может быть передано только по уже существующему обязательству², то с введением в ГК РФ ст. 388.1 уступка будущего требования стала возможной. Российский законодатель установил, что по общему правилу, зафиксированному в п. 2 данной статьи, будущее требование переходит к цессионарию с момента его возникновения, хотя соглашением сторон может предусматриваться, что будущее требование переходит позднее. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, анализируя определение № 305-ЭС16-8204, обращает внимание, что момент перехода будущего требования от cedentа к цессионарию имеет важное значение для разрешения юридических споров³.

Существенным с позиций анализа правового регулирования общественных отношений, возникающих относительно ЦФА, является рассмотрение вопроса об использовании механизма конвертации денежных требований к должнику-банкроту в ЦФА при открытии в отношении такого должника конкурсного производства.

¹ См.: Перченко С. В., Мкртчян А. Д. Уступка будущего права (требования) // *Modern science*. 2019. № 10-3. С. 209.

² Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 28 января 2005 г. по делу № А33-1285/04-С2-Ф02-5901/04-С2. URL: <https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/810055401> (дата обращения: 05.02.2023).

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2016 г. № 4: утв. Президиумом ВС РФ 20 декабря 2016 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15184/> (дата обращения: 03.02.2023).

Нормы п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ определяют, что с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства происходит трансформация требований кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера (требования о передаче имущества в собственность, требования о выполнении работ и оказании услуг) в денежные требования. Высший Арбитражный Суд РФ 22 июня 2012 г. обратил внимание правоприменителей на то, что для соответствующего удовлетворения вышеназванных требований кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера такие требования подлежат денежной оценке, сумма которой указывается в соответствующем реестре². Порядок рассмотрения этих требований определяется нормами ст. 100 Закона о банкротстве, а их удовлетворение осуществляется в общем порядке, установленном ст. 134 и 142 вышеназванного закона.

Думается, что денежные требования, предъявляемые к должнику-банкроту, учтенные в реестре требований кредиторов в целях конкурсного производства, не могут выпускаться в виде ЦФА, ибо это противоречит самой идее существования ЦФА как оборотоспособного привлекательного инвестиционного инструмента. Действительно, такие денежные требования не могут выступать в качестве предмета договора купли-продажи и обмена. Учет этих требований нужен, прежде всего, для правильного их удовлетворения за счет реализованного в ходе конкурсного производства имущества должника, признанного банкротом.

Преимущества конвертации денежных требований в ЦФА наглядно представлены в презентации «Платформа онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн», подготовленной Центральным банком Российской Федерации во взаимодействии с Ассоциацией развития финансовых

¹ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Пункт 34 постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (с изм. и доп.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.

технологий¹, где ЦФА рассмотрены в качестве нового способа организации возвратного финансового отношения. Презентация размещена на официальном сайте Банка России и опубликована в процессе проведения 28 апреля 2021 г. вебинара на тему «Факторинг как современный инструмент пополнения оборотных средств компаний малого и среднего предпринимательства»².

Разработчики платформы онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн убедительно показывают преимущества использования технологии ЦФА для бизнеса. Суть этих преимуществ заключается в том, что при необходимости пополнения оборотных средств поставщик конвертирует свои денежные требования к покупателям в ЦФА и размещает такие ЦФА на платформе оператора обмена ЦФА в той или иной информационной системе. Фактор (финансовый агент), в качестве которого выступает коммерческая организация, приобретает денежные требования поставщика (клиента) к лицу, которое выступает покупателем по договору поставки, заключенному с вышеуказанным клиентом, и осуществляет перевод денежных средств на счет поставщика после регистрации перехода требований от поставщика-клиента к фактору.

Автоматизация процессов регистрации перехода требований, прозрачность и обоснованность денежных требований, лежащих в основе выпущенных ЦФА, подтвержденные оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, построение такой информационной системы на основе распределенного реестра, пятилетний срок хранения информации о сделках с ЦФА (п. 4 ст. 6 Закона о ЦФА), контроль Банка России за деятельностью операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, – все это позволяет сделать процесс инвестирования и пополнения оборотных средств доступным, безопасным, быстрым и, что немаловажно, менее затратным за счет снижения количества посредников.

¹ См.: Платформа онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/118710/Anatoliy_Konkin_AFT.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

² См.: Конкин А. О платформе онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн // Вебинар Банка России. URL: <https://www.fintechru.org/publications/anatoliy-konkin-o-platfome-onlayn-faktoringa-i-tsfa-na-mastercheyn-vebinar-banka-rossii/> (дата обращения: 24.02.2023).

Анализируя правовую природу следующего подвида ЦФА – «возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам», следует отметить, что в соответствии с нормами п. 1 ст. 12 Закона о ЦФА обладатель таких ЦФА получает право требовать от лица, обязанного по данным ЦФА, реализации через оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, прав по эмиссионным ценным бумагам, предусмотренных решением о выпуске эмиссионных ценных бумаг.

Нормами ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг установлено, что к эмиссионным ценным бумагам относятся акции, облигации, опционы эмитента и российские депозитарные расписки. Акции, как эмиссионные ценные бумаги, закрепляют права их владельца (акционера) на получение части прибыли АО в виде дивидендов и на часть имущества, остающегося после его ликвидации¹. Кроме того, акционер в зависимости от количества и вида акций участвует в управлении делами АО².

Облигации, как эмиссионные ценные бумаги, закрепляют права их владельца на получение от эмитента облигации в предусмотренный в ней срок ее номинальной стоимости (облигации с денежным покрытием) или определенного имущественного эквивалента (облигации с имущественным покрытием). Облигация может также предусматривать право ее владельца на получение фиксированного в ней процента от номинальной стоимости облигации либо иные имущественные права. Доходом по облигации являются процент и/или дисконт³.

Опцион эмитента, как эмиссионная ценная бумага, закрепляет право ее владельца на покупку в предусмотренный таким опционом срок или при наступлении указанных в опционе обстоятельств определенного количества акций лица, выпустившего опцион эмитента по той цене, которая в этом опционе зафиксирована⁴.

Современный законодатель определяет, что российская депозитарная расписка – это такая эмиссионная ценная бумага, которая не имеет номинальной стоимости, но удостоверяет право

¹ Закон о рынке ценных бумаг. Ст. 2.

² Закон об АО. Ст. 31, 32.

³ Закон о рынке ценных бумаг. Ст. 2.

⁴ Там же.

собственности на определенное количество представляемых ценных бумаг (акций или облигаций иностранного эмитента либо ценных бумаг иного иностранного эмитента, удостоверяющих права в отношении акций или облигаций иностранного эмитента) и закрепляет право ее владельца требовать от эмитента российских депозитарных расписок получения взамен российской депозитарной расписки соответствующего количества представляемых ценных бумаг и оказания услуг, связанных с осуществлением владельцем российской депозитарной расписки прав, закрепленных представляемыми ценными бумагами. В случае если эмитент представляемых ценных бумаг принимает на себя обязательства перед владельцем российской депозитарной расписки, указанная ценная бумага удостоверяет также право ее владельца требовать надлежащего выполнения этих обязанностей¹.

Каких-либо новых имущественных прав, помимо тех, что уже были закреплены в нормах российского законодательства, ЦФА не фиксируют. Наименование и содержание ст. 12 Закона о ЦФА подтверждают, что цифровые финансовые активы – это способ удостоверения возможности осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, т. е. специфическая правовая конструкция, позволяющая фиксировать принадлежность определенных имущественных прав конкретным правообладателям.

Что касается особенностей осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, удостоверяемым посредством использования конструкции ЦФА, то нормы ст. 12 Закона о ЦФА предоставляют юридические возможности обладателю таких прав требовать от обязанного лица совершения должных действий, определяющих сущность прав, отраженных в эмиссионных ценных бумагах. Такие требования реализуются через оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск соответствующих ЦФА. Законодатель уточняет, что права, удостоверенные посредством конструкции ЦФА применительно к акциям и эмиссионным ценным бумагам, конвертируемым в акции, применяются только к отношениям, касающимся непубличных АО, а сами эмиссионные ценные бумаги должны учитываться

¹ Закон о рынке ценных бумаг. Ст. 2.

на лицевом счете (счете депо) ЦФА, открытом субъекту права, использующему конструкцию ЦФА для удостоверения соответствующих прав.

Современный российский законодатель не приводит аргументов, позволяющих объяснить ограничение использования технологии удостоверения прав посредством использования конструкции ЦФА к акциям публичного АО и эмиссионным ценным бумагам, конвертируемым в такие акции. Можно только предположить, что это обусловлено отсутствием соответствующей правоприменительной практики и опасениями о потенциально возможном недобросовестном использовании открывающихся возможностей в рамках взаимодействия с неквалифицированными инвесторами, которых достаточное количество среди лиц в качестве инвесторов, участвующих в деятельности публичных АО или желающих принять такое участие.

Думается, что со временем необходимость ограничения использования ЦФА как способа фиксации прав участников публичного АО отпадет и данные нормы права будут откорректированы по направлению включения акций публичного АО и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции, в сферу отношений, регулируемых законодательством о ЦФА.

Права участия в капитале непубличного АО рассматриваются современным российским законодателем в качестве третьего подвида ЦФА. Напомним, что в соответствии с нормами действующего законодательства возможность выпуска ЦФА, удостоверяющих права участия в капитале публичного АО, не предусмотрена. Регистрация выпусков акций непубличного АО посредством внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра осуществляется оператором информационной системы согласно утвержденным им Правилам информационной системы.

Кроме того, права участия в капитале непубличного АО являются разновидностью акционерных прав, удостоверяемых акциями. Содержание этих прав мы рассматривали выше. Каких-либо новых акционерных прав, ранее неизвестных российской правовой системе, при фиксации участия лица в капитале непубличного АО посредством осуществления записей в информационной системе на основе рас-

пределенного реестра¹, не выявлено. Однако оперативность оборота акций, выпущенных в виде ЦФА, значительно повышается, чему способствует использование технологии распределенного реестра, доступность сведений, скорость обмена информацией.

Нормы ст. 13 Закона о ЦФА устанавливают ряд специальных требований, обязательных к исполнению непубличными АО, выпустившими акции в виде ЦФА. Во-первых, до выпуска таких акций АО не должно эмитировать акции в другом виде; во-вторых, учет прав на акции, выпущенные в виде ЦФА, осуществляется не регистратором, а оператором информационной системы, в которой был осуществлен выпуск ЦФА, при этом данный оператор должен иметь лицензию профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление деятельности по ведению реестра².

При эмиссии акций непубличного АО, выпущенных в виде ЦФА, регистрация выпусков таких акций осуществляется оператором информационной системы в соответствии с действующими для этой системы правилами, а государственная регистрация таких выпусков не предусмотрена. Кроме того, в решении о выпуске акций в виде ЦФА необходимо предусмотреть учет указанных акций в информационной системе, в которой производится данный выпуск, а также дать информацию о рисках, связанных с приобретением акций, выпущенных в виде ЦФА, в конкретном случае. Локальные нормы, касающиеся учета акций, выпущенных в виде ЦФА, в информационной системе, в которой осуществляется выпуск таких акций, должны быть закреплены в уставе АО. В уставе АО также могут определяться способы созыва и проведения общего собрания акционеров, их уведомления о соответствующих корпоративных действиях, предусмотренных правилами информационной системы, в которой осуществлен выпуск акций в виде ЦФА. Законодатель устанавливает, что возможность выпуска акций непубличного АО в виде ЦФА должна быть предусмотрена уставом общества при его учреждении, и запрещает последующую реорганизацию непубличного АО,

¹ При цифровой форме фиксации прав акционера в информационной системе, функционирующей на основе технологии распределенного реестра.

² См.: Глазунов Д., Ушаков О. О цифровых финансовых активах. URL: https://epam.ru/storage/pdf/alerts/Legal_Alert_Ф3оЦифровыхфинансовыхактивах_03_08_2020_r.docx.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

выпустившего акции в виде ЦФА, в публичное. Непубличному АО, выпустившему акции в виде ЦФА, запрещается осуществлять выпуск эмиссионных ценных бумаг в какой-либо другой форме, отличной от ЦФА, ему нельзя использовать механизмы конвертации акций, выпущенных в виде ЦФА, в акции другого типа.

Следует отметить, что все особенности, касающиеся выпуска акций в виде ЦФА, не изменяют суть прав, зафиксированных подобными акциями, а касаются только формы фиксации таких прав.

Владелец акций, выпущенных в виде ЦФА, участвует в капитале непубличного АО путем внесения имущества, подлежащего денежно-стоимостной оценке, в уставный капитал такого общества. Зная долю (процент) участия конкретного акционера (участника) в уставном капитале, легко определить его влияние на принятие решений при проведении общего собрания акционеров (участников) и размер причитающегося ему дохода из прибыли общества, так как количество голосов и размер дохода такого акционера соответствуют проценту его участия в уставном капитале АО¹. Оплата акций, распределяемых среди учредителей АО при его учреждении, а также дополнительных акций, размещаемых посредством подписки, может осуществляться деньгами, ценными бумагами, вещами или имущественными правами либо иными правами, имеющими денежную оценку. Форма оплаты акций общества при его учреждении определяется договором о создании общества, а дополнительных акций – решением об их размещении. В соответствии с нормами п. 2 ст. 34 Закона об АО оплата иных эмиссионных ценных бумаг должна осуществляться только деньгами. В уставе АО допустимо устанавливать ограничения на виды имущества, которым могут быть оплачены акции общества.

Согласно нормам п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА в качестве четвертого подвида ЦФА российский законодатель называет «право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов».

Буквальное прочтение вышеуказанной нормы закона позволяет сделать вывод о том, что и в этом случае о каких-либо новых фено-

¹ См.: Чернявская О. В. Доля в уставном капитале и вклад как важнейшие составляющие уставного капитала закрытого акционерного общества // Вестник магистратуры. 2015. Т. 4, № 11 (50). С. 52–55.

менах, ранее неизвестных доктринам гражданского и предпринимательского права, речь не идет. Суть данной нормы заключается в том, что правообладатель может требовать передачи ему ценных бумаг, предусмотренных решением о выпуске ЦФА, в течение срока или при наступлении события, предусмотренного таким решением. Это требование адресуется лицу, обязанному выполнить действия, определяющие имущественную значимость эмиссионных ценных бумаг, выпущенных в виде ЦФА¹.

Департамент государственной службы и кадров МВД России обращает внимание, что права, удостоверенные при помощи юридической конструкции ЦФА, могут комбинироваться с утилитарными цифровыми правами, удостоверяющими требования, касающиеся нефинансовых активов (вещи, интеллектуальная собственность или выполнение работ, оказание услуг)².

Проводя соотношение прав, указанных в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА и позиционирующихся действующим российским законодателем как ЦФА с другими объектами цифрового мира, такими как аккаунты в социальных сетях, доменные имена и пр., мы видим, что это совершенно разноплановые категории. Права, которые обозначены современным российским законодателем как ЦФА, – это права, возникающие в рамках относительных правоотношений, когда каждому правообладателю противостоит конкретное обязанное лицо (природа такого отношения не меняется даже с учетом того, что отмеченное взаимодействие осуществляется при посредничестве оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА, и оператора обмена ЦФА). В отличие от этого, правоотношения, возникающие относительно иных объектов, созданных при помощи цифровых технологий, таких как цифровые картины³, доменные

¹ См.: Глазунов Д., Ушаков О. Указ. соч.

² Информационные материалы по отдельным вопросам заполнения уведомления о принадлежащих цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте (при их наличии) / подгот. ДГСК МВД России // Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу: офиц. сайт. URL: <https://дфоут.мвд.рф/document/23943348%20/> (дата обращения: 15.02.2023).

³ См.: Телюкина М. В. Цифровое произведение как объект гражданских прав // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 70–76; Исаева О. А. Цифровая живопись как актуальное направление отечественного искусства // Вестник СПбГИК. 2017. № 1 (30). С. 173–176.

имена¹, аккаунты², носят абсолютный характер, ибо в таком случае управомоченному лицу – обладателю аккаунта, доменного имени, цифрового произведения и пр. противостоит неопределенный круг лиц. Если первые осуществляют свои права своей волей и в своих интересах, то вторые обязаны не чинить препятствий правообладателям в осуществлении их прав. Налицо совершенно другая природа отношений.

Рассмотрев перечень и содержание прав, удостоверяемых при помощи юридической конструкции ЦФА, мы задаем себе вопрос: а возможно ли зафиксировать данные права иным способом, кроме как осуществление записей в информационной системе, функционирующей на основе технологии распределенного реестра (т. е. блокчейна)? Ответ очевиден: конечно, возможно! Правомерность предъявления денежных требований может вполне успешно фиксироваться путем составления как традиционных договоров, так и документарных ценных бумаг. Права акционеров непубличного АО свободно фиксируются посредством бездокументарных акций (должно быть, от документарных акций законодатель отказался только в связи с участвовавшими случаями мошеннических действий с использованием конструкции документарных акций и неспособностью рядового участника гражданского оборота отличить подлинную акцию от сфабрикованной).

Налицо вывод, что специфика ЦФА (т. е. прав, указанных в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА) определяется лишь спецификой их фиксации – с помощью внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также иные информационные системы. Каких-либо новых, ранее неизвестных российскому праву имущественных прав посредством использования конструкции ЦФА не фиксируется, однако сама цифровая форма фиксации принадлежности прав, представленных в ч. 1 ст. 2 Закона о ЦФА, требует

¹ См., напр.: Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2017; Лысенко А. А. Доменное имя как объект интеллектуальной собственности // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 771–776.

² См.: Шахова А. М. Приобщение аккаунтов в социальных сетях к объектам интеллектуальной собственности как вариант установления правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности в сети «Интернет» // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 254–259.

изучения. Надо полагать, что именно в форме фиксации в электронно-виртуальной среде совокупности имущественных требований и лежит основная новизна феномена «цифровые финансовые активы», в частности «цифровые права» в целом.

Если следовать логике законодателя, демонстрируемой при формулировании положений ст. 141.1 ГК РФ, Закона о ЦФА, мы получим абсурдную картину: при изобретении телеграфа и получении возможности объективировать волю участников правоотношений посредством телеграфных сообщений будем говорить о телеграфном праве; при изобретении факсимильной техники – о факсимильном праве и пр. Думается, что цифровая форма объективации воли сторон – это не основание говорить о цифровом праве. Следует различать такие категории, как «объекты, созданные в цифровой форме», и «сведения об объектах, зафиксированные в цифровой среде». Гораздо уместнее вместо категории «цифровое право» использовать термин «оцифрованное право», «оцифрованные права»: это позволит более точно передать суть возникающих отношений.

Форма объективации воли участников гражданских правоотношений и фиксации принадлежности тех или иных имущественных прав конкретным субъектам гражданского оборота в настоящее время определена нормами ст. 158 ГК РФ. Законодатель устанавливает, что сделки совершаются в устной или письменной форме (простой или нотариальной). Бесспорно, что внесение в информационную систему, в которой осуществляется выпуск ЦФА, записи о зачислении ЦФА управомоченному лицу – это один из примеров волевых правомерных действий, влекущих наступление гражданско-правовых последствий, что в полной мере соответствует критериям сделки как основанию возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей¹.

В 2019 г. нормы ст. 160 ГК РФ, регламентирующей вопросы соблюдения письменной формы сделки, были дополнены положениями, в соответствии с которыми совершение сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, приравнивалось к соблюдению сделки в письменной форме.

¹ ГК РФ. Ст. 153.

Положение о том, что решение о выпуске ЦФА составляется в *электронной форме* (курсив наш. – В. С.), прописано в п. 5 ст. 3 Закона о ЦФА. Современный российский законодатель устанавливает, что такое решение в обязательном порядке должно подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью¹ индивидуального предпринимателя или лица (лиц), осуществляющего(-их) функции единоличного исполнительного органа юридического лица, выпускающего ЦФА.

Для осуществления должного контроля и информирования других участников правовых отношений о выпуске в оборот ЦФА информация о нем должна быть размещена в информационно-коммуникационной сети Интернет не только на сайте лица, выпускающего ЦФА, но и на сайте оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск таких активов. Данная информация должна находиться в открытом доступе до полного исполнения обязательства, зафиксированного при помощи юридической конструкции ЦФА обзанным лицом².

Подводя итог нашим рассуждениям о правовой природе ЦФА, мы полагаем, что фактически под ними следует понимать цифровые аналоги долговых расписок, облигаций и прав участия в капитале непубличного АО: на бытовом уровне они нередко отождествляются с такой категорией, как токен. К. Б. Роздорожный, говоря о ЦФА вообще и токенах в частности, сосредоточен на рассмотрении этих явлений с позиций электронных знаков, которые удостоверяют определенные имущественные права³.

Хотя в официальном российском юридическом лексиконе в настоящее время категория «токен» не получила признания, однако в пользовательской среде она достаточно популярна. Чаще всего этим термином обозначают цифровой актив, дающий его владельцу возможность взаимодействовать с цифровой платформой. На форуме *Cryptocurrency.tech* автор публикации «Классификация цифровых

¹ Об электронной подписи: федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 11.

² Закон о ЦФА. П. 6 ст. 3.

³ См.: Роздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 10.

активов. О монетах, токенах и ценных бумагах», объясняя суть токена, сравнивает его с билетом на карнавал, который в процессе можно обменивать на хот-дог, сладкую вату или поездку на колесе обозрения. Однако за пределами карнавального праздника никто не будет предоставлять в обмен на этот билет какие-либо блага¹.

Но этот подход некорректен. Как справедливо отмечают Л. А. Новоселова и О. А. Полежаев, цифровые финансовые активы согласно Закону о ЦФА могут выступать в качестве юридического механизма удостоверения возможности осуществления или передачи прав по эмиссионным ценным бумагам и в качестве самостоятельного средства фиксации прав, формирующих содержание ценных бумаг². Мы солидарны с позицией В. В. Акинфиевой, полагающей, что в действительности ЦФА – это не новый вид гражданских прав, а новая форма их объективации³. За каждым цифровым финансовым активом стоит обязанное лицо, обязательства которого удостоверяются при помощи юридической конструкции ЦФА. Кроме того, А. А. Карцхия, рассуждая о модели ЦФА, совершенно обоснованно предпочитает говорить о порядке «фиксации прав на цифровой актив (имущество) правообладателя на основе имущественного права, удостоверенного посредством цифровых компьютерных кодов в реестре цифровых транзакций»⁴.

Итак, нами сформулирован ряд положений, имеющих весьма важное значение для понимания сущности феномена ЦФА.

Во-первых, при рассмотрении категории ЦФА с позиций гражданского права следует учитывать, что это, прежде всего, не какие-либо ранее неизвестные правовой доктрине права, а лишь новый способ фиксации принадлежности и объема некоторых обязательственных

¹ См.: Классификация цифровых активов. О монетах, токенах и ценных бумагах. URL: <https://cryptocurrency.tech/klassifikatsiya-tsifrovyyh-aktivov-o-monetah-tokenah-i-tsennyh-bumagah/> (дата обращения: 15.02.2023).

² См.: Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть закона. 2021. № 2 (46). С. 77.

³ См.: Акинфиева В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex jure. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-kak-novyy-vid-tsifrovyyh-prav> (дата обращения: 05.02.2023).

⁴ См.: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. С. 15.

и корпоративных прав участникам гражданского оборота посредством использования компьютерных цифровых технологий распределенного реестра и функционирования информационных систем, в которых осуществляется дистанционное взаимодействие контрагентов. Под объектами гражданских прав следует понимать права, удостоверенные по конструкции ЦФА.

Во-вторых, в соответствии с нормами действующего российского законодательства ценностным содержанием прав, удостоверенных с помощью юридической конструкции ЦФА, следует рассматривать обязательственные денежные требования; имущественные права, зафиксированные в эмиссионных ценных бумагах, и право требовать передачи таких эмиссионных ценных бумаг; корпоративные права участия в капитале непубличного АО.

Ограничения, установленные российским законодателем в отношении недопустимости фиксации в виде ЦФА прав участия в капитале публичного АО, обусловлены становлением юридических механизмов фиксации прав, удостоверенных конструкцией «цифровые финансовые активы», а также неквалифицированностью потенциальных инвесторов и отсутствием необходимого опыта взаимодействия с большим количеством контрагентов у операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА.

В-третьих, в настоящее время для эффективного использования комплекса прав, удостоверенных при помощи юридической конструкции ЦФА, в рамках существующей модели регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, российским законодателем используется вариант юридической фикции, посредством которой осуществлено отнесение этих прав к определенному сегменту имущественных прав, выраженных другой юридической фикцией и обозначенных российским законодателем термином «цифровые права».

Сущностным наполнением категории «цифровые права» являются вполне известные правовой доктрине определенные имущественные права, для фиксации которых применяется оригинальная конструкция, позволяющая участникам гражданского оборота взаимодействовать по поводу этих прав дистанционно внутри определенной информационной системы. Автором обосновано положение о необходимости

использования вместо термина «цифровые права» термина «оцифрованные права».

Нами предлагается авторская дефиниция категории «оцифрованные права», которая может выглядеть следующим образом: «Оцифрованными признаются имущественные права, принадлежность которых правообладателю фиксируется посредством особых информационно-коммуникационных технологий, содержание и условия осуществления оцифрованных прав регулируются в соответствии с правилами информационной системы – специального алгоритма программно-компьютерной связи, обеспечивающего дистанционное взаимодействие контрагентов относительно таких прав».

В-четвертых, употребление российским законодателем терминов «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» применительно к имущественным правам следует рассматривать как юридическую фикцию, опосредующую оборот субъективных требований в электронно-виртуальной среде.

В-пятых, исходя из понимания в качестве объектов гражданских прав определенных благ, представляющих ценность для участников гражданских правоотношений, выдвинуто положение о том, что ценные бумаги (как документарные, так и бездокументарные) следует относить не к категории «объекты гражданских прав», а к способам фиксации принадлежности имущественных притязаний тем или иным участникам гражданского оборота, ибо ценность имеют не сами ценные бумаги, а права, зафиксированные при помощи этой юридической конструкции. По своей сути ценные бумаги – это способ объективирования воли участников гражданского оборота, т. е. элемент формы сделки. Именно поэтому нормы ГК РФ, размещенные в настоящее время в гл. 7, после их корректировки следует разместить в подразд. 4 ч. 1, именуемом «Сделки. Решения собраний. Представительство».

На основании вышеизложенного мы полагаем, что в действующее российское законодательство необходимо внести следующие изменения.

1. Часть 1 ст. 2 Закона о ЦФА изложить в следующей редакции:
«2. Удостоверенные путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы, обязательственные денежные

требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, права участия в капитале непубличного акционерного общества, учет и обращение которых возможны только в той информационной системе, в которой осуществлен их выпуск, признаются цифровыми финансовыми активами.

Решение о выпуске цифровых финансовых активов должно соответствовать настоящему Федеральному закону».

2. Наименование ст. 141.1 ГК РФ уместно будет изложить в следующей редакции: «Статья 141.1. Оцифрованные права».

3. Термин «цифровые права» по тексту ГК РФ должен быть заменен на термин «оцифрованные права».

§ 2. Развитие правового регулирования отношений, возникающих в связи с цифровыми финансовыми активами, в современном российском законодательстве и за рубежом

Рассуждая о правовом регулировании общественных отношений, возникающих относительно ЦФА, мы неизбежно будем касаться не только узкого, но и широкого понимания этой категории, при котором, помимо указанных в п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА имущественных прав, зафиксированных специфическим образом, к ней относят и цифровую валюту.

Нормы Закона о ЦФА небезосновательно отграничивают цифровую валюту от цифровых финансовых активов в узком смысле. Суть такого отграничения состоит в том, что если при осуществлении обязательственных денежных требований, прав по эмиссионным ценным бумагам, права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, прав участия в капитале непубличного АО достаточно просто установить управомоченных и обязанных лиц, то при использовании цифровой валюты это невозможно. Т. М. Гандилов и А. В. Тумаков совершенно обоснованно обращают внимание на то, что в соответствии с нормами Закона о ЦФА «выпуск цифровых финансовых активов обеспечивается имуществом лица, выпускающего эти активы, или имуществом третьих лиц»¹.

Кроме того, для понимания специфики правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений нам следует учесть и глобальную тенденцию в правовом регулировании отношений, касающихся цифровых активов в целом, так как особенности формы таких отношений, их «оцифрованность» и «цифровизация» имеют большое значение. Среди современных экономистов утвердилось представление о цифровых активах как важнейшем элементе цифровой экономики². Ральф Виндзор полагает, что в качестве важнейших признаков цифровых активов следует считать их двоичную форму существования, а также способность к обладанию реальной

¹ Гандилов Т. М., Тумаков А. В. Некоторые правовые вопросы цифровых финансовых активов // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 62.

² См., напр.: Bolt U. How a digital-assets ecosystem could jumpstart an inclusive digital economy. URL: <https://internationalbanker.com/technology/how-a-digital-assets-ecosystem-could-jumpstart-an-inclusive-digital-economy/> (date of access: 8 February 2023).

или потенциальной стоимостью¹. Однако для обособления цифровых объектов от других объектов гражданских прав признаков, обозначенных Р. Виндзором, недостаточно. Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна вполне обоснованно критикуют попытки отнести к цифровым активам не только токены, криптовалюту, доменные имена, но и цифровой контент, существующий в виде всевозможной информации, хранящейся на различных веб-ресурсах (тексты в цифровом формате, видео- и аудиофайлы, графические изображения, анимацию и т. д.)².

Можно констатировать, что понимание места цифровых активов в системе экономического оборота зависит от тех методологических подходов к определению сущности данного феномена, которые приняты в той или иной стране. Так, в нормах действующего в США Закона Единой правовой комиссии «О единообразном фидуциарном доступе к цифровым активам» под цифровыми активами трактуется практически все, что создается, передается, отправляется, принимается или хранится с помощью электронных средств³. В правовой системе США к цифровым активам относятся и разнообразные предметы онлайн-игр, фотографии, цифровая музыка, базы данных клиентов, которые могут иметь реальную экономическую или сентиментальную ценность.

Нередко под цифровыми активами на бытовом уровне понимаются огромные объемы нефинансовой информации, такой как учетные записи электронной почты, списки контактов, учетные записи в социальных сетях, фотографии, видео, переведенные в цифровой формат записи музыкальных произведений, фильмы и пр. Очевидно, что большая часть подобных активов сама по себе не представляет финансовой ценности, но является шлюзами для доступа к активам, имеющим важное значение для сферы расчетов, таким как учетные данные для входа в интернет-банк или брокерские счета.

¹ См.: Windsor R. Defining digital assets. URL: <https://digitalassetnews.org/assets/defining-digital-assets/> (date of access: 21 February 2023).

² См.: Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Указ. соч.

³ См.: The Revised uniform fiduciary access to digital assets act – RUFADAA. Assembly Bill № 691 / approved by Governor September 24, 2016; filed with Secretary of State on September 24, 2016. URL: <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.ashx?DocumentFileKey=112ab648-b257-97f2-48c2-61fe109a0b33&forceDialog=0> (date of access: 9 February 2023).

Технологической базой для ЦФА выступает технология распределенного реестра (блокчейн-технология) – феномен, нередко отождествляемый на бытовом уровне с технологией, на базе которой функционирует система Bitcoin (биткойн) в частности и криптовалюта в целом. Однако еще раз подчеркнем, что понятия «цифровые финансовые активы» и «криптовалюта» нетождественны, хотя именно криптовалюта – это тот технологический фундамент, на котором формировалось представление о ЦФА как о специфическом средстве накопления, платежа и инвестирования.

Думается, что современный российский законодатель, вводя в легальный юридический лексикон термин «цифровая валюта», понимает под ним то, что в других источниках может именоваться как «криптовалюта» либо «виртуальная валюта». В пункте 3 ст. 1 Закона о ЦФА указано, что цифровая валюта – «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Предпринимая попытку законодательного регулирования общественных отношений, касающихся оборота ЦФА, российский законодатель сам не до конца понимает суть этого феномена, хотя факт принятия Закона о ЦФА можно рассматривать как позитивное движение вперед, свидетельствующее о восприятии мирового опыта правового регулирования сложных цифровых технологий.

Что касается правового регулирования общественных отношений, мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой оно осуществляется посредством как законодательного установления, так

и договорного взаимодействия¹. Именно в процессе договорного регулирования формируется обычай, относящийся, согласно нормам ст. 5 ГК РФ, к источникам гражданского права, если он не противоречит положениям законодательства.

Первым опытом упорядочения общественных отношений, касающихся оборота ЦФА (в широком смысле слова), следует признать предложенную Сатоши Накамото систему, суть которой он отразил в письме «Биткойн: система цифровой пиринговой наличности», опубликованном 31 октября 2008 г.² Именно с этого момента и следует отсчитывать начало эры ЦФА.

Постепенно интерес к вышеуказанной системе электронных транзакций, не требующей установления между контрагентами доверительных отношений, основанной на криптографии и позволяющей любым двум участникам такой системы осуществить перевод средств напрямую, без участия посредника, возрастал. Использование специальных механизмов эскроу, когда поступление средств на счет контрагента становится возможным только после того, как условия той или иной сделки, заключаемой между сторонами, будут выполнены, позволяет достаточно эффективно защитить покупателя, и в этом ее бесспорный плюс.

Удобство предложенной С. Накамото системы полностью одноранговых электронных расчетных средств, именуемых как «цифровая пиринговая наличность» или bitcoin, обусловило ее популярность среди пользователей компьютерных систем. Постепенно bitcoin стал использоваться при осуществлении расчетов в информационно-коммуникационной сети Интернет по всему миру, а после публикации 20 апреля 2011 г. в журнале Forbes статьи Энди Гринберга «Криптографическая валюта» феномен bitcoin все чаще именовался термином «криптовалюта»³.

¹ См.: Сенин И. Н. Правовое регулирование и правовая система // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-i-pravovaya-sistema> (дата обращения: 23.02.2023); Казанцев М. Ф. Правовое договорное регулирование: исходные общетеоретические вопросы // Антиномии. 2001. № 2. С. 249.

² См.: Биткойн: система цифровой пиринговой наличности. Белая книга. URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

³ См.: Greenberg A. Crypto currency. URL: <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html?sh=2e331288353e> (date of access: 24 February 2023).

Увеличение случаев обращения населения к институту криптовалюты стимулировало специалистов в сфере управления общественными отношениями к изучению этого явления и выработке правил, регламентирующих экономический оборот криптовалюты. При этом одной из особенностей института криптовалюты является возможность любого пользователя просмотреть программный код криптовалюты, проверить наличие незадокументированных изменений, вносимых в информационную систему, и выявить ее недочеты. Кроме того, каждый пользователь информационной системы получил возможность предложить свой метод исправления выявленных в системе ошибок, или создать на основе программного кода новый программный продукт, или усовершенствовать тот или иной элемент уже существующего программного продукта¹.

По состоянию на 6 декабря 2020 г. на сайте CoinMarketCap размещена информация о функционировании в мире 3 900 различных криптовалютных систем; их общая рыночная капитализация оценивалась более чем 26 442 001 654 000 рублей². Впрочем, такая информация не бесспорна. Аналитики сервиса CoinLoge говорят о существовании более 4 500 криптовалютных систем³.

Можно по-разному оценивать методики подсчета использования различных криптовалютных систем, однако, даже несмотря на столь разнящиеся цифры, бесспорно одно – криптовалюта становится все более популярной в мире, и игнорирование необходимости правового регулирования этого феномена недопустимо.

Хотя с момента обнародования С. Накамото своих идей прошло более 14 лет, до сих пор не сложился единый подход, касающийся «хождения» криптовалюты в мировом сообществе. Сегодня можно выделить три различные концепции правового регулирования этого явления. Суть первого подхода заключается в понимании ЦФА в качестве нового эффективного платежного средства и государственном стимулировании его использования наряду с устоявшимися

¹ См.: Код биткоина: как его получить и что с ним можно сделать. URL: <https://prostocoin.io/blog/bitcoin-code> (дата обращения: 06.02.2023).

² См.: Топ-100 криптовалюты по рыночной капитализации. URL: <https://coinmarketcap.com/39/> (дата обращения: 22.02.2023).

³ См.: Сколько всего криптовалют насчитывается в 2020 году? URL: <https://golden-island.net/skolko-vsego-kriptovalyut/> (дата обращения: 13.02.2023).

финансовыми институтами. В рамках второго подхода отстаивается необходимость ограничения «хождения» ЦФА с возможностью полного запрета использования криптовалюты в качестве платежного механизма. В соответствии с третьим подходом предлагается занять выжидательную позицию и в процессе наблюдения за развитием событий сориентироваться относительно дальнейшего сценария.

Чаще всего в рамках первого подхода законодатели различных стран стараются внести корректировки в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие гражданский оборот. Разработка новых законов и регламентов осуществляется настолько, насколько это необходимо для корректировки ранее принятых норм права или интеграции в них правил, опосредующих правовое регулирование новых явлений (такая позиция наконец-то выбрана в качестве основной российским законодателем, и сегодня мы наблюдаем, как она последовательно воплощается в жизнь)¹.

В рамках второго подхода внимание общественности сосредотачивается, прежде всего, не на положительном эффекте от введения в оборот ЦФА, а на предположении их возможного использования в качестве механизмов, задействованных в нарушении субъективных прав граждан и юридических лиц, и конструкций, помогающих легализовать средства, полученные преступным путем².

Суть третьего подхода, основанного на необходимости правового регулирования оборота ЦФА, заключается в выжидании. Обусловливая требование занять выжидательную позицию, ряд исследователей заявляют об отсутствии у населения интереса к правовому регулированию использования блокчейн-технологий в экономическом обороте в связи с низкой потребностью в использовании данных технологий³.

¹ См.: Обзор по криптовалютам, ico (initial coin offering) и подходам к их регулированию // Банк России. URL: https://cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf (дата обращения: 25.02.2023).

² См.: Как в разных странах регулируют криптовалюту: обзор законов в 2020 году. URL: <https://habr.com/ru/company/moneypipe/blog/523354/> (дата обращения: 24.02.2023).

³ См.: Букина С. Е., Паламарчук А. Р. Правовое регулирование криптовалютной отрасли в России и за рубежом // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 88–90.

В то же время общей тенденцией в реакции мирового сообщества на развитие рынка ЦФА является разработка государственными органами (в основном национальными центральными банками) оговорок о рисках инвестирования в эти финансовые инструменты. Такие документы выпускаются с целью повышения осведомленности населения о различиях между криптовалютой и официальными валютами с акцентом на обеспечении государством стоимости последних¹. Кроме того, в них делается упор на риски, связанные с волатильностью стоимости криптовалюты и отсутствием надзора за структурами, осуществляющими их эмиссию, а также на возможности, которые дают криптовалюты для движения нелегальных денежных потоков², отмывания денег и финансирования терроризма³.

Например, в 2011 г. в ФРГ Федеральное управление финансового надзора (BaFin) распространило заявление, согласно которому биткойны не являются электронными денежными средствами, поскольку не привязаны ни к одной из традиционных валют, и определило их как товар⁴.

В 2014 г. в бюллетене Управления по налогам и таможенным пошлинам Соединенного Королевства было указано, что биткойн – это и не валюта, и не деньги, и поэтому никаким образом не может регулироваться финансовым законодательством Великобритании⁵.

¹ European Central Bank: Bitcoin a risky alternative to euro // CoinDesk. 2014. 21 May. URL: <https://www.coindesk.com/markets/2014/05/21/european-central-bank-bitcoin-a-risky-alternative-to-euro/>– (date of access: 13 February 2023); Virtual currencies: emerging regulatory, law enforcement and consumer protection challenges. 2014. 29 May. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-14-496> (date of access: 13 February 2023).

² См.: Bitcoin virtual currency: intelligence unique features Present distinct challenges for deterring illicit activity // Federal Bureau of Investigation. 2012. 24 April. URL: https://www.wired.com/images_blogs/threatlevel/2012/05/Bitcoin-FBI.pdf (date of access: 2 February 2023).

³ См.: Singh K. The New Wild West: preventing money laundering in the bitcoin // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. 2015. Vol. 13, № 1. P. 327–344.

⁴ См.: Власти Германии впервые признали биткойн финансовым инструментом. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5e5d2d419a79472eeb7bf7f1>– (дата обращения: 09.02.2023).

⁵ См.: The economics of digital currencies by Robleh Ali of the Bank’s Financial Market Infrastructure Directorate, John Barrdear of the Bank’s Monetary Assessment and Strategy Division, and Roger Clews and James Southgate of the Bank’s Markets Directorate. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/digital-currencies/the-economics-of-digital-curren> (date of access: 15 February 2023).

Цифровой валютой считается уникальная комбинация цифр, полученная в результате сложных математических вычислений и алгоритмов, чем и обосновывается нераспространение на сделки с биткоином Закона Великобритании о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем¹.

В США общественные отношения, связанные с ЦФА и, прежде всего, с криптовалютой, регулируются не только федеральным правом, но и правом отдельных штатов. Калифорния первой на законодательном уровне разрешила применять криптовалюту в качестве средства накопления, инвестирования и платежа. Еще в начале 2015 г. здесь вступил в силу закон, позволяющий любой корпорации, ассоциации или частному лицу использовать в расчетах криптовалюту². При этом в соответствии с законодательством подавляющего большинства североамериканских Соединенных Штатов криптовалютная деятельность подлежит обязательному лицензированию³.

В Японии в 2017 г. криптовалюта получила признание в качестве оборотоспособного цифрового актива, который может быть использован в качестве платежного средства⁴. Крупные ритейлеры стали принимать биткоины в качестве оплаты за товары, реализованные в розничной торговле. В этой стране криптовалюта не отождествляется с категорией электронных денег, а операции по ее обмену на фиатные деньги не облагаются местным аналогом НДС.

В Гонконге чуть более семи лет назад оборот ЦФА находился в правовом вакууме. Даже налоговое законодательство не предусматривало каких-либо специальных правил, касающихся налогообложения сделок, расчеты по которым осуществляются с использованием криптовалюты. В ноябре 2013 г. руководитель Управления денежного обращения Норман Чан заявил, что биткоин – это вирту-

¹ См.: Criminal Finances Act 2017. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents/enacted> (date of access: 26 February 2023).

² См.: California governor grants bitcoin "legal money" status // CoinDesk. 2014. 29 June. URL: <https://www.coindesk.com/markets/2014/06/29/california-governor-grants-bitcoin-legal-money-status/> (date of access: 13 February 2023).

³ См.: Virtual currency companies operating or wishing to operate in Washington state. 2014. 8 December. URL: <https://www.dfi.wa.gov/documents/money-transmitters/virtual-currency-interim-guidance.pdf> (date of access: 11 February 2023).

⁴ См.: В Японии криптовалюта получила статус платежного средства. 2017. 1 апреля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4144338> (дата обращения: 13.02.2023).

альный товар и планов по упорядочению регулирования его оборота в ближайшей перспективе у регулятора нет¹. В январе 2014 г. секретарь по делам финансовых служб и казначейства Кэджер Чан Ка-кен отметил, что биткойн – очень спекулятивный товар, и предупредил о возможных рисках при торговле криптовалютой и проведении обменных операций².

Примерно такой же позиции первоначально придерживались и официальные власти континентального Китая. В декабре 2013 г. в КНР был введен запрет для банков на совершение операции с криптовалютой, в частности с биткоином, а криптовалюту предлагалось рассматривать как специфический виртуальный товар. На тот момент Правительство КНР считало подавляющее большинство ICO-проектов (т. е. проектов по первичному размещению токенов) слишком рискованными для потребителя, поскольку они могли быть связаны с нелегальной деятельностью и выводением больших денежных потоков из страны.

Однако уже в конце 2014 г. Народный банк Китая сообщил о необходимости выпуска собственной цифровой валюты DCEP (digital currency electronic payment)³. Предполагалось, что система DCEP будет включать в себя два типа цифровой валюты – валюту для коммерческих банков и выпуск коммерческими банками цифровых денег для физических и юридических лиц. 18 апреля 2020 г. Сельскохозяйственный банк Китая запустил в тестовом режиме приложение для использования национальной криптовалюты, а в конце месяца в тестовом режиме была запущена национальная блокчейн-сеть BSN, предназначенная для массового использования и развертывания блокчейн-приложений. В государстве использование национальной криптовалюты рассматривается не только как способ усиления

¹ См.: Bitcoin not regulated by the Hong Kong Monetary Authority (HKMA) // Medium. 2013. 17 November. URL: <https://medium.com/@inthepixels/bitcoin-not-regulated-by-the-hong-kong-monetary-authority-hkma-75eec794482> (date of access: 14 February 2023).

² См.: Hong Kong treasury official issues bitcoin warning // CoinDesk. 2014. 9 January. URL: <https://www.coindesk.com/hong-kong-treasury-official-issues-bitcoin-warning/> (date of access: 17 February 2023).

³ См.: Как купить китайский криптоюань и где узнать цену и курс к рублю. URL: <https://blockchain24.pro/kak-kupit-kitajskij-kriptojuan-i-gde-uznat-tsenu-i-kurs-k-rublyu/> (дата обращения: 13.02.2023).

финансового контроля, но и как механизм снижения зависимости от доллара США¹.

Следует отметить, что до мая 2021 г. половина мирового майнинга биткоина была сосредоточена в КНР. Однако уже с весны начался демонтаж частного криптовалютного сектора, а с сентября всю деятельность, связанную с частной криптовалютой, признали незаконной, сайты для отслеживания курсов криптовалют (CoinGecko, CoinMarketCap и TradingView) были заблокированы. В октябре майнинг добавлен в список отраслей, запрещенных для инвестиций (как китайских, так и иностранных)².

Думается, это обусловлено тем, что власти Китая рассматривают частные криптовалюты как угрозу суверенному «цифровому юаню» и опасаются, что биткоины, эфириумы и др. будут использоваться для вывода денег из страны.

В Швеции с 2013 г. биткоин рассматривается как валюта. В апреле 2015 г. Шведский налоговый орган опубликовал руководящие принципы, регламентирующие правила декларирования доходов от деятельности, связанной с вычислением (эмиссией) биткоинов или иных цифровых валют. Применительно к эмиссии биткоинов доход рассматривается как деятельность, связанная с хобби, и не облагается подоходным налогом. Однако хобби с виртуальной валютой перестает быть просто увлечением, если осуществляется в профессиональных целях: для получения прибыли на протяжении длительного периода времени с помощью соответствующего оборудования; создает профицит на протяжении всего периода финансовой отчетности; позволяет приносить доход более 25 биткоинов в год. В указанных случаях по законодательству доход от операций с криптовалютой подлежит налогообложению, причем эмиссия биткойнов не облагается НДС³.

¹ См.: Правовое регулирование криптовалюты в Китае. URL: https://sb-sb.com/publications/article/pravovoe_regulirovanie_kriptovaljuty_v_kitae/ (дата обращения: 13.02.2023).

² См.: Запрет криптовалюты в Китае: масштабы трагедии. URL: <https://habr.com/ru/company/gms/blog/584454/> (дата обращения: 11.02.2023).

³ См.: Петренко Л. Г., Паланский А. В. О подходах в регулировании криптовалюты в отдельных иностранных юрисдикциях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-podhodah-v-regulirovanii-kriptovalyuty-v-otdelnyh-inostrannyh-yurisdiksiyah> (дата обращения: 18.02.2023).

В Финляндии криптовалюта (в частности биткойн) рассматривается как финансовый (платежный) инструмент, но не как актив. При этом операции с использованием криптовалюты признаются как частный договор, эквивалентный контракту на разницу цен, а полученные в результате майнинга биткойны считаются доходом и подлежат налогообложению¹.

В Нигерии 17 января 2017 г. Центральным банком был наложен запрет на любые банковские транзакции в биткойнах или иной виртуальной валюте. Но не прошло и года, как официальная позиция властей по отношению к криптовалюте изменилась. Было признано, что Центральный банк Нигерии не может контролировать или регулировать оборот биткойнов, так же как и использование технологий блокчейн или сети Интернет, ибо эти феномены не находятся в юрисдикции государства. Позже Центральным банком и Корпорацией страхования депозитов был создан комитет для изучения возможностей внедрения технологии блокчейн в процессы государственного управления².

В Объединенных Арабских Эмиратах с октября 2017 г. виртуальные валюты понимаются как товары, которые не являются определенными инвестициями. Майнинговые и спотовые (наличные/кассовые) сделки в виртуальных валютах не учитываются законодательством ОАЭ в качестве регулируемых видов деятельности. Тем не менее любые лицензированные компании, предоставляющие или использующие виртуальные валюты при оказании финансовых услуг, обязаны соблюдать законы ОАЭ, противодействующие отмыванию денег и финансированию терроризма³.

В октябре 2012 г. Европейским Центральным банком была рассмотрена схема цифровых валют. Особое внимание уделено месту системы bitcoin в рамках европейского законодательства. Изучалась

¹ См.: Долгиева М. М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex Russica. 2018. № 10 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-v-sfere-oborota-kriptovalyuty> (дата обращения: 18.02.2023).

² См.: Central Bank of Nigeria bans transaction in bitcoins, onecoin, others. URL: <https://www.legit.ng/1083244-central-bank-nigeria-bans-transaction-bitcoins-onecoin-others.html> (дата обращения: 11.02.2023).

³ См.: Как регулируются криптовалюты в разных странах. URL: <http://www.zvi2015.ru/news/2233> (дата обращения: 11.02.2023).

допустимость использования цифровой валюты в качестве разновидности электронных денег в рамках директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза от 16 сентября 2009 г. № 2009/110/ЕС «Об учреждении и деятельности организаций, эмитирующих электронные деньги, о пруденциальном надзоре за их деятельностью, а также об изменении директив 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и об отмене директивы 2000/46/ЕС»¹. Проведя анализ норм директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза «О платежных услугах» от 13 ноября 2007 г. № 2007/64/ЕС, ЕЦБ объявил, что, хотя биткоин и подпадает под определения, содержащиеся в ст. 4 директивы 2007/64/ЕС, на деятельность, связанную с криптовалютами, положения этой директивы не распространяются².

В декабре 2013 г. Европейская служба банковского надзора выпустила пресс-релиз, где содержалось официальное предупреждение для потребителей о рисках, связанных с покупкой, владением и совершением операций с виртуальными валютами (т. е. частными электронными платежными средствами, использующимися для приобретения и продажи виртуальных товаров в различных сетевых сообществах и в непрофессиональной среде нередко именующимися как виртуальные деньги).

В качестве таких рисков ЕВА отметила:

1. Отсутствие в Европейском союзе специального регулирования, которое могло бы защитить потребителей от финансовых убытков, связанных с крахом компаний, владеющих технологиями, обеспечивающими обмен цифровых валют (крах бирж обмена цифровых валют), или их решением выйти из данного бизнеса.

¹ См.: Об учреждении и деятельности организаций, эмитирующих электронные деньги, о пруденциальном надзоре за их деятельностью, а также об изменении директив 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и об отмене директивы 2000/46/ЕС: директива Европ. парламента и Совета ЕС от 16 сентября 2009 г. № 2009/110/ЕС. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/104942/Directive%20\(rus\)%202015_849.pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/104942/Directive%20(rus)%202015_849.pdf) (дата обращения: 11.02.2023).

² О платежных услугах: директива Европ. парламента и Совета ЕС от 13 ноября 2007 г. № 2007/64/ЕС. URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/48362/75> (дата обращения: 11.05.2021); Рекомендации ФАТФ: международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: пер. с англ. М., 2012. URL: http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/рекомендации_фатф.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

2. В случае совершения платежей цифровыми валютами потребитель не будет иметь прав на возврат подобных платежей в рамках европейского законодательства¹ (например, при отказе контрагента от осуществления расчетов с помощью таких операций нет гарантированности возврата перечисленных контрагенту криптовалютных средств, в отличие от расчетов с использованием платежных карт).

3. Если правоохранительными органами будет выявлено, что биржи обмена виртуальных валют участвуют в противозаконной деятельности (например, в отмыывании доходов, полученных преступным путем), это приведет к их закрытию в короткий срок, и потребители не смогут возратить свою цифровую валюту.

4. В случае совершения мошенничества посредством получения несанкционированного доступа к цифровым кошелькам, предназначенным для хранения виртуальной валюты и размещаемым на персональных компьютерах, ноутбуках и смартфонах, владельцы таких криптокошельков не подпадают под соответствующую защиту европейского законодательства.

В вышеуказанном пресс-релизе отмечено, что достаточно много случаев потери лицами, владеющими виртуальными расчетными средствами, таких накоплений, а перспективы на их возврат весьма незначительны².

В октябре 2015 г. Европейский суд (European Court of Justice) выпустил предварительное постановление о налогообложении биткоинов, поддержанное Шведской комиссией по доходам (Swedish Revenue Law Commission), что на практике означало: сделки, связанные с покупкой и продажей биткоина в странах – членах Евросоюза, не должны облагаться НДС³. В ноябре Европейский суд вынес решение, в котором биткоин с позиции налогообложения рассматривался

¹ См.: Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ: отчет ФАТФ: пер. с англ. М., 2014. URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

² См.: Регулирование криптовалют: исследование опыта разных стран. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Регулирование%20криптовалют%20в%20странах%20мира%20-%20январь.pdf> (дата обращения: 16.02.2023).

³ См.: Judgment of the court (Fifth Chamber). 2015. 22 October. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=170305&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=604646> (date of access: 11 February 2023).

в качестве средства платежа, а не какого-либо специфического товара. В связи с этим сформулирован вывод о том, что операции по купле-продаже биткоинов за традиционные фиатные деньги не должны облагаться налогом на добавленную стоимость¹, хотя до вынесения такого решения европейские национальные регуляторы по-разному относились к проблематике обложения криптовалюты налогом на добавленную стоимость².

В январе 2016 г. в Европарламенте на общественных слушаниях, посвященных частным электронным платежным средствам, была отмечена целесообразность продолжения наблюдений за складывающейся ситуацией. Уже в феврале в заключении, опубликованном Евросоветом, подчеркнута важность оперативного внесения изменений в законодательство Европейского союза, регламентирующее отношения в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, а также необходимость учета возможности использования криптовалюты в вышеуказанной противоправной деятельности³.

В июле Еврокомиссией была инициирована разработка директивы, обязывающей криптовалютные биржи и провайдеров криптовалютных кошельков соблюдать требования директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза от 20 мая 2015 г. № 2015/849/ЕС «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении регламента (ЕС) 648/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза и об отмене директивы 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза и директивы 2006/70/ЕС Европейской комиссии». В рамках этой инициативы предлагалось

¹ См.: Егорова М. А. Биткоин как особый вид криптовалюты: понятие, значение и перспективы правового регулирования в предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bitcoin-kak-osobyy-vid-kriptovalyuty-ponyatie-znachenie-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-v-predprinimatelskoj-deyatelnosti> (дата обращения: 18 February 2023).

² См.: Virtual currencies: key definitions and potential AML/CFT risks: FATF report. 2014. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtualcurrency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (date of access: 21 February 2023).

³ См.: Council conclusions on the fight against the financing of terrorism. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/12/conclusions-terrorism-financing/#mainaccessibility> (date of access: 18 February 2023).

вести обязательную регистрацию или лицензирование деятельности криптовалютных бирж, осуществляющих обмен криптовалюты на фиатные деньги и наоборот, а также провайдеров криптовалютных кошельков. Кроме того, Еврокомиссией рекомендовано создать центральную базу данных с информацией обо всех пользователях цифровых валют, рассматривать в качестве адресатов правового регулирования даже те компании – провайдеры криптовалютных кошельков, которые хранят хотя бы один персональный ключ пользователя на своем сервере (серверах)¹.

ЕВА, оценив вышеуказанную инициативу Еврокомиссии, внесла предложение о предоставлении европейским регуляторам возможности накладывать на криптовалютные биржи и провайдеров криптовалютных кошельков, не соблюдающих правила, касающиеся персонификации пользователей цифровых валют, штрафные санкции².

В октябре ЕЦБ опубликовал заключение по предложению Еврокомиссии относительно обязательной регистрации криптовалютных бирж, осуществляющих обмен криптовалюты на фиатные деньги и наоборот, а также провайдеров криптовалютных кошельков. ЕЦБ поддержал эту инициативу и указал, что криптовалюту следует рассматривать в качестве средства обмена, а не как виртуальную валюту и средство платежа. ЕЦБ озвучил позицию, в соответствии с которой цифровую валюту нельзя относить ни к категории «деньги», ни к категории «валюта», а широкое принятие цифровых валют может негативным образом отразиться на способности центральных банков контролировать находящуюся в обращении денежную массу³.

¹ О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении регламента (ЕС) 648/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза и об отмене директивы 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза и директивы 2006/70/ЕС Европейской комиссии: директива Европ. парламента и Совета ЕС от 20 мая 2015 г. № 2015/849/ЕС. URL: <https://www.coindesk.com/eu-parliament-digital-currency-task-force/> (дата обращения: 18.02.2023).

² European Union adopts tighter bitcoin controls amid terrorism crackdown. URL: <https://www.coindesk.com/european-union-proposes-tighter-bitcoin-controls-panama-papers-response/> (date of access: 20 February 2023).

³ Judicial cooperation. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/files/com_2016_50_en.pdf (date of access: 20 May 2021); Central Bank digital currencies. The Bank for international settlements. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf> (date of access: 27 February 2023).

В 2017 г. в Директиву 2015/849/ЕС в итоге были внесены поправки, которые: обязали криптовалютные биржи и провайдеров криптовалютных кошельков идентифицировать своих клиентов; ограничили использование предоплатных карт; открыли национальным службам, занимающимся расследованиями, более широкий доступ к информации, в том числе к данным о регистрации криптовалютных бирж, а также провайдеров криптовалютных кошельков. Представители Великобритании, Мальты, Кипра, Ирландии и Люксембурга выразили возражения относительно необходимости принятия таких изменений. Еврокомиссией было отмечено, что вступление в силу изменений, вносимых в Директиву 2015/849/ЕС, возможно после их ратификации странами, входящими в состав ЕС.

В сентябре президент ЕЦБ Марио Драги, комментируя планы властей Эстонии ввести государственную криптовалюту – эсткойн, заявил, что ни одна из стран-участниц ЕС не имеет права вводить собственную цифровую валюту¹.

Активная законодательная работа относительно установления правил регулирования оборота ЦФА ведется в республиках Беларусь² и Казахстан³. Ограниченность объемов исследования не позволяет нам остановиться на этих вопросах более подробно, однако

¹ См.: Глава ЕЦБ разбил надежды Эстонии на собственную криптовалюту. URL: <https://hightech.fm/2017/09/08/no-estcoin> (дата обращения: 22.02.2023).

² См.: О развитии цифровой экономики: декрет Президента Респ. Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 22.02.2023); О парке высоких технологий: декрет Президента Респ. Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 // Там же. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012> (дата обращения: 22.02.2023).

³ См.: О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий: закон Респ. Казахстан от 25 июня 2020 г. № 347-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34230083&pos=2;-108#pos=2;-108 (дата обращения: 22.02.2023); Об утверждении Правил информирования о деятельности по осуществлению цифрового майнинга: приказ министра цифр. развития, инноваций и аэрокосм. пром-сти Респ. Казахстан от 13 октября 2020 г. № 384/НК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021445> (дата обращения: 22.02.2023); Об утверждении Правил выпуска и оборота обеспеченных цифровых активов: приказ министра цифр. развития, инноваций и аэрокосм. пром-сти Респ. Казахстан от 29 октября 2020 г. № 407/НК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021546> (дата обращения: 23.02.2023).

отметим, что после «бегства» криптовалюты из КНР и массового вывоза китайских майнинговых ферм в Россию и Казахстан первое место в мире по объему майнинга биткоинов занимают США (их доля в мировой «добыче» этого вида виртуальной валюты выросла в 2021 г. с 17 % в апреле до 35 % в сентябре), второе – Казахстан (соответствующие показатели составляют 8 и 18 %), а третье – Россия. В России доля хешрейта биткоина за указанный период выросла с 6,8 до 11,2 %¹.

Анализируя становление и развитие нормативного регулирования общественных отношений, касающихся ЦФА в РФ, прежде всего стоит обратиться к дате 27 января 2014 г., когда Банком России был опубликован пресс-релиз «Об использовании при совершении сделок „виртуальных валют“», в частности, биткойн². Хотя данный документ не может считаться нормативным правовым актом, его можно рассматривать как первую попытку регулятивного воздействия на общественные отношения, возникающие в сфере оборота ЦФА в стране. Банк России предостерегал граждан и юридических лиц о спекулятивном характере сделок с виртуальными валютами, высоком риске потери стоимости цифровалют, не рекомендовал обменивать товары, работы и услуги или денежные средства в рублях и иностранной валюте на «виртуальную валюту», отмечая, что у нее нет обеспечения и отсутствует круг юридически обязанных субъектов, а использование виртуальной валюты сопряжено с большим риском вовлечения граждан и юридических лиц, совершающих операции с ней, в противоправную деятельность (прежде всего связанную с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма).

В свете данной позиции Министерство финансов РФ разработало законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», опубликованный 3 октября 2014 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов³,

¹ См.: Запрет криптовалюты в Китае: масштабы трагедии.

² См.: Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности биткойн: пресс-релиз Банка России. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 23.02.2023).

³ URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#StartDate=3.10.2014&departments=3&EndDate=3.10.2014> (дата обращения: 25.02.2023).

но в последующем изъяты из информационного пространства (далее – законопроект от 03.10.2014). В законопроекте от 03.10.2014 предусматривалось введение жестких административных санкций за использование в расчетах денежных суррогатов; установку на ЭВМ и запуск майнинговых компьютерных программ, позволяющих вырабатывать криптовалюту путем выполнения определенных алгоритмов; распространение информации, касающейся способов приобретения и реализации виртуальной валюты. Хотя термины «ЦФА», «криптовалюта», «виртуальная валюта», «цифровая валюта», «биткоин» в законопроекте от 03.10.2014 не упоминались, в нем предлагалось дать легальное определение категории «денежный суррогат». Разработчиками законопроекта от 03.10.2014 денежный суррогат характеризовался «другие (помимо рубля) денежные единицы и объекты имущественных прав, выпущенные в том числе в электронном виде, используемые в качестве средства платежа и (или) обмена, не предусмотренные законодательством, выпуск (эмиссия) и осуществление операций с которыми запрещается»¹.

Критически оценивая такую законодательную инициативу, мы полагаем, что она была обусловлена непониманием тех преимуществ, которые несет в себе использование конструкции ЦФА, а также низкой компьютерной и коммуникационной грамотностью ее разработчиков. Управляющий партнер Центра цифровых прав С. Дарбинян совершенно справедливо отметил, что принятие законопроекта от 03.10.2014 в предлагаемой редакции не позволило бы России использовать преимущества виртуальной валюты как инструмента, ломающего парадигму валютной эмиссии, и негативно отразится на внедрении в экономику технологии блокчейн². Законопроект от 03.10.2014 не получил поддержки со стороны российского законодателя и не был принят.

В 2015 г. Правительством РФ была предпринята очередная попытка урегулирования отношений, касающихся оборота ЦФА. Законопроектом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

¹ Предлагается установить ответственность за выпуск (эмиссию) денежных суррогатов и осуществление операций с их использованием. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/37480.html/> (дата обращения: 26.02.2023).

² См.: Дарбинян С. Криптовалюты уходят в андеграунд. Законопроект от Минфина. URL: <https://habr.com/ru/post/239205/> (дата обращения: 27.02.2023).

Российской Федерации» предлагалось запретить оборот криптоактивов на территории страны и дополнить ст. 15.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях¹ нормой: «Умышленное распространение информации, позволяющей осуществлять выпуск (эмиссию) денежных суррогатов и (или) операции с их использованием, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до трехсот тысяч рублей»². В случае принятия такого законопроекта тотальный запрет на использование в России технологии блокчейн был бы гарантирован.

Однако экспертное сообщество крайне негативно отреагировало на данную законодательную инициативу. Эксперты высказывали суждения, что запрет оборота криптоактивов противоречит принципу свободного обмена информацией, закрепленному в ст. 29 Конституции РФ, а введение запретов на блокчейн-технологии в России превратит нашу страну в аутсайдеры на пути технологического прогресса³.

Судебная система также демонстрировала непонимание сути блокчейн-технологий в целом и технологий bitcoin в частности. Нередко, принимая решения, суды учитывали общедозволительный тип правового регулирования гражданско-правовых отношений и зафиксированный в ст. 1 ГК РФ принцип свободного установления гражданами и юридическими лицами своих гражданских прав и обязанностей на основе договора, детализированный в ст. 421 ГК РФ. На информационном портале сообщества IT-специалистов habr.com появилась информация о внесении в январе 2015 г. в черный список

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федер. закона. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/npa_projects/Dorabotanny_tekst_proekta_akta_po_itogam_publichnogo_obszhdeniya_Teksta_proekta_akta_00-03-17205-08-14-21-14-4-ver2-13089-numb-58362.doc (дата обращения: 27.02.2023). В настоящее время страница удалена администрацией сайта.

³ См.: Давлетбаев Р. Эксперты: запрет на использование криптовалют превратит Россию в технологического аутсайдера. URL: <https://nangs.org/news/it/eksperty-zapret-na-ispolzovanie-kriptovalyut-prevratit-rossiyu-v-tekhnologicheskogo-outsajdera> (дата обращения: 28.03.2023).

Роскомнадзора ресурсов Bitcoin.org, Bitcoin.it и Btcsec.com в соответствии с решением, принятым Невьянским городским судом Свердловской области¹. Такое решение было принято, несмотря на то что контент сайта представлял собой сведения о криптовалюте Bitcoin на 26 языках, в том числе на русском, и на сайте отсутствовал какой-либо пользовательский контент². Рассматривая апелляционную жалобу, поданную представителями сайтов BTCsec.com и Bitcoinconf.ru, судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда постановила отменить решение Невьянского городского суда, признав блокировку ресурсов Bitcoin.org, Bitcoin.it и Btcsec.com незаконной³. По сути, это стало одним из первых официальных признаний законности распространения на территории РФ информации о криптоактивах.

Следующей вехой на пути правового регулирования оборота ЦФА в РФ следует признать письмо Минфина России и Федеральной налоговой службы «О контроле за обращением криптовалют, в том числе биткоинов, на территории Российской Федерации» от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027⁴.

В данном документе, который следует признать официальным разъяснением порядка применения норм Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁵, Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁶,

¹ Мотивированное решение Невьянского городского суда Свердловской области по гражданскому делу № 2-978/2014 от 30 сентября 2014 г. URL: <https://bits.media/images/news/15.01.2015/bitcoin.pdf> (дата обращения: 29.02.2023).

² См.: Будько А. Роскомнадзор заблокировал Bitcoin.org, Bitcoin.it и Btcsec.com. URL: <https://habr.com/ru/news/t/375437/> (дата обращения: 12.03.2023).

³ См.: Каплан А. Российский суд отменил блокировку биткоин-сайтов Роскомнадзором. URL: <https://forklog.com/rossijskij-sud-otmenil-blokirovku-bitkoin-sajtov-roskomnadzorom/> (дата обращения: 28.03.2023).

⁴ О контроле за обращением криптовалют, в том числе биткоинов, на территории Российской Федерации: письмо Минфина России и ФНС от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

⁶ О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4859.

указания Президента РФ от 25 марта 2014 г. № Пр-604, подчеркивалось, что согласно ст. 27 Закона о Центральном банке РФ рубль является официальной денежной единицей (валютой) РФ, введение на ее территории других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются. Минфин России и ФНС признавали, что в российском законодательстве на тот момент легальных определений категорий «денежный суррогат», «криптовалюта», «виртуальная валюта» нет, причем отсутствуют законодательно установленные запреты на проведение российскими гражданами и организациями операций с криптовалютой. Операции, связанные с приобретением или реализацией криптоактивов с использованием валютных ценностей и (или) валюты РФ, предлагалось рассматривать как валютные операции. На них должны распространяться нормы Закона о валютном регулировании и валютном контроле, а сами эти операции следует осуществлять через счета резидентов, открытые в уполномоченных банках. Однако действующая в то время система не предусматривала получение органами и агентами валютного контроля информации от резидентов и нерезидентов об операциях по купле-продаже криптовалюты. Тем не менее отмечалось, что с целью осуществления контроля за соблюдением требований валютного законодательства информация о проведении таких операций может представляться налоговыми органам в порядке координации с уполномоченными органами в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. ФНС России предлагала закрепить в федеральном законодательстве положения, которые создали бы правовую основу для получения налоговыми органами информации об операциях с криптоактивами от агентов и органов валютного контроля, а также от уполномоченных органов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Системный анализ Письма ОА-18-17/1027 позволяет сделать вывод о том, что с октября 2016 г. в ФНС России сформировалось представление о криптовалюте как о специфическом объекте гражданских прав (прежде всего как товаре, выступающем в качестве предмета договора купли-продажи), не являющемся средством платежа. Это

органично вписывалось в Доктрину информационной безопасности Российской Федерации¹.

В конце мая 2017 г. зампред Банка России О. Скоробогатова озвучила мнение руководства, в соответствии с которым криптовалюту предлагалось рассматривать как цифровой товар, а замминистра финансов РФ А. Моисеев предположил, что регулирование оборота криптовалюты следует строить по модели регулирования деривативов².

Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы³. В целях ее реализации 28 июля Правительством РФ утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴, в которой подчеркивалось, что «данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности», а развитие цифровой экономики повышает конкурентоспособность страны. Системы распределенного реестра стали рассматриваться в качестве одной из основных сквозных цифровых технологий, имеющих большое значение для развития общества и государства. Хотя в самой программе о ЦФА прямо не говорилось, однако признавалось, что определенные данные (информация) рассматриваются в качестве нового актива. Потребительская стоимость последнего обуславливается альтернативной ценностью определенных данных и возможностью их использования для реализации новых идей, а внедрение

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (дата обращения: 28.03.2023).

² См.: Еремина А., Холявко А. Россия пытается вписать криптовалюты в правовое поле. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/06/09/693743-rossiya-kriptovalyuti> (дата обращения: 05.03.2023).

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁴ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Доступ из информ.-правового портала «Гарант» (отменена в 2019 г. в связи с принятием новой программы).

цифровых платформ работы с данными имеет огромное значение для обеспечения потребностей власти, бизнеса и граждан.

Примечательно, что до 2017 г. в обсуждениях проблематики правового регулирования оборота ЦФА наиболее пристальное внимание специалистов в сфере финансов и права было сосредоточено на сделках по купле-продаже криптовалюты, причем аспект использования ЦФА в качестве инвестиционного инструментария нередко оставался вне обсуждений. Но второе полугодие ознаменовалось быстрым распространением в информационно-телекоммуникационной сети Интернет навязчивой и агрессивной рекламы ICO (initial coin offering) как новой формы привлечения инвестиций, сутью которой являются выпуск и продажа инвесторам новых токенов¹.

Банк России 4 сентября 2017 г. опубликовал пресс-релиз², в котором признавал, что использование криптовалюты получило широкое распространение в мире, однако она выпускается неограниченным кругом анонимных субъектов и большинство операций с ними совершается вне правового поля. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются Банком России, а сделки с ними несут в себе высокие риски как при проведении обменных операций, в том числе из-за резких колебаний обменного курса, так и в случае привлечения финансирования через ICO. Более того, высокая вероятность технологических сбоев может привести к финансовым потерям граждан и невозможности защиты прав потребителей финансовых услуг в случае их нарушения.

Минфин России 2 октября опубликовал информационное письмо № 03-11-11/63996, где было зафиксировано увеличение объемов оборота криптовалюты в России и мире и подчеркивалось требование скорейшего правового урегулирования данной сферы общественных отношений. В документе проводились параллели между криптовалютой и денежными суррогатами, а внимание общественности предлагалось сосредоточить на возможном использовании

¹ Нередко для обозначения сути этого механизма применяются словосочетания «первичное размещение монет» или «первичное монетное предложение».

² Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют): пресс-релиз Банка России от 4 сентября 2017 г. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04t18_31_05.htm (дата обращения: 06.03.2023).

криптовалюты в противоправных (преступных) целях¹. Вместе с тем обозначенная позиция не помешала Департаменту налоговой и таможенной политики этого же ведомства буквально через 10 дней после опубликования вышеуказанного информационного письма издать другое, в котором обращалось внимание на необходимость уплаты налогов с доходов от совершения операций с биткоинами².

Неспособность объяснить суть ЦФА как нового явления, характерного для цифровой экономики, посредством использования устоявшихся подходов обуславливала необходимость поиска иных решений, которые смогли бы определить место этому феномену в системе объектов правового регулирования. Увеличившееся количество споров по вопросам, связанным с обращением ЦФА, постепенно привело к формированию подхода к ним с позиции имущественных прав, зафиксированных в цифровой среде.

Сложность определения правовой природы ЦФА, проблематика постоянной правовой перекалфикации деятельности, связанной с криптоактивами, необходимость поиска решений, позволяющих использовать положительный эффект от использования технологий блокчейн, обусловили проведение 10 октября межведомственного совещания по вопросу применения цифровых технологий в финансовой сфере. По итогам данного совещания Президентом РФ были даны поручения Правительству РФ и Банку России по обеспечению внесения изменений и дополнений в российское законодательство, в которых был бы определен статус цифровых технологий в финансовой сфере, сформулированы легальные определения таких категорий, как «технология распределенных реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт»; по разработке правил, регулирующих механизм публичного привлечения денежных средств и криптовалют путем размещения токенов и пр. Президентом РФ подчеркивалось, что, несмотря

¹ О регулировании выпуска и оборота криптовалют: письмо Минфина России от 2 октября 2017 г. № 03-11-11/63996. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

² Об уплате НДФЛ при совершении операций с физическими лицами по покупке и продаже биткойнов: письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 13 октября 2017 г. № 03-04-05/66994. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

на предполагаемые изменения и дополнения законодательства, рубль должен рассматриваться в качестве единственного законного платежного средства в Российской Федерации¹.

25 января 2018 г. на обсуждение общественности был представлен законопроект № 419059-7, подготовленный к первому чтению в Государственной Думе РФ, который первоначально именовался «О цифровых финансовых активах». В статье 2 под цифровыми финансовыми активами предлагалось понимать имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств, не являющееся законным средством платежа на территории РФ, а криптовалюту рассматривать как одну из разновидностей ЦФА, создаваемую и учитываемую в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций². В целом положительно оценивая вышеуказанную законодательную инициативу, хотелось бы отметить, что разработчиками законопроекта о ЦФА цифровые финансовые активы рассматривались как особого рода имущество, а не как оригинальная форма фиксации имущественных прав.

Анализируя приведенные в законопроекте о ЦФА определения, следует отметить, что в них было достаточно много несоответствий с другими нормативными правовыми актами. Это породило новые вопросы, на которые в законопроекте ответов не нашлось. Во-первых, формулировка «имущество в электронной форме» (применительно к категории ЦФА) не коррелирует с общепринятым в юриспруденции употреблением термина «форма», который применяется к способам фиксации волеизъявления сторон сделки (например, ст. 158 ГК РФ именуется как «Форма сделок», ст. 493 ГК РФ – «Форма договора розничной купли-продажи» и пр.). В действующем российском гражданском законодательстве и цивилистической доктрине категория

¹ Перечень поручений Президента Российской Федерации от 21 октября 2017 г. по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 06.03.2023).

² О цифровых финансовых активах: проект федер. закона № 419059-7: [текст к 1-му чтению]. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/16A3CC43-AF85-49EC-9821-2D0C8F1E7E8A> (дата обращения: 20.03.2023).

«форма» к видам имущества не применяется. Во-вторых, что касается правил ведения реестра цифровых транзакций (применительно к криптовалютам), нет ясности, кто и каким образом эти правила устанавливает и какие санкции предусмотрены за их нарушение.

Отмечая противоречивость и слабую проработанность текста законопроекта о ЦФА, А. О. Иншакова и А. И. Гончаров предложили внести следующие изменения: вместо термина «криптовалюта» использовать термин «расчетная цифровая криптозапись» и изменить наименование законопроекта¹. По справедливому мнению ученых, некорректные формулировки последнего позволяют сделать вывод о том, что целью создания криптовалюты может выступать шифроигра «...на настоящие деньги», а в качестве сути формирования ЦФА – создание финансовой пирамиды, объединяющей анонимных участников, идентификация и защита прав которых невозможна априори².

Ко второму чтению законопроект о ЦФА получил наименование «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)», а его положения были существенно переработаны. В соответствии с текстом п. 2 ст. 1 новой редакции законопроекта под ЦФА предлагалось понимать цифровые права, включающие обязательственные и иные права, в том числе денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые закреплены в решении о выпуске ЦФА в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)», выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изме-

¹ В качестве варианта предлагалась следующая формулировка: об операциях с шифрами в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

² См.: Объекты гражданских прав: учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. А. И. Гончарова, А. О. Иншаковой. 2-е изд. М., 2019. С. 333, 344.

нения) записей в информационной системе на основе распределенного реестра¹.

Из содержания вышеуказанной редакции законопроекта о ЦФА логически вытекал вывод, что под ЦФА предлагалось понимать только определенный сегмент цифровых прав, которые выпускаются, учитываются и обращаются посредством совершения определенных записей в информационной системе на основании распределенного реестра. Следует отметить, что в новой редакции такое понятие, как криптовалюта, вообще отсутствовало, при этом разработчиками предлагалось ввести в оборот категорию «цифровые операционные знаки», в качестве которых рассматривалась совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), полученных по правилам информационных систем, которые не относятся к категории ЦФА. Примечательно, что выпуск и использование цифровых операционных знаков было рекомендовано к осуществлению под контролем Банка России². Обоснованно предположить, что под термином «цифровые операционные знаки» авторы текста законопроекта о ЦФА предписывали понимать категорию, которая на бытовом уровне обозначается термином «криптовалюта». Однако такая интерпретация сущности криптовалюты полностью противоречит первоначальным подходам, где виртуальная валюта рассматривалась как финансовый инструмент, свободный от внешнего администрирования.

Следует отметить, что в 2018 г. в Минфине России так и не сформировалось представление о сути ЦФА. Министерство сосредоточилось на вопросах налогообложения при совершении операций с криптовалютой, опубликовав целый ряд информационных писем, где было подчеркнуто, что на тот момент правовой статус криптовалюты и токенов на территории РФ ни в гражданском, ни в отраслевом законодательстве не определен, а все доходы, полученные

¹ О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах): проект федер. закона № 419059-7: [текст ко второму чтению]. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz210319_2.rtf (дата обращения: 20.03.2023).

² О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах): проект федер. закона № 419059-7: [текст ко второму чтению]. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz210319_2.rtf (дата обращения: 20.03.2023).

налогоплательщиками от операций с криптовалютой и токенами, подлежат налогообложению по общим правилам¹.

Руководство Росфинмониторинга, так же как и Минфин России, уклонилось от обсуждения существенных характеристик ЦФА и виртуальной валюты, сосредоточившись лишь на ограничительных и надзорных мероприятиях, касающихся их оборота. Предлагалось ввести обязательность лицензирования и регистрации платформ для проведения ICO-проектов, администраторов кошельков для цифровых валют и виртуальных обменников и установить минимальный порог для отчетности криптокомпаний, взяв за ориентир объем операций с фиатными деньгами в 600 тыс. рублей².

Неудивительно, что на законопроект о ЦФА поступило большое количество негативных отзывов, обусловивших перенос его рассмотрения на апрель 2020 г., тогда как 18 марта 2019 г. был принят Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса

¹ [Об отражении доходов российской организации от операций с криптовалютой]: письмо Минфина России от 9 февраля 2018 г. № 03-03-06/1/8061. Доступ из информ.-правового портала «Гарант»; О налогообложении НДФЛ доходов, полученных при продаже биткойнов: письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 21 мая 2018 г. № 03-04-05/34004 // Там же; Об учете токенов, полученных в рамках проведения ICO третьим лицом (иностранной компанией): письмо Минфина России от 14 июня 2018 г. № 03-03-06/1/40729 // Там же; [По вопросу обложения налогом на доходы физических лиц доходов, полученных при продаже биткойнов]: письмо Минфина России от 5 июля 2018 г. № 03-04-05/46553 // Там же; Об НДФЛ с доходов, полученных от продажи криптовалюты: письмо Минфина России от 12 июля 2018 г. № 03-04-05/48714 // Там же; О предоставлении консультации в отношении правил учета операций с криптовалютой: письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 16 августа 2018 г. № 03-03-06/1/58171 // Там же; О порядке налогообложения доходов при совершении операций с криптовалютой: письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 28 августа 2018 г. № 03-03-06/1/61152 // Там же; О налоге на доходы физических лиц с доходов от осуществления операций с криптовалютами: письмо Минфина России от 4 сентября 2018 г. № 03-04-05/63144 // Там же; [По вопросу уплаты налога на доходы физических лиц с доходов от осуществления операций с криптовалютами]: письмо Минфина России от 24 августа 2018 г. № 03-04-05/60392. URL: <https://www.klerk.ru/doc/484961> (дата обращения: 23.03.2023).

² См.: Иванова Е. Росфинмониторинг ужесточит контроль над ICO-площадками и виртуальными обменниками. URL: <https://cryptofeed.ru/news/rosfinmonitoring-uzhestochit-kontrol-nad-ico-ploshhadkami-i-virtualnymi-obmennikami/> (дата обращения: 22.03.2023).

Российской Федерации»¹, в котором в перечень объектов гражданских прав был включен такой специфический феномен, как цифровые права. Действующие нормы ст. 141.1 ГК РФ указывают, что под цифровыми правами следует понимать обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам, а осуществление, распоряжение и обременение цифрового права или ограничение распоряжения цифровыми правами возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу².

Критически относясь к действующему ныне легальному определению категории «цифровые права» и ратуя за введение в официальный юридический лексикон термина «оцифрованные права», мы полагаем, что значимость таких прав, принадлежащих тому или иному субъекту, заключается в их признании другими участниками гражданского (хозяйственного) оборота, взаимодействующими в электронной среде, а внешняя форма выражения данной оценки чаще всего охватывается категорией «обменный курс», показывающей ценность того или иного имущественного права в пересчете на рубли или единицы зарубежной валюты.

Нам импонирует позиция А. В. Степанченко, утверждающего, что по своей сути явление, обозначаемое современным российским законодателем термином «цифровые права», – это способ фиксации имущественных притязаний участников гражданского оборота, обладающих правовой защитой, а вовсе не какие-либо новые, ранее неизвестные праву блага, относительно которых субъекты вступают в правовые отношения³.

2 августа 2019 г. в России был принят Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, вступивший в силу с 1 января 2020 г.

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ.

² ГК РФ. Ч. I. Ст. 3301.

³ См.: Степанченко А. В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 510–519.

⁴ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

В нем были установлены правила инвестирования посредством использования инвестиционных платформ, а также нормы, регламентирующие возникновение и обращение утилитарных цифровых прав. Хотя действие этого закона не распространяется на банковскую или иную финансовую деятельность, однако мы полагаем, что по своей правовой природе категория «утилитарные цифровые права» находится в одном сегменте с категорией ЦФА.

2020 г. ознаменовался принятием Закона о ЦФА, явившегося результатом бурной дискуссии относительно понимания сути категории ЦФА и значительно отличавшегося от законопроекта о ЦФА.

Закон объединяет 29 статей. В пункте 2 ст. 1 дано легальное определение категории «цифровые финансовые активы», а в п. 3 этой же статьи – категории «цифровая валюта».

Несмотря на то что Закон о ЦФА имеет значительное число внутренних противоречий, тем не менее в нем российский законодатель впервые сформулировал легальную дефиницию категории ЦФА, требования к операторам информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, и операторам обмена ЦФА; определил содержание решения о выпуске ЦФА, порядок их выпуска; регламентировал учет и обращение ЦФА и оборот цифровой валюты. Пусть эти нормы требуют корректировки (что непременно произойдет после формирования правоприменительного опыта), однако первый шаг сделан. Законом о ЦФА внесены изменения в Закон об АО, Закон о рынке ценных бумаг, закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹, Закон о Центральном банке РФ, Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. Таким образом, ЦФА были выведены из правового вакуума.

Проведенный нами анализ позволяет выделить три этапа развития отечественного законодательства о ЦФА (в широком смысле):

1. Отрицание правомерности и преимуществ использования компьютерных технологий распределенного реестра для организации

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

дистанционного взаимодействия субъектов права в цифровой среде, преимущественное рассмотрение ЦФА в качестве средства легализации доходов, полученных преступным путем.

2. Допущение использования ЦФА, созданных посредством использования компьютерных технологий распределенного реестра, в гражданском обороте с целью последующего налогообложения таких активов без законодательных гарантий защиты прав их обладателей.

3. Легитимация существования цифровых активов как оборотоспособных объектов гражданских прав. Компьютерные технологии распределенного реестра рассматриваются как эффективное, перспективное информационно-коммуникационное средство организации дистанционного взаимодействия субъектов права и фиксации их имущественных притязаний, осуществляется интенсивное развитие правового регулирования сферы оборота ЦФА.

ГЛАВА 2. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБОРОТ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Общая характеристика гражданско-правового оборота имущественных прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов

Словосочетание «гражданский оборот» достаточно активно используется российским законодателем¹: только в действующей редакции ГК РФ более 20 раз. Наряду с ним употребляется и такой термин, как «деловой оборот»². Однако легального определения категории «гражданский оборот» на сегодня в ГК РФ нет, что порождает определенные дискуссии относительно содержания данного явления. Бесспорно, что вышеуказанная категория является производной от общего понятия «оборот», которое по смысловому наполнению весьма близко к «обращению». С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова, раскрывая смысл термина «оборот» применительно к категориям «товар» и «капитал», говорят об «обращении денежных средств и товаров для воспроизводства, получения прибыли»³. В то же время категория «обращение» более востребованна в экономической литературе, тогда как в юридическом лексиконе в преобладающем порядке используется термин «оборот»⁴.

Опираясь на нормы ст. 129 ГК РФ, обоснованно сделать вывод о том, что современный российский законодатель, говоря о гражданско-правовом обороте, имеет в виду совокупность процессов и явлений, характеризующих процесс отчуждения или перехода объектов гражданских прав от одного лица другому. Л. В. Криволапова совершенно справедливо полагает, что гражданский оборот отражает динамику гражданских отношений⁵.

¹ См., напр.: ГК РФ. Ст. 2, 15, 49, 51, 129, 152 и др.

² См., напр.: ГК РФ. Ст. 459, 474, 722 и др.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 435.

⁴ См.: Руденко А. В. О понятии «гражданский оборот» // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3. С. 106–109.

⁵ См.: Криволапова Л. В. Гражданский оборот имущественных прав: теория и практика: монография. Оренбург, 2010. С. 54.

Характеризуя суть гражданского оборота, О. А. Красавчиков рассматривает его как правовую форму экономического оборота¹. Соотнося категории экономической и гражданской оборот, некоторые авторы считают, что такое разграничение носит только познавательный характер, а сами эти категории есть не что иное, как различные аспекты одного и того же явления – оборота имущественных благ². Однако мы такую позицию считаем некорректной. Хотя гражданский и экономический оборот являются весьма схожими явлениями, полностью их отождествлять недопустимо.

В современном финансовом словаре под экономическим оборотом понимается «круговое движение реальных экономических благ, сопровождающееся встречным потоком денежных доходов и расходов»³. Думается, что такое определение несколько некорректно, ибо встречное предоставление может осуществляться в различных формах, не только деньгами. Товарность встречного предоставления позволяет рассматривать в качестве такового, помимо денег, еще и услуги, результаты работ, вещи, имущественные права. Фактически экономический оборот может осуществляться и вне правового поля (например, при незаконном отчуждении тех или иных благ), однако в этом случае юридические последствия будут существенно отличаться от ожидаемого сторонами результата и нередко квалифицироваться как противоправные деяния.

Гражданский оборот – это, прежде всего, совокупность юридически значимых факторов, характеризующих товарообмен между субъектами, и правомерность обладания тем или иным участником правоотношений различными благами, носящими товарный характер.

Нам импонирует концепция, сформулированная О. А. Красавчиковым, согласно которой гражданский оборот предлагается рассматривать как совокупность целого ряда гражданско-правовых институтов,

¹ См.: Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. М., 1957. Т. V. С. 3–27.

² См.: Виниченко Ю. В. О соотношении гражданского и экономического оборота // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 5. С. 879–887.

³ Цит. по: Иванов Н. Г., Моисеева Ю. О., Решетова Л. В. Экономическая теория: микроэкономика. Ульяновск, 2019. URL: https://www.ulsu.ru/media/documents/Учебно-методич.пособие_Экономическая_теория_Микроэкономика_WWO842o.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

регулирующих имущественные отношения, возникающие при передаче вещей, выполнении работ и оказании услуг. Еще в 1957 г. исследователь предлагал проводить различие между такими явлениями, как «гражданский оборот» и «институт гражданского оборота», а также говорил о необходимости разграничения отношений, складывающихся в сфере гражданского оборота, и их юридическом отражении, называя такие отношения имущественно-правовыми¹. Кроме того, мы солидарны с теми учеными, которые обращают внимание на проблему рассмотрения в качестве отдельного элемента гражданского оборота событий и правонарушений², ибо события или правонарушения влекут переход субъективных прав на объекты гражданского оборота не сами по себе, а в определенной совокупности с другими явлениями юридического мира, что в цивилистической доктрине охватывается категорией «юридический состав»³.

О. А. Красавчиков обоснованно утверждал, что гражданский оборот опосредует не физическое перемещение вещей, а определенные имущественные отношения⁴. Именно он стоял у истока понимания данного термина как оборота субъективных прав, принадлежащих участникам гражданских правоотношений. Это позволило в итоге сформулировать тезис, что в гражданский оборот вовлечены не сами вещи в их физическом смысле, а права на них. Развивая идеи О. А. Красавчикова, А. Г. Дейнеко обоснованно утверждает, что для юристов всегда в приоритете не физическое господство над объектом, а наличие права на него⁵. Специфику современного понимания гражданского оборота достаточно ярко выразил Р. Коуз. Выступая с речью на церемонии вручения ему в 1991 г. Нобелевской премии по экономике, он отметил, что экономисты заблуждаются, когда думают, что на рынке торгуют материальными предметами, ибо на самом

¹ См.: Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 26–27.

² См.: Виниченко Ю. В. О понятии «гражданский оборот» (постановка проблемы) // Сибирский юридический вестник. 2013. № 3 (62). С. 30.

³ См.: Гражданское право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2001. Т. 1. С. 92.

⁴ См.: Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 27.

⁵ См.: Дейнеко А. Г. Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15, № 2. С. 188.

деле на рынке торгуют правами совершать определенные действия с предметами, а сами эти права устанавливаются правовой системой¹.

Сегодня все более очевидным становится тот факт, что ограничивать гражданский оборот только сферой вещей некорректно; общепризнанным является тезис, что имущественные права обладают не меньшей ценностью, нежели такие предметы материального мира, как вещи. Л. А. Чеговадзе, поднимая проблематику гражданского правоотношения и гражданского оборота, характеризует последний как «движение вещей и требований, но наряду с этим и движение прав»². Т. В. Дерюгина и А. О. Иншакова подчеркивают, что оборотоспособность следует рассматривать как один из элементов правового режима³.

Ю. Е. Туктаров совершенно справедливо отмечает, что далеко не все имущественные права являются оборотоспособными. Те имущественные права, которые не могут участвовать в гражданском обороте, он предлагает обозначать как «непередаваемые права» (например, право на алименты). К ним не могут применяться нормы, рассчитанные на оборотоспособные права⁴. Исследователь убедительно доказывает, что в качестве содержания гражданского оборота следует рассматривать переход субъективных имущественных прав от одного лица к другому⁵.

По мнению Л. В. Криволаповой, содержание гражданского оборота – это система волевых действий, элементами которой являются действия, выступающие причиной перехода благ, и действия, опосредующие такой переход. Первую группу действий она обозначает как основание перехода благ от одного субъекта к другому. Что же касается действий, опосредующих такой переход,

¹ См.: Уинтер Г. Вопросы права и экономики / пер. с англ. Т. Шишкиной; под науч. ред. М. Одинцовой. М., 2019. С. 57.

² Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004. С. 40.

³ См.: Дерюгина Т. В., Иншакова А. О. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 34.

⁴ См.: Туктаров Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. М., 2007. С. 139.

⁵ См.: Туктаров Ю. Е. Указ. соч.

Л. В. Криволапова предлагает их рассматривать в качестве способа перехода благ в рамках гражданского оборота. Применительно к процессу гражданского оборота автор имеет в виду основание перехода благ от одного субъекта к другому как его статистическую составляющую, а способ перехода благ – как динамическую составляющую¹.

Вышеобозначенная позиция заслуживает поддержки, так как достаточно рационально и логично раскрывает суть отношений, возникающих в рамках гражданского оборота. Бесспорно, что безосновательный переход субъективных прав есть не что иное, как неосновательное обогащение (в широком смысле этого слова)², а использование недолжных способов, опосредующих такой переход, влечет его незаконность.

Внедрение в нашу жизнь цифровых технологий обуславливает необходимость переосмысления подходов к окружающей действительности и тем правовым явлениям, которые в ней существуют. Это в полной мере относится к категории «гражданский оборот» и особенно важно в условиях внедрения новых технологий (способов) фиксации объемов имущественных прав, установления их принадлежности тому или иному субъекту. Ранее мы обосновывали свою позицию, в соответствии с которой такие феномены, как цифровые права и ЦФА, следует рассматривать, прежде всего, с позиций использования оригинальных цифровых способов идентификации принадлежности определенных имущественных и корпоративных прав участникам гражданских правоотношений. Современный уровень информационно-телекоммуникационных цифровых технологий обеспечивает возможность оперативной передачи информации о принадлежности имущественных и корпоративных прав участникам гражданских правоотношений, обременениях и ограничениях, установленных в отношении этих прав, и многое другое.

¹ См.: Криволапова Л. В. Указ. соч. С. 37.

² См.: Перегудова Д. А. Отношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и их классификация // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 128; Филиппов П. М., Перегудова Д. А. Формы возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Современные проблемы науки и образования: материалы ежегод. междунар. науч.-практ. конф. Эссентуки, 2017. С. 86–90.

Т. В. Горлова и А. А. Базаров актуализировали выработку нового понятийного аппарата в условиях цифровизации нашей жизни. По мнению ученых, термин «цифровой» применительно к способу фиксации информации и форме ее выражения свидетельствует о том, что необходимая информация передается и описывается с применением и при помощи специального компьютерного языка. Говоря об информации в цифровой форме, следует учитывать не только характерные черты внешнего проявления информации в технической среде, но и особенности взаимодействия программных процессов, позволяющих обрабатывать такую информацию¹.

Оборот ЦФА возможен только в рамках информационной системы, опосредующей взаимодействие между ее пользователями. Думается, что приобретение статуса пользователя той или иной операционной системы возможно путем заключения пользовательского соглашения, построенного по алгоритму смарт-контракта.

Несомненно, что у каждого пользователя информационной системы для доступа к ней должны быть соответствующие технические устройства, программное обеспечение и, конечно же, уникальный код. В соответствии с нормами ч. 7 ст. 4 Закона о ЦФА данный уникальный код позволяет пользователю информационной системы «получать информацию о цифровых финансовых активах, которыми он обладает, а также распоряжаться этими цифровыми финансовыми активами посредством использования информационной системы». Проводя системный анализ норм Закона о ЦФА, Т. В. Горлова и А. А. Базаров обоснованно утверждают, что без идентификации личности пользователя информационной системы (т. е. при его анонимности) взаимодействие в рамках такой информационной системы невозможно². Все пользователи информационной системы должны учитываться в реестре пользователей информационной системы, который ведется соответствующим оператором информационной системы.

¹ См.: Горлова Т. В., Базаров А. А. Становление цифровых прав в России в контексте развития гражданского оборота, осуществляемого в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации. Курск, 2019. С. 118.

² См.: Ушаков О., Хараева Г. О цифровых финансовых активах. URL: https://epam.ru/storage/pdf%20alerts/Legal%20Alert_%20ФЗ%20о%20Цифровых%20финансовых%20активах_%2003%2008%202020%20г.docx.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

А. А. Карцхия, рассуждая о специфике участия субъектов цифровых прав в гражданских правоотношениях, говорит о цифровых идентификаторах, в качестве которых выступают компьютерные коды, IP-адреса, персональные идентификаторы (ID-номера), nickname и другие условные обозначения, предлагая рассматривать их как в качестве «квазисубъектов», так и специальных средств анонимизации. Однако мы полагаем, что такая анонимизация является условной. Если другие пользователи информационной системы, в которой учитываются права, удостоверенные по конструкции ЦФА, могут не знать полных реквизитов своего контрагента, то для оператора информационной системы определить личность, стоящую за таким «квазисубъектом», достаточно просто при прохождении им идентификации и аутентификации¹.

Думается, что наличие во владении у участника гражданско-правового взаимодействия в цифровой среде аппаратно-программного комплекса – компьютера и (или) смартфона с каналом интернет-связи, обеспечивающего доступ и работу в информационной системе, в которой осуществляется выпуск, учет и обращение прав, удостоверенных по конструкции оцифрованных прав вообще и ЦФА в частности, следует рассматривать в качестве обязательного элемента его гражданско-цифровой сделкоспособности.

Без персонального компьютера или смартфона, подключенных к Интернету, и соответствующего программного обеспечения, технических устройств, позволяющих идентифицировать пользователя в цифровой среде, установить взаимодействие между субъектами невозможно.

Пользователь информационной системы, который приобрел права, удостоверенные по конструкции ЦФА, именуется обладателем ЦФА. Уникальный код позволяет обладателю ЦФА получать информацию обо всех правах, удостоверенных по конструкции ЦФА, которые ему принадлежат, и распоряжаться этими правами. Права, удостоверенные по конструкции ЦФА, должны отражаться на лицевом счете ЦФА, функционирующем в отношении каждого пользователя информационной системы.

¹ См.: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. С. 18, 21.

Достаточно обоснованно именовать пользователя информационной системы, желающего приобрести те или иные права, удостоверенные по конструкции ЦФА, инвестором ЦФА. Им могут стать любые физические и юридические лица в пределах своей правоспособности с учетом антикоррупционных ограничений.

Среди инвесторов ЦФА российский законодатель особо выделяет личность квалифицированного инвестора. В соответствии с ч. 9 ст. 4 Закона о ЦФА некоторые права, удостоверенные по конструкции ЦФА, могут приобретаться только лицами, включенными в реестр квалифицированных инвесторов¹. Перечень лиц, относящихся к категории «квалифицированный инвестор», определен нормами ст. 51.2 Закона о рынке ценных бумаг.

Банку России предоставлено право определения признаков ЦФА, которые могут приобретаться только квалифицированным инвестором, и (или) признаков ЦФА, приобретение которых неквалифицированным инвестором допускается только в установленных Центробанком РФ финансовых пределах².

Признаки ЦФА, приобретение которых может осуществляться только квалифицированным инвестором, а также признаки ЦФА, приобретение которых возможно неквалифицированным инвестором только в установленных Банком России финансовых пределах, прописаны в указании Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У³.

Центробанк РФ определяет, что только квалифицированный инвестор имеет право приобретать ЦФА: 1) выпущенные в иностранных информационных системах; 2) удостоверяющие права по эмиссионным ценным бумагам, приобретение которых может осуществляться

¹ О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами: указание Банка России от 29 апреля 2015 г. № 3629-У (с послед. изм. и доп.). Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

² Закон о ЦФА. Ч. 9 ст. 4.

³ О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов: указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

только квалифицированными инвесторами, и только последние имеют право требовать передачи таких эмиссионных ценных бумаг; 3) с неустановленным сроком исполнения денежного требования, составляющего суть права, зафиксированного посредством конструкции ЦФА; 4) фиксирующие право получения выплат, если реализация такого права зависит от обстоятельств, предусмотренных абз. 2 подп. 23 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг, за исключением ЦФА, размер денежных требований по которым эквивалентен стоимости драгоценного металла, наименование и масса которого указаны в решении о выпуске таких ЦФА.

К категории ЦФА, приобретение которых возможно неквалифицированным инвестором только в установленных Банком России лимитах, относятся такие ЦФА, которые включают денежные требования, размер которых эквивалентен стоимости драгоценного металла, наименование и масса которого указаны в решении о выпуске указанных ЦФА; а также удостоверяют: возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, включенным в котировальные списки биржи (за исключением облигаций, или право требовать передачи указанных ценных бумаг); возможность осуществления прав по облигациям федерального займа или права требовать передачи указанных облигаций; возможность осуществления прав или право требовать передачи облигации, в случае если их эмитент или лицо, предоставившее обеспечение по облигациям, имеет кредитный рейтинг не ниже уровня, установленного советом директоров Банка России в соответствии с п. 17.5 ст. 18 Закона о Центральном банке РФ; денежные обязательства, имеющие кредитный рейтинг не ниже уровня, установленного советом директоров Банка России согласно п. 17.5 ст. 18 Закона о Центральном банке РФ.

Для физических лиц, не относящихся к категории квалифицированных инвесторов, устанавливается лимит на покупку ЦФА, оцениваемых в 600 тыс. рублей, в течение одного года, за исключением ЦФА, соответствующих признакам, предусмотренным в пп. 1 и 2 указания Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У. Для юридических лиц, не являющихся квалифицированными инвесторами, лимиты на приобретение ЦФА отсутствуют.

Общая особенность обращения ЦФА заключается в необходимости их введения в гражданский оборот надлежащими субъектами долж-

ным образом. Л. Ю. Василевская, обращая внимание на отличие дигитального мира от реального, свидетельствует о невозможности обходиться в рамках цифровизации тех или иных прав без цифрового кода («цифрового ключа»). Использование «цифрового ключа» в рамках функции распознавания управомоченного лица позволяет идентифицировать пользователя, решить вопрос о допуске его к совершению транзакций, блокирует действия «чужого» лица с токеном и пр.¹

Говоря о введении в гражданский оборот прав, зафиксированных посредством технологии ЦФА, современный российский законодатель использует термин «выпуск цифровых финансовых активов». Специфика данного явления отражена в нормах ст. 2 и 3 Закона о ЦФА.

Одной из важнейших особенностей оборота прав, удостоверенных посредством конструкции ЦФА, является электронная форма фиксации таких прав.

Существование какой-либо информации в электронном виде базируется на использовании двоичного кода, алфавит которого состоит всего из двух цифр – 0 и 1. Учитывая, что этот код вводится в электронно-вычислительную машину, нередко он именуется как «машинный код». Каждая цифра такого двоичного (т. е. машинного) кода соответствует определенному объему информации, который равняется одному биту². Информация посредством использования двоичного кода с помощью специально созданного искусственного языка (языка программирования, программного языка) отражается в виде последовательной записи в памяти электронно-вычислительной машины. Обработка информации осуществляется посредством использования различных логических операций, таких как OR, AND, NOT и др. Для того чтобы данные, зафиксированные посредством машинного кода, стали понятными для пользователей, применяется графический интерфейс. Все это возможно только при применении специальной электронно-вычислительной техники, т. е. таких устройств, как ЭВМ, смартфон и пр.

¹ См.: Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 114.

² Системы счисления и двоичное представление информации. URL: [https://examer.ru/ege_po_informatike/teoriya/sistemy_schisleniya_i_dvoichnoe_predstavlenie_\(data_obrasheniya:_20.03.2023\)](https://examer.ru/ege_po_informatike/teoriya/sistemy_schisleniya_i_dvoichnoe_predstavlenie_(data_obrasheniya:_20.03.2023)).

Нормы ст. 160 ГК РФ, приравнивая сделку, совершенную с помощью электронных либо иных технических средств, к сделке, совершенной в письменной форме, в императивном порядке устанавливают, что такая сделка считается заключенной в должной форме, если содержание сделки в неизменном виде может быть воспроизведено на материальном носителе информации. При этом лицо, выразившее свою волю на совершение такой сделки, должно быть достоверно определено.

Говоря об общих правилах гражданско-правового оборота прав, удостоверенных посредством технологии ЦФА, современный российский законодатель определяет, что такие права «возникают у их *первого* (курсив наш. – В. С.) обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск ЦФА, записи о зачислении ЦФА указанному лицу»¹. В нормах п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА законодатель четко установил, что права, удостоверенные посредством конструкции ЦФА, могут выпускаться, учитываться и обращаться только посредством внесения или изменения записей в информационную систему, которая функционирует как на основе распределенного реестра, так и на других принципах. Однако ценность представляют сами права, а не записи о них. Записи – это лишь способ удостоверения вышеназванных прав и идентификации правообладателей.

В российском праве легальное определение термина «информационная система» сформулировано в нормах ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Давая определение информационной системе, законодатель указывает, что это «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств».

Специфика информационных систем, построенных по технологии блокчейна, заключается в том, что наряду с использованием электронных цифровых подписей и мультисигнатур в них применяются

¹ Закон о ЦФА. П. 1 ст. 2.

² Об информации, информационных технологиях и защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

последовательно взаимосвязанные цепочки зашифрованных блоков данных, в том числе сетевых финансовых транзакций, которые одновременно хранятся у всех независимых пользователей системы – создателей блоков. Д. А. Ловцов обращает внимание, что взлом системы (т. е. географически распределенного хранимого множества взаимодействующих идентичных копий единой базы данных) чрезвычайно затруднен. А взламывать каждый зашифрованный блок (содержащий заголовок, метку времени, ключи и хеш-коды текущего и предыдущего блоков для обеспечения связанности и целостности, набор записей-транзакций) и множество его копий, которые хранятся в разных местах, весьма долго и дорого¹. Любая попытка взлома того или иного блока блокчейн-системы будет замечена другими участниками информационного взаимодействия. Физическое разрушение блокчейн-системы также крайне затруднительно в силу того, что значительное число узлов такой системы, используемых для хранения копий с интерфейсами для доступа и подробной документацией, может быть «разбросано» на достаточно большой территории (нередко даже в пределах различных государств).

Согласно нормам ст. 4 Закона о ЦФА учет прав, удостоверенных посредством конструкции ЦФА, в информационной системе осуществляется в виде записей. Специфика ведения последних устанавливается правилами соответствующей информационной системы.

Важнейшее значение для организации оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, имеет личность оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск таких прав. Для краткости изложения в последующем тексте мы будем именовать его оператором выпуска ЦФА. Требования к нему установлены в ст. 5 Закона о ЦФА. Оператором выпуска ЦФА может стать только юридическое лицо, личным законом которого является российское право.

По общему правилу, зафиксированному в п. 1 ст. 1202 ГК РФ, к организациям, личным законом которых является российское право, следует относить те организации, которые учреждены в РФ. В качестве исключения из общего правила установления личного закона

¹ См.: Ловцов Д. А. Информационно-правовые основы правоприменения в цифровой среде // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 48.

рассматриваются случаи, указанные в федеральных законах от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации“ и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ и от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»².

В качестве наиболее типичных разновидностей организаций, которые могут выступать в качестве оператора выпуска ЦФА, российский законодатель рассматривает кредитную организацию, организацию, имеющую право осуществлять депозитарную деятельность, и организацию, имеющую право осуществлять деятельность организатора торговли. При этом данным перечнем правовые формы существования оператора выпуска ЦФА не ограничены.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»³ в качестве оператора выпуска ЦФА – кредитной организации может рассматриваться только такая организация, которая существует в организационно-правовой форме хозяйственного общества и имеет право на осуществление банковских операций, подтверждаемое лицензией, выданной Банком России. В качестве разновидностей кредитных организаций российский законодатель рассматривает банки и небанковские кредитные организации.

Говоря об операторах выпуска ЦФА – депозитариях, т. е. существующих как организации, имеющих право на осуществление депозитарной деятельности, следует иметь в виду, что суть депозитарной деятельности сформулирована в нормах ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг. В соответствии с нормами российского права депозитарная

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. Ст. 2329.

² О международных компаниях и международных фондах: федер. закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

³ О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (с послед. изм. и доп.) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

деятельность – это деятельность по оказанию услуг, учету и переходу прав на бездокументарные ценные бумаги и бездвиженные документарные ценные бумаги, а также деятельность по хранению бездвиженных документарных ценных бумаг при условии оказания услуг по учету и переходу прав на них, а также оказания услуг по учету цифровых прав (последнее – в случаях, предусмотренных федеральными законами). В качестве депозитария может выступать только профессиональный участник рынка ценных бумаг, коим (по общему правилу) выступает хозяйственное общество. Специальные требования к учредителям (участникам), органам управления, работникам организаций, являющимся профессиональными участниками рынка ценных бумаг, а также их деятельности прописаны в ст. 10.1, 10.1-1, 10.1-2 Закона о рынке ценных бумаг.

В соответствии с требованиями п. 1 ст. 5 Закона о ЦФА в качестве оператора выпуска ЦФА, помимо кредитной организации и депозитария, может выступать лицо, имеющее право осуществлять деятельность организатора торговли.

Специфика правового положения организатора торговли установлена Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах»¹. В соответствии со ст. 5 организатором торговли может выступать только коммерческая организация, созданная в организационно-правовой форме хозяйственного общества (как ООО или АО). А по ст. 2 организатором торговли следует рассматривать только такое ООО или АО, которое оказывает услуги по проведению организованных торгов на товарном и (или) финансовом рынках на основании лицензии биржи или лицензии торговой системы.

Правоспособность организатора торговли является функциональной. Нормы п. 3 ст. 5 Закона об организованных торгах определяют те ограничения, которые устанавливаются для хозяйственных обществ, претендующих на получение статуса организатора торговли. В частности, последнему запрещается осуществлять: производственную, торговую и страховую деятельность; деятельность кредитной организации; деятельность держателя реестра (по ведению

¹ Об организованных торгах: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6726.

реестра владельцев ценных бумаг); деятельность по управлению акционерными инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами; деятельность в качестве специализированного депозитария инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда, негосударственного пенсионного фонда (в том числе по пенсионному обеспечению и пенсионному страхованию), акционерного инвестиционного фонда; деятельность в качестве центрального контрагента.

При совмещении деятельности по организации торговли и деятельности оператора выпуска ЦФА функции по организации торговли должны возлагаться на отдельное структурное подразделение.

Ведение реестра операторов выпуска ЦФА и надзор за их деятельностью возложены на Банк России. В организационной структуре оператора выпуска ЦФА в обязательном порядке нужно предусмотреть службу внутреннего контроля (контролер) и службу управления рисками (лицо, ответственное за организацию системы управления рисками).

Функционирование информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, должно осуществляться по специальным правилам, утверждаемым соответствующим оператором информационной системы. Банк России наделен полномочиями для установления дополнительных требований, касающихся содержания правил информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА.

Правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск прав, удостоверяемых по конструкции ЦФА, должны предусматривать порядок внесения изменений в алгоритмы программ, применяемых информационной системой; требования к пользователям информационной системы; правила выпуска ЦФА и взаимодействия с операторами обмена ЦФА. Помимо указанного, к обязательным элементам правил вышеназванной информационной системы относятся: требования к защите информации и операционной надежности; способы учета ЦФА в информационной системе и внесения (изменения) соответствующих записей о ЦФА в информационную систему; порядок обеспечения доступа обладателей ЦФА к информационной системе (включая правила использования соответствующих программно-технических средств, обеспечивающих такой доступ); особенности ведения реестра пользователей информационной системы,

включая правила привлечения узлов информационной системы (для информационных систем на основе распределенного реестра) и (или) операторов иных информационных систем к ведению реестра пользователей информационной системы (при условии их привлечения); порядок ведения реестра владельцев ценных бумаг в информационной системе (в том числе сроки осуществления соответствующих операций в указанном реестре).

Квалификационные требования и требования к деловой репутации лиц, входящих в состав органов управления: главному бухгалтеру, руководителю службы внутреннего контроля (контролеру), руководителю службы управления рисками (лицу, ответственному за организацию системы управления рисками) оператора выпуска ЦФА, – устанавливаются чч. 7 и 8 ст. 5 Закона о ЦФА. Аналогичные требования, касающиеся деловой репутации, предъявляются к лицу, обладающему правом распоряжаться 10 и более процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставной капитал ООО или АО – оператора выпуска ЦФА.

Сведения о лице, являющемся единоличным исполнительным органом, лицах – членах коллегиального исполнительного органа и коллегиального органа управления, а также главном бухгалтере, руководителе службы внутреннего контроля (контролере), руководителе службы управления рисками (лице, ответственном за организацию системы управления рисками) оператора выпуска ЦФА в установленном порядке представляются в Банк России. В случае несоответствия указанных выше лиц установленным законодателем квалификационным и (или) репутационным требованиям Банк России вправе потребовать от оператора выпуска ЦФА их замены.

В правовой системе России выступление юридического лица в качестве единоличного исполнительного органа оператора выпуска ЦФА недопустимо. Функции такого единоличного исполнительного органа не могут передаваться коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю.

Законодатель устанавливает, что оператор информационной системы, учитывающий права на акции непубличного АО, зафиксированные по конструкции ЦФА, должен иметь лицензию профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление деятельности по ведению реестра¹.

¹ Закон о ЦФА. Ч. 14 ст. 5.

Специфика гражданско-правового оборота прав, зафиксированных посредством конструкции ЦФА, обуславливает необходимость участия в таком обороте, кроме сторон сделки и оператора выпуска ЦФА, еще одного посредника. Таким посредником российский законодатель определяет оператора обмена цифровых финансовых активов. Особенности правового положения последнего установлены в ст. 10 Закона о ЦФА. Основная обязанность оператора обмена ЦФА заключается в обеспечении заключения сделок относительно прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, «путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в сделке с цифровыми финансовыми активами в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц»¹, при этом оператор обмена ЦФА, помимо своей деятельности, может осуществлять и деятельность по выпуску ЦФА. Банк России ведет реестр операторов обмена ЦФА. Лицо, не указанное в таком реестре, к деятельности по обмену ЦФА не допускается.

В качестве оператора обмена ЦФА может выступать лицо, являющееся оператором инвестиционной платформы, включенное в реестр операторов инвестиционных платформ Банком России в соответствии с нормами Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ.

Согласно установленным в ст. 10 Закона о ЦФА нормам в качестве оператора обмена ЦФА могут выступать кредитные организации, организаторы торговли, а также иные коммерческие и некоммерческие организации при условии их соответствия специальным требованиям. Для осуществления деятельности в качестве оператора обмена ЦФА организация подает ходатайство в Банк России о включении ее в реестр операторов обмена ЦФА. Образец такого ходатайства размещен на официальном сайте Банка России². Ходатайство подается в личном кабинете участника информационного обмена. Ведение реестра операторов обмена ЦФА возложено на Банк России. Данный реестр ведется в электронном виде.

Для того чтобы коммерческая организация, не являющаяся кредитной организацией либо организатором торговли, приобрела статус

¹ Закон о ЦФА. Ч. 1 ст. 10.

² См.: Операторы обмена цифровых финансовых активов. URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/otsfa/ (дата обращения: 20.03.2023).

оператора обмена ЦФА, она должна соответствовать требованиям, установленным в ч. 3 ст. 10 Закона о ЦФА:

- личным законом такой организации должно быть российское право;

- ее уставный капитал на день подачи ходатайства о включении в реестр операторов обмена ЦФА должен составлять не менее 50 млн рублей;

- чистые активы хозяйственного общества, претендующего на включение в реестр операторов обмена ЦФА, должны составлять не менее 50 млн рублей¹;

- участниками такой организации не могут выступать юридические лица, зарегистрированные в официально установленных офшорных зонах²;

- в обязательном порядке в структуре организации, ходатайствующей о получении статуса оператора обмена ЦФА, должен быть коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет), служба внутреннего контроля (контролер) и служба управления рисками (должностное лицо, ответственное за организацию системы управления рисками);

- единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа, члены коллегиального органа управления (наблюдательного или иного совета), главный бухгалтер, руководитель службы внутреннего контроля (контролер), руководитель службы управления рисками (должностное лицо, ответственное за организацию системы управления рисками) такой организации должны соответствовать квалификационным и репутационным требованиям, установленным чч. 4 и 5 ст. 10 Закона о ЦФА;

¹ Сегодня специфика расчета таких активов установлена указанием Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5647-У «О требованиях к расчету размера чистых активов хозяйственного общества для целей его включения Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов».

² Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны): приказ Минфина России от 13 ноября 2007 г. № 108н (с послед. изм. и доп.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 50.

– единоличным исполнительным органом такой организации не должно быть юридическое лицо, а функции этого органа управления организации нельзя передать коммерческой организации (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему);

– лицо, обладающее правом распоряжаться 10 и более процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал организации, подавшей ходатайство о включении ее в реестр операторов обмена ЦФА, должно соответствовать репутационным требованиям, установленным в ч. 5 ст. 10 Закона о ЦФА.

Общие требования к некоммерческим организациям, претендующим на получение статуса оператора обмена ЦФА, установлены нормами ч. 3 ст. 10 Закона о ЦФА. Законодатель определяет, что:

– личным законом такой организации должно быть российское право;

– ежегодный размер совокупных имущественных взносов учредителей в имущество такой некоммерческой организации должен составлять не менее 50 млн рублей;

– в качестве учредителей (участников, членов) такой организации запрещено выступать юридическим лицам, зарегистрированным в официально установленных офшорных зонах¹;

– в обязательном порядке в структуре такой некоммерческой организации должен быть коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет), служба внутреннего контроля (контролер) и служба управления рисками (должностное лицо, ответственное за организацию системы управления рисками);

– единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа, члены коллегиального органа управления (наблюдательного или иного совета) такой некоммерческой организации, а в случае если последняя функционирует в организационно-правовой форме фонда, то члены фондового попечительского совета, а также главный бухгалтер, руководитель службы внутреннего контроля (контролер), руководитель службы управления рисками (должностное лицо, ответственное за организацию системы управления

¹ Об утверждении Перечня государств и территорий ... Приказ Минфина России от 13 ноября 2007 г. № 108н.

рисками) подобной организации должны соответствовать квалификационным и репутационным требованиям, установленным чч. 4 и 5 ст. 10 Закона о ЦФА;

– единоличным исполнительным органом такой организации не должна выступать другая организация, а функции этого органа управления нельзя передать коммерческой организации (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему).

Законодатель наделяет Банк России полномочиями по осуществлению надзора за деятельностью операторов обмена ЦФА и предоставляет право устанавливать дополнительные требования к деятельности оператора обмена ЦФА, в том числе касающиеся организации обращения ЦФА, операционной надежности и отчетности.

В соответствии с нормами ч. 13 ст. 10 Закона о ЦФА оператор обмена ЦФА вправе совмещать свою деятельность с деятельностью оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА. Согласно нормам ч. 14 ст. 10 вышеназванного закона оператором обмена ЦФА, а также иных видов цифровых прав, выпущенных с использованием инвестиционной платформы, может быть оператор соответствующей инвестиционной платформы.

Регламентация разработки правил обмена ЦФА, их содержания и согласования осуществляется в нормах ст. 11 Закона о ЦФА. Российский законодатель предусматривает, что правила обмена ЦФА утверждаются оператором обмена ЦФА, после чего согласовываются с Банком России, которому предоставлено право устанавливать дополнительные требования к правилам обмена ЦФА, помимо тех, что прописаны в ч. 2 ст. 11 Закона о ЦФА.

Нормы ч. 2 ст. 11 Закона о ЦФА устанавливают, что в правилах обмена ЦФА отражаются: порядок совершения сделок с ЦФА через оператора обмена ЦФА; виды прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и других оцифрованных прав (цифровых прав), сделки с которыми могут совершаться через оператора обмена ЦФА; порядок взаимодействия оператора обмена ЦФА с оператором выпуска ЦФА; требования, предъявляемые к защите информации и информационной надежности; обстоятельства, когда для действительности сделки, опосредующей переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, необходимости выражения дополнительного волеизъявления его сторон, включая волю оператора обмена ЦФА, не требуется.

Думается, что такая конструкция, когда Банк России согласовывает уже утвержденные правила, обладая при этом правом устанавливать их содержание, несколько противоречит самой логике управления процессами и явлениями. Мы полагаем, что установленный действующими нормами права порядок разработки и утверждения правил обмена ЦФА должен быть изменен: после разработки правил обмена ЦФА оператором обмена ЦФА они должны быть утверждены Банком России, затем вступают в силу и именно в процессе утверждения проходят процедуру согласования.

Что касается оборота ЦФА, следует иметь в виду, что ЦФА не какие-то новые объекты гражданских прав, а определенная совокупность известных российскому праву имущественных прав, удостоверенных особым образом. Это имущественные права, удостоверенные в электронной форме. Исходя из такого понимания ЦФА, обоснованно сделать вывод о том, что оборот этих прав должен строиться по конструкции перехода требований от одного лица к другому, что в цивилистической доктрине именуется цессией¹.

По общему правилу, основанием перехода права от одного лица к другому является воля правообладателя на такой переход, что охватывается различными договорными конструкциями. Однако, как совершенно справедливо замечает Л. В. Криволапова, в гражданском праве имеются и конструкции, опосредующие переход имущественных прав в принудительном порядке². Бесспорно, что к таким конструкциям следует относить судебное решение, а также принудительное отчуждение на возмездных основах для государственных нужд, о чем четко указано в нормах ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. Правовыми конструкциями, опосредующими принудительное отчуждение имущества для государственных нужд, являются национализация и реквизиция³.

Переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, возможен и в порядке универсального правопреемства, проблематика которого

¹ См.: Белов В. А. Частное право. Материалы для изучения. В 3 т. Т. 2. Проблемы обязательственного и договорного права: учеб. пособие для вузов. М., 2021. С. 359.

² См.: Криволапова Л. В. Указ. соч. С. 106.

³ См.: Богданов Е. В. Проблемы принудительного изъятия государством объектов частной собственности посредством реквизиции, конфискации и национализации по гражданскому законодательству России // *Lex russica*. 2020. Т. 73, № 2. С. 25–32.

достаточно детально исследована в юриспруденции в рамках наследственных правоотношений и отношений, возникающих в процессе реорганизации юридических лиц¹.

Говоря о волевых действиях, лежащих в основании перехода имущественных прав от одного лица к другому, мы стоим на позиции, что сделка, опосредующая уступку требования в порядке ст. 382 ГК РФ, – это правомерные действия граждан и юридических лиц. Неправомерные действия не могут признаваться сделкой, а лишь совершаются в виде сделки². Мы солидарны с позицией авторов, утверждающих, что «договором является не цессия, как нередко полагают, а та сделка, на которую опирается переход, составляющий сущность цессии»³. Следует отметить, что проблематика отсутствия разграничения самой уступки права и сделок, которые лежат в основании данной уступки, порождает использование в юридическом лексиконе такого «юридического фантома», как «договор цессии (уступки)»⁴.

Уступка требования обусловливается личным характером обязательственных отношений⁵. Общие правила уступки требования определены нормами ст. 388–390 ГК РФ, которые в рамках оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует применять с учетом особенностей, обусловленных спецификой конкретного вида права, удостоверенного по конструкции ЦФА.

Обобщая вышеизложенное и говоря о гражданско-правовом обороте прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, мы имеем в виду совокупность процессов и явлений, характеризующих процесс отчуждения или перехода соответствующих имущественных прав от одного

¹ См., напр.: Носов Д. В. Правопреемство в российском праве: монография. Пермь, 2013. С. 76; Бессараб Н. С. Наследственное правопреемство: Актуальные вопросы // Известия ТулГУ. Серия «Экономические и юридические науки». 2013. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennoe-pravopreemstvo-aktualnye-voprosy> (дата обращения: 20.03.2023); Галазова З. В. Институт реорганизации юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/e81/e8195582671c92f1b2b2618372cbee6d.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

² См.: Фабричная Т. Б., Мартынова Ю. М. Проблема недействительности сделок // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 130.

³ Криволапова Л. В. Указ. соч. С. 112.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ См.: Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 221.

лица к другому. Думается, что алгоритм гражданского оборота ЦФА представлен следующим образом.

Шаг 1. Лицо, желающее вступить в правоотношения, касающиеся обладания правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, после изучения реестра операторов информационных систем, который ведется Банком России, в обязательном порядке приобретает статус пользователя той информационной системы, в которой учитываются права, удостоверенные по конструкции ЦФА, представляющие для него финансовый интерес, для чего после прохождения проверки соответствия всем установленным требованиям, предъявляемым оператором соответствующей информационной системы к пользователям, вносится в реестр пользователей такой системы.

Шаг 2. Пользователь информационной системы, являющийся индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, желающий привлечь свободные денежные средства других участников гражданского оборота (эмитент ЦФА), принимает решение о выпуске ЦФА и размещает данное решение в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на своем официальном сайте, которое дублируется на сайте оператора информационной системы, обеспечивающего тождественность информации во всех базах данных, составляющих распределенный реестр¹.

Шаг 3. Пользователь информационной системы, желающий приобрести права, указанные в решении о выпуске ЦФА (инвестор), посредством использования информационных технологий заключает договор с эмитентом ЦФА о приобретении названных прав, после чего эмитент ЦФА осуществляет запись в информационной системе о приобретении таких прав контрагентом. С момента внесения в информационную систему записи о приобретении инвестором прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, он получает статус

¹ Если решение о выпуске ЦФА размещается в открытом доступе в Интернете и адресовано неопределенному кругу лиц, это признается публичной офертой. По желанию эмитента ЦФА решение о выпуске ЦФА может быть адресовано определенному кругу лиц, а если выпускаемые ЦФА удостоверяют возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, или права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, или права участия в капитале непубличного акционерного общества, то решение о выпуске ЦФА адресуется определенному кругу лиц в императивном порядке.

первого обладателя ЦФА. Все записи об обладателях ЦФА хранятся в распределенном реестре, выступающем основой информационной системы.

Если обладатель ЦФА, являющийся депонентом, заключил депозитарный договор для учета прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, то депозитарий, имеющий лицензию на осуществление депозитарной деятельности, при условии аутентификации в соответствующей информационной системе, выступает номинальным держателем ЦФА (согласно нормам ч. 4 ст. 2 Закона о ЦФА, оператор информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА, не имеет права выступать номинальным держателем). В этом случае ЦФА зачисляются номинальному держателю ЦФА, который ведет учет прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, принадлежащих обладателям ЦФА – депонентам.

Шаг 4. Для совершения сделки по передаче прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, обладателю ЦФА необходимо подать заявку на совершение желаемой сделки оператору обмена ЦФА, который учитывает ее в информационной системе и размещает сведения о поданных заявках для информирования других пользователей. Встречные заявки, поданные другими пользователями, также учитываются оператором обмена ЦФА, о чем информируются пользователи информационной системы.

При совпадении условий разнонаправленных заявок оператор обмена ЦФА обеспечивает заключение сделки между контрагентами без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон (по конструкции смарт-контрактов). Через пользовательский интерфейс посредством информационных технологий записи о заключенной сделке и ее результатах вносятся в распределенный реестр. Денежные средства либо обмениваемые ЦФА, выступающие в качестве встречного предоставления, учитываются в реестровых книгах за передавшим права на ЦФА пользователем информационной системы, а передаваемые ЦФА – за его контрагентами.

Шаг 5. При наступлении срока исполнения обязательств, удостоверенных по конструкции ЦФА, и надлежащем их исполнении либо по иным основаниям, предусмотренным законодательством РФ или решением о выпуске ЦФА, записи о принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, погашаются.

По общему правилу, если обладателем ЦФА стало лицо, их выпустившее, записи о ЦФА не погашаются. Однако такое погашение должно осуществляться в обязательном порядке, если по истечении одного года со дня, когда лицо, выпустившее ЦФА, стало их обладателем, данные ЦФА не переданы другим пользователям информационной системы.

В соответствии с нормами чч. 1 и 10 ст. 10 Закона о ЦФА оператор обмена ЦФА должен обеспечить заключение сделок с ЦФА путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок и хранение информации о совершении таких сделок при его посредничестве, а также об участниках этих сделок. Данная информация должна храниться в течение не менее пяти лет с даты совершения соответствующих сделок.

Особенностью оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, является то, что если такие права входят в наследственную массу, а также имущество, на которое налагается взыскание по решению вступившего в силу судебного акта или исполнительного документа, то обеспечение внесения (изменения) записей о ЦФА возлагается на оператора операционной системы, в которой осуществлен выпуск прав, удостоверяемых по конструкции ЦФА.

§ 2. Сделки по приобретению и отчуждению прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов

Следствием совершения сделки по приобретению и отчуждению прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, является бесповоротная смена обладателя таких прав. С учетом специфики встречного предоставления данные сделки могут носить как возмездный, так и безвозмездный характер. В зависимости от значимости волеизъявления сторон для действительности вышеобозначенных сделок среди них следует разграничивать односторонние, двусторонние и многосторонние сделки. Несомненно, что множественность лиц на стороне того или иного обладателя ЦФА или их приобретателя не влечет признания такой сделки многосторонней.

Наиболее характерным примером множественности лиц на стороне обладателя ЦФА является возмездное приобретение прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, лицом, состоящим в браке, в случае распространения на такой брачный союз законного режима имущества супругов. В соответствии с нормами ст. 33 Семейного кодекса РФ¹ в качестве законного режима имущества супругов установлен режим совместной собственности. Однако, поскольку в категорию «имущество», помимо вещей, входят имущественные права и обязанности, а отношения собственности распространяются только на правовые отношения, касающиеся предметов материального мира (т. е. на мир вещей), применять категорию «право собственности» к сфере имущественных прав, не являющихся вещными, некорректно. Думается, что в этом случае следовало бы говорить о совместном осуществлении имущественных прав, предоставив управомоченным лицам возможность предъявления солидарных требований к обязанному лицу и возложив на них солидарную обязанность по удовлетворению законных требований кредиторов за счет общего имущества таких участников гражданских правоотношений. В связи с этим полагаем, что п. 1 ст. 33 СК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Законным режимом имущества супругов является режим солидарного

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осуществления принадлежащих им имущественных прав и возложения на супругов солидарных обязанностей, в том числе режим совместной собственности».

В качестве двусторонних сделок, опосредующих бесповоротную смену обладателя ЦФА, следует рассматривать:

- договор продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА;
- договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие права, удостоверенные по конструкции ЦФА, в том числе на права, удостоверенные по конструкции ЦФА, другого вида;
- договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые права;
- договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав;
- договор дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА;
- переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в порядке наследственного договора.

Думается, что договор финансирования под уступку денежного требования, удостоверенного по конструкции ЦФА, не будет иметь существенных отличий от договора продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, так как денежные требования, удостоверенные по конструкции ЦФА, – это один из видов ЦФА.

В качестве односторонних сделок, опосредующих бесповоротную смену обладателя ЦФА, нужно назвать завещание прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и вступление в наследство правами, удостоверенными по конструкции ЦФА.

Особо следует отметить сделки, касающиеся передачи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в качестве вклада в обособленное имущество юридического лица.

Разберем обозначенные выше сделки подробнее.

В соответствии с нормами п. 4 ст. 454 ГК РФ положения, предусмотренные § 1 гл. 30 ГК РФ, применяются к продаже цифровых прав, если иное не вытекает из содержания или характера последних. Учитывая, что права, удостоверенные по конструкции ЦФА, являются одним из видов цифровых (по нашей терминологии – оцифрованных. – В. С.) прав, то принципиальных препятствий к применению указанных правил к отношениям, возникающим по поводу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, не имеется.

Следует отметить, что в ГК РФ и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54¹ говорится о *продаже* (курсив наш. – В. С.) имущественных прав, тогда как в тексте ч. 1 ст. 10 Закона о ЦФА речь идет о *купле-продаже* (курсив наш. – В. С.) ЦФА. Думается, что, руководствуясь принципом приоритета ГК РФ по отношению к нормам гражданского права, содержащимся в других законах, который закреплен в ст. 2 ГК РФ, по тексту ч. 1 ст. 10 Закона о ЦФА слово «купли-продажи» должно быть заменено на слово «продажи» для обеспечения единства применения юридической терминологии в нормативных правовых актах.

Нормами ч. 1 ст. 10 Закона о ЦФА в императивном порядке установлено правило, определяющее, что продажа прав, зафиксированных по конструкции ЦФА, осуществляется только через оператора обмена ЦФА. Именно на него возлагается обязанность по обеспечению заключения сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок. Российским законодателем допускается участие оператора обмена ЦФА в сделке с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, в качестве стороны такой сделки за свой счет, но в интересах третьих лиц.

Таким образом, для продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, или для их приобретения лицу, являющемуся пользователем информационной системы, в которой учитываются такие права, следует сделать заявку на продажу (приобретение) прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Эта заявка должна учитываться в информационной системе, в которой осуществлен выпуск ЦФА, и быть доступной для восприятия пользователями информационной системы посредством применения соответствующего пользовательского интерфейса. Заявку на продажу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, подает их обладатель, а заявку на приобретение – тот пользователь, который желает приобрести необходимый объем прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, определенного вида.

¹ О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки: постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 54. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Заявку на продажу или приобретение прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует считать офертой.

К сожалению, в настоящее время в реестре оператора обмена ЦФА, ведущемся Банком России, еще не зарегистрировано ни одного соответствующего оператора, поэтому нет и правил обмена ЦФА. Думается, что такая ситуация стала возможной в силу сложности в формулировании вышеуказанных правил. Однако, опираясь на опыт регулирования смежных общественных отношений (в частности, в сфере инвестирования с использованием инвестиционных платформ) и общую логику правомерного поведения, мы можем сформулировать ключевые положения, обеспечивающие доступность заключения сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, и устойчивость их гражданского оборота.

Представляется целесообразным предусмотреть в правилах обмена ЦФА, разрабатываемых оператором обмена ЦФА, право преимущественной покупки прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. В качестве примера стоит ориентироваться на нормы, регламентирующие право преимущественной покупки доли (части доли) участника ООО в уставном капитале ООО другими участниками этого ООО (ст. 93 ГК РФ), либо нормы, регламентирующие право преимущественной покупки доли в праве общей собственности, предоставленной сособственнику (ст. 250 ГК РФ).

Полагаем, что заявка на продажу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должна отражать сведения об объеме продаваемых прав, сроке их действия и цене. Кроме того, в заявке следует указывать срок ее действия, по истечении которого она утрачивает актуальность и подлежит учету как неактивная заявка.

Информация, содержащаяся в заявке, должна размещаться на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет оператора выпуска ЦФА, лица, к которому адресованы требования, составляющие суть прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и в личном кабинете обладателя ЦФА. Оператор выпуска ЦФА обязан обеспечить тождественность информации, отраженной в заявке на продажу (приобретение) прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на всех узлах информационной системы.

Цена продаваемых прав устанавливается обладателем ЦФА по усмотрению последнего, исходя из его потребностей и анализа

соответствующего рынка. Для определения рыночной стоимости продаваемых прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, обладатель ЦФА может воспользоваться услугами профессионального оценщика, оказывающего оценочные услуги, в соответствии с нормами Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»¹. При продаже прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует помнить, что в установленных законодательством РФ случаях проведение оценки является обязательным.

Думается, что заявка на продажу или приобретение прав, удостоверенных по конструкции ЦФА (т. е. акций непубличного АО, выпущенных по конструкции ЦФА), может адресоваться как неопределенному кругу лиц, так и одному или нескольким лицам. В случае продажи прав участия в капитале непубличного АО, удостоверенных по конструкции ЦФА, заявка на продажу акций может адресоваться только участникам непубличного АО.

Полагаем, что принятие условий заявки на продажу или приобретение прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует считать акцептом такой заявки. Акцепт заявки осуществляется путем выражения с помощью технических средств информационной системы воли акцептанта к принятию условий заявки на совершение сделки с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, при наличии необходимой суммы денежных средств акцептанта на номинальном счете, открытом оператору обмена ЦФА. В правилах обмена ЦФА должен быть предусмотрен срок, в течение которого акцептант имеет право отказаться от заключения сделки с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА. Уведомление об отказе от заключения сделки необходимо направить через оператора обмена ЦФА контрагенту с помощью технических средств оператора обмена ЦФА. Думается, что срок доставки такого уведомления контрагенту не должен превышать одного рабочего дня с момента его учета оператором обмена ЦФА.

Зачисление денежных средств пользователя информационной системы, являющегося покупателем прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на номинальный счет оператора обмена ЦФА при

¹ Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3813.

совершении сделки по приобретению прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должно являться гарантией совершения соответствующего платежа, что будет способствовать стабильности сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА.

После осуществления владельцем ЦФА, выступающим в качестве продавца указанных активов, записи в базе данных информационной системы о передаче прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, своему контрагенту во исполнение сделки по продаже этих активов на банковский счет продавца должны быть зачислены денежные средства в размере, соответствующем сведениям, указанным в акцептованной заявке на продажу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Думается, что срок зачисления денежных средств должен составлять не более трех рабочих дней с момента истечения срока на отказ от заключения сделки с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, а договор продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, может считаться заключенным с момента поступления денежных средств покупателя с номинального счета оператора обмена ЦФА на банковский счет продавца прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Отсутствие денежных средств на номинальном счете оператора обмена ЦФА следует рассматривать как основание для отказа в осуществлении записи о передаче прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от продавца покупателю.

Пользовательский интерфейс оператора обмена ЦФА должен обеспечивать информирование пользователей информационной системы о сроке истечения действия заявки на приобретение или продажу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, а также о принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, тому или иному лицу (например, «ЦФА принадлежит И. И. Иванову» или «ЦФА находятся в стадии смены владельца»). Если в заявке на приобретение или продажу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, был указан минимальный объем передаваемых прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, его также следует отразить в информационных сообщениях, доступных пользователям информационной системы, в которой выпущены права, удостоверенные по конструкции ЦФА.

Заключение договора продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должно подтверждаться выпиской из реестра договоров,

выдаваемой оператором обмена ЦФА, а кроме того, непосредственно информацией в реестре договоров с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, выступающими в качестве предмета договора. Ведение реестра договоров с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, надлежит предусматривать в правилах обмена ЦФА.

Оплату приобретаемых (продаваемых) прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, необходимо осуществлять безналичными денежными средствами, которые зачисляются на номинальный счет, открытый оператору обмена ЦФА. Денежные средства покупателя, находящиеся на номинальном счете и предназначенные для оплаты приобретаемых прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, зачисляются на банковский счет продавца – обладателя ЦФА в порядке, установленном правилами обмена ЦФА, в срок, не превышающий трех рабочих дней с момента окончания срока на отказ от заключения сделки с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА.

Для осуществления деятельности по организации обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, оператору обмена ЦФА могут открываться один или несколько номинальных счетов. Если такой номинальный счет открывается для совершения операций с денежными средствами нескольких пользователей информационной системы, оператор обмена ЦФА обязан вести персональный учет денежных средств, принадлежащих каждому пользователю. Порядок ведения такого учета оператором обмена ЦФА может устанавливаться Банком России.

В соответствии с распоряжением оператора обмена ЦФА по номинальному счету, открытому для оплаты приобретаемых прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должны совершаться только следующие операции: зачисление денежных средств приобретателей ЦФА на их банковские счета; зачисление денежных средств приобретателей ЦФА на банковские счета продавцов ЦФА, сделавших заявку на продажу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; зачисление предусмотренных правилами обмена ЦФА сумм вознаграждения оператору обмена ЦФА и оператору выпуска ЦФА при зачислении денежных сумм во исполнение договора продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Об операциях с денежными средствами приобретателя прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, которые находятся на номинальном

счете, оператор обмена ЦФА обязан отчитываться перед приобретателем прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в порядке, предусмотренном правилами обмена ЦФА, не позднее рабочего дня, следующего за днем проведения соответствующей операции.

Правилами информационной системы должны быть урегулированы вопросы, касающиеся уплаты процентов на денежные средства, находящиеся на номинальном счете оператора обмена ЦФА.

Денежные средства приобретателя прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, не могут зачисляться на счет оператора обмена ЦФА, на котором находятся денежные средства такого оператора, за исключением выплаты вознаграждения оператору обмена ЦФА или в случае заключения последним договора продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Для совершения договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие права, удостоверенные по конструкции ЦФА, в том числе на права другого вида, удостоверенные по конструкции ЦФА, обладателю ЦФА необходимо сформировать заявку на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и разместить ее в информационной системе, в которой был осуществлен выпуск ЦФА, посредством использования личного кабинета пользователя информационной системы. В заявке следует указать: срок действия предложения; вид прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, предлагаемых к обмену; объем обмениваемых прав; вид прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, рассматриваемых в качестве обменного предложения; желаемый объем таких прав. Заявка на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, учитываемая в информационной системе, в которой осуществлен выпуск соответствующих прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, считается офертой. Информация, содержащаяся в заявке на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должна размещаться в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте оператора выпуска ЦФА, лица, к которому адресованы требования, составляющие суть прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и в личном кабинете обладателя ЦФА, аналогично тому, как это осуществляется при размещении заявки на продажу (приобретение) прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Заявки на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, размещаются в очереди заявок, направленных на исполнение. Заявки на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, так же как и заявки на продажу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должны исполняться в последовательности их принятия. Приоритет отдается ранее поступившей заявке. При совпадении разнонаправленных заявок информационная система осуществляет внесение изменений в записи о принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, во исполнение условий, содержащихся в заявках на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Обеспечение заключения сделки обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, возлагается на оператора обмена ЦФА. Основанием для совершения сделки является совпадение разнонаправленных заявок. Программа, обеспечивающая внесение изменений в записи информационной системы о принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и реализацию правил обмена ЦФА, должна обеспечить функционирование процесса переучета принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и тождественность изменяемых записей на всех узлах информационной системы.

До момента фиксирования совпадения разнонаправленных заявок на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, такие заявки могут быть отозваны лицом, подавшим соответствующую заявку. После фиксирования факта совпадения разнонаправленных заявок их отзыв недопустим. Сделка обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должна считаться исполненной с момента осуществления записи о принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, новому правообладателю и осуществления записи о переходе прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от предыдущего обладателя ЦФА к новому. Такие записи отражаются на лицевом счете ЦФА у каждого пользователя информационной системы, являющегося обладателем ЦФА.

Характеризуя специфику договорных отношений, касающихся обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые (оцифрованные) права, следует отметить, что сегодня в качестве разновидности цифровых (оцифрованных) прав, отличающихся от прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует рассматривать только утилитарные цифровые права. Такой вывод следует из анализа

норм ст. 141.1 ГК РФ, где четко сказано, что к цифровым правам относятся только те имущественные права, которые названы цифровыми в специальных законодательных актах. В настоящее время в РФ существуют только два вида имущественных прав, именуемых законодателем как «цифровые».

К таким правам относятся права, удостоверенные по конструкции ЦФА, что четко установлено нормами Закона о ЦФА, и утилитарные цифровые права, правовой режим которых регламентируется нормами Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ¹. Следовательно, когда мы говорим об обмене прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые права, то имеем в виду сделки обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на утилитарные цифровые права, сутью которых являются:

1) требования по передаче вещей (за исключением требований по передаче имущества, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) требований по передаче имущества, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению);

2) требования по передаче исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;

3) требования, касающиеся выполнения работ и (или) оказания услуг.

Специфика совершения таких сделок раскрывается в нормах ст. 8 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ.

Российский законодатель определяет, что сделки обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на утилитарные права должны осуществляться при посредничестве оператора обмена ЦФА, взаимодействующего с оператором инвестиционной платформы, в которой учитываются утилитарные цифровые права. Детализация процедур заключения таких сделок должна осуществляться в правилах обмена ЦФА, разрабатываемых оператором обмена ЦФА.

¹ См.: Иншакова А. О., Гончаров А. И. Правовое регулирование инвестиционных платформ в условиях интенсификации цифровых технологий на рынке ценных бумаг // Право и практика. 2020. № 1. С. 108.

Мы уже отмечали, что в настоящее время такие правила обмена ЦФА находятся в стадии разработки. Думается, что порядок обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на утилитарные цифровые права должен быть аналогичен правилам обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на права другого вида, удостоверенные по конструкции ЦФА, с учетом того что утилитарные цифровые права учитываются по правилам инвестиционной платформы, а удостоверение принадлежности утилитарных цифровых прав их владельцам может осуществляться посредством оформления цифрового свидетельства¹.

Рассматривая специфику совершения сделки обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав, в том числе на вещи, результаты выполнения работ, оказания услуг, следует отметить, что такие сделки необходимо относить к категории непоименованных договоров. Исходя из принципа свободы договора, зафиксированного в нормах ст. 421 ГК РФ, и принципа свободного приобретения и осуществления гражданами и юридическими лицами своих гражданских прав, установленного в нормах п. 2 ст. 1 ГК РФ, какого-либо запрета на совершение подобных действий нет.

Конечно, на такие сделки распространяются общие запреты и ограничения для осуществления гражданских прав, предусмотренные российским законодателем. В соответствии с нормами п. 2 ст. 1 ГК РФ установление таких запретов и ограничений обосновано целью защиты основ конституционного строя РФ, нравственности и здоровья населения, прав и охраняемых законом интересов других участников гражданских правоотношений, а также целью обеспечения обороны и безопасности государства.

Несомненно, что договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие оборотоспособные объекты гражданских прав должен осуществляться в письменной форме, а если предметом договора обмена, помимо прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, выступают объекты, сделки с которыми подлежат нотариальному удостоверению или государственной регистрации, то и к договору

¹ Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. Ст. 9.

обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на такие объекты гражданских прав следует применять нормы ст. 163, 164 ГК РФ.

Прогресс в развитии науки и техники, актуальность правового регулирования общественных отношений, возникающих относительно новых явлений, объективно существующих в окружающем нас мире, все чаще обуславливают необходимость обращения специалистов к категории «непоименованность»¹. Проявляя солидарность с А. Я. Ахмедовым относительно критериев разграничения непоименованных и смешанных гражданско-правовых договоров², мы полагаем, что договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие оборотоспособные объекты гражданских прав следует относить к непоименованным договорам. Думается, что, несмотря на общую схожесть конструкции договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав и договора мены, предусмотренного нормами гл. 31 ГК РФ, эти договоры следует считать разными. В соответствии с нормами ст. 567 ГК РФ по договору мены стороны передают друг другу в собственность один товар в обмен на другой, тогда как к правам, удостоверенным по конструкции ЦФА, понятие «право собственности» применяться не может. Именно на это обратил внимание Высший Арбитражный Суд РФ, анализируя договор, по которому осуществлялась передача товара в обмен на уступку права требования имущества от третьего лица³. Некорректность применения конструкции договора мены к отношениям, связанным с имущественными правами, отмечает и Ю. Ф. Беспалов⁴.

Налицо несовпадение специфики передаваемых полномочий при заключении сделки в рамках классического договора мены и договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав. Именно поэтому мы отстаиваем позицию,

¹ См.: Сулова С. И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2020. Вып. 48. С. 322.

² См.: Ахмедов А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 11–12.

³ См.: Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 24 сентября 2002 г. № 69. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁴ См.: Беспалов Ю. Ф. Договорное право. URL: <https://be5.biz/pravo/d001/10.html> (дата обращения: 10.03.2023).

в соответствии с которой для разграничения сделок по обмену вещами и другими объектами гражданских прав все сделки между контрагентами, во исполнение которых осуществляется обмен объектами гражданских прав, не являющимися вещами, либо обмен вещей на такие объекты гражданских прав, следует именовать «договор обмена».

Полагаем, что дефиниция договорного отношения обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав может быть сформулирована следующим образом: «По договору обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, на другие объекты гражданских прав одна сторона, являющаяся обладателем цифровых финансовых активов, при посредничестве оператора обмена цифровых финансовых активов обязуется передать другой стороне договора принадлежащие ей имущественные права, удостоверенные по конструкции цифровых финансовых активов, в обмен на передаваемые равноценные вещи (за исключением наличных денег и валюты) или другие имущественные права». Такое определение следует включить в текст ст. 10 Закона о ЦФА.

Документами, подтверждающими факт принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, лицу, передающему указанные права контрагенту, следует считать выписки из лицевого счета обладателя ЦФА, представляемые оператором информационной системы, в которой выпущены обмениваемые ЦФА. Совершение сделок по обмену прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав должно осуществляться при посредничестве оператора обмена ЦФА. Именно он обязан учитывать сведения, отраженные в договоре обмена.

Для совершения сделки по обмену прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав указанные права должны сначала зачисляться на номинальный счет оператора обмена ЦФА и учитываться как права, предлагаемые к обмену. С этого момента до исполнения сделки возможности по изменению записи об обладателе ЦФА должны ограничиваться сведениями, свидетельствующими об исполнении сделки обмена.

О поступлении прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, предлагаемых к обмену, на номинальный счет оператора обмена ЦФА

информируются контрагенты обладателя ЦФА, участвующего в обмене. Думается, что с этого момента отсчитывается срок на передачу объектов гражданских прав, предлагаемых в качестве предмета договора обмена приобретателю. Такой срок определяется в соответствии с нормами ст. 314 ГК РФ, в которой регламентируются общие правила исчисления срока исполнения обязательства.

Несомненно, что контрагент обладателя ЦФА, предлагающего к обмену указанные права, удостоверенные по конструкции ЦФА, должен быть пользователем информационной системы, в которой учтены предлагаемые к обмену права, удостоверенные по конструкции ЦФА. С момента исполнения им своих обязанностей по передаче объектов гражданских прав, выступающих в качестве эквивалента предлагаемых к обмену прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, при посредничестве оператора обмена ЦФА записи о переданных правах должны переноситься с номинального счета оператора обмена ЦФА на личный счет приобретателя ЦФА, а во всех узлах информационной системы должны быть осуществлены записи о смене обладателя обмениваемых ЦФА.

Думается, что факт поступления в исключительное ведение (в том числе в собственность) лица, обменивающего права, удостоверенные по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав, этих самых обмениваемых объектов должен удостоверяться актом приема-передачи указанных объектов либо иным образом. Если сделки с объектами, передаваемыми в счет обмена на права, удостоверенные по конструкции ЦФА, подлежат нотариальному удостоверению или государственной регистрации или переход права на такие объекты подлежит государственной регистрации, то момент исполнения обязанности лица, предлагающего принадлежащие ему объекты гражданских прав к обмену на права, удостоверенные по конструкции ЦФА, определяется с момента нотариального удостоверения перехода таких объектов или осуществления соответствующей регистрационной записи.

Полагаем, что указанный порядок обмена должен быть закреплён в нормах Закона о ЦФА и других нормативных правовых актах, регламентирующих гражданские правоотношения.

Характеризуя договор дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует отметить, что такой договор по общему правилу

является односторонне обязывающим¹, что не исключает договорного характера взаимодействия дарителя и одаряемого. Ю. Ф. Беспалов обращает внимание на необходимость понимания четкого разграничения договора дарения от такой односторонней сделки, как завещание². Думается, что двусторонне обязывающим следует считать только договор пожертвования, когда правомочия одаряемого ограничены целевым назначением использования объекта дарения в общепользовных целях (ст. 582 ГК РФ), что, по мнению А. А. Лукиной и Я. С. Гришиной, порождает дискуссию о «односторонности или двусторонности» договора дарения³.

Оговорка законодателя о допустимости применения конструкции договора дарения к передаче имущественных прав⁴ позволяет в полной мере применять данную конструкцию и в отношении дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. При этом, руководствуясь нормами ч. 1 ст. 10 Закона о ЦФА, дарение прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, так же как и остальные сделки с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, следует осуществлять при посредничестве оператора обмена ЦФА, а лицу, являющемуся одаряемым, необходимо получить статус пользователя информационной системы, в которой осуществляется учет прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, передаваемых по договору дарения.

Анализируя специфику договора дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, мы солидарны с мнением С. Н. Соловых, утверждавшего, что, исходя из запрета дарения между коммерческими организациями, безвозмездная уступка права требования, понимаемая как дарение, если дарителем выступает предприниматель, крайне нежелательна⁵. Вопросы запрета дарения и его ограничения достаточно четко прописаны в нормах ст. 575 и 576 ГК РФ.

¹ См.: Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 2, полут. 1 / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 341–342.

² См.: Гражданское право: учебник: В 4 т. Ч. 2: Т. 3 / Н. И. Батурина, О. А. Белова, А. Ю. Белоножкин [и др.]; отв. ред. Т. В. Дерюгина, Е. Ю. Маликов. Волгоград; М., 2018. С. 76.

³ См.: Лукина А. А., Гришина Я. С. Договор дарения // Вопросы науки и образования. 2019. № 24 (73). С. 31.

⁴ ГК РФ. Ст. 572.

⁵ См.: Соловых С. Н. Дарение в гражданском праве России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 14.

Несомненно, что все эти нормы в полном объеме должны применяться и к отношениям в рамках осуществления договора дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от дарителя к одаряемому должен осуществляться посредством изменения записей о принадлежности таких прав в информационной системе, в которой осуществлен выпуск даримых прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Записи о передаче прав осуществляются по указанию дарителя посредством использования программно-технических средств и пользовательского интерфейса через личный кабинет дарителя прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Среди двусторонних сделок, опосредующих переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, особо следует отметить наследственный договор. Регламентация отношений, устанавливаемых в рамках наследственного договора, осуществляется нормами ст. 1140.1 ГК РФ. В данном договоре определяется круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или третьим лицам, которые могут призываться к наследованию.

В то же время после заключения наследственного договора наследодатель никак не ограничивается в определении юридической судьбы своего имущества, даже если в результате этого лицо, которое может быть призвано к наследованию, лишится прав на имущество наследодателя, в том числе и прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Такая правовая конструкция позволяет А. А. Волосу говорить об определенной нерациональности наследственного договора, а также о том, что сторонам такого договора проще использовать уже апробированные на практике конструкции либо завещания, либо пожизненного содержания с иждивением для упорядочения отношений между собой. Однако для ситуаций с наследованием цифровых активов, особенности правового режима которых обусловлены «привязкой» к цифровой среде, конструкция наследственного договора может показать, по мнению ученого, определенную эффективность¹.

¹ См.: Волос А. А. Наследственный договор в цифровую эпоху // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 156–161.

Анализ правовых норм, регламентирующих рентные отношения, позволяет сделать вывод о том, что передача прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, по договору ренты на сегодняшний день противоречит нормам действующего российского законодательства. В соответствии с нормами ст. 583 ГК РФ по договору ренты могут передаваться только такие имущественные объекты, на которые распространяется право собственности¹. Утверждения М. И. Брагинского о том, что в качестве предмета ренты наряду с вещами могут выступать и права², не получили должного обоснования в его трудах и не соответствуют сложившемуся в России правовому порядку. Несомненно, что права, удостоверенные по конструкции ЦФА, не могут выступать в качестве предмета договора ренты, так как они не являются и не могут являться объектами права собственности в силу своей бестелесности. ЦФА – это не индивидуально определенные вещи, хотя и относятся к категории «имущество»³.

Говоря об односторонних сделках, направленных на бесповоротную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует обратиться к нормам наследственного права.

В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства могут входить не только вещи, но и другое имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Учитывая, что права, удостоверенные по конструкции ЦФА, – это определенный сегмент имущественных прав, то каких-либо ограничений на включение в состав наследственной массы прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, не имеется.

Некоторые исследователи полагают, что когда речь идет о наследовании цифровых активов, то следует говорить о наследовании права обладания уникальным кодом, права быть внесенным в реестр пользователей информационной системы и права распоряжения ЦФА⁴. Однако такая постановка вопроса некорректна. Ценность представляют

¹ См.: Голикова А. Н. Договор ренты в гражданском праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2005. С. 17.

² См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 2. Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2011. С. 606.

³ См.: Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115). С. 45.

⁴ См.: Ключевская Н. Наследование цифровых активов: российский и зарубежный опыт. URL: <https://www.garant.ru/article/1464108/> (дата обращения: 28.03.2023).

не сами записи, а права, удостоверенные такими записями. Наследуются не уникальные коды и записи, а имущественные права, фиксация которых осуществляется в электронной форме посредством внесения записей в ту или иную информационную систему. Уникальные коды являются лишь способом обеспечения доступа к информационным ресурсам, в которых осуществлена фиксация объема и принадлежности определенных имущественных прав.

В соответствии с нормами ст. 1118 ГК РФ наследственное правопреемство предполагает либо совершение двух разнонаправленных односторонних сделок (таких как составление завещания и принятие наследства), либо заключение наследственного договора. В случае отсутствия завещания, либо признания его недействительным, либо невозможности наследования по завещанию в силу прямого указания закона (например, если все наследники признаны недостойными в порядке ст. 1117 ГК РФ) наследование осуществляется по закону.

Содержанием завещания является удостоверенная надлежащим образом воля завещателя, определяющая юридическую судьбу его имущества на случай смерти наследодателя. Согласно нормам, содержащимся в п. 1 ст. 1119 ГК РФ, завещатель может по своему усмотрению назначить наследников (в качестве которых могут выступать любые лица), определить доли наследников в наследственной массе, лишить наследства того или иного наследника по закону или всех наследников по закону, включить в завещательное распоряжение любые иные указания, допустимые правилами ГК РФ о наследовании.

Для принятия наследства наследники должны совершить определенные действия, признаваемые законодателем в качестве юридических фактов, свидетельствующих о принятии наследства. П. М. Филиппов обоснованно утверждает, что наследники могут заявить свое право на наследство только после того, как наследство открылось¹.

В соответствии со ст. 1153 ГК РФ российский законодатель допускает два способа принятия наследства: посредством подачи наследниками нотариусу или должностному лицу, уполномоченному законом на выдачу свидетельства о праве на наследство, заявления

¹ См.: Основы гражданского права. Наследственное право (для иностр. слушателей образовател. организаций системы МВД России): учеб. пособие / Н. В. Котельников (отв. ред.); П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, Ю. В. Репникова [и др.]. Волгоград, 2020. С. 56.

о принятии наследства или заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство; посредством совершения наследником действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства. Установление объема наследственной массы, охрана и управление наследственным имуществом – обязанности нотариуса. Согласно нормам ст. 1171 ГК РФ нотариус может совершать такую деятельность совместно с исполнителем завещания.

Для подтверждения информации о наличии прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в составе наследственной массы нотариусу необходимо обратиться к оператору информационной системы, в которой был осуществлен выпуск ЦФА. Хотя в нормах п. 3 ст. 1171 ГК РФ оператор информационной системы, в которой был осуществлен выпуск ЦФА, прямо не указан в перечне тех лиц, которые обязаны по запросу нотариуса сообщать ему об имеющихся у них сведениях об имуществе, принадлежащем наследодателю, однако системное толкование норм российского права позволяет утверждать, что, учитывая допустимость участия в гражданском обороте оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА, только в организационно-правовой форме юридического лица эта норма в полной мере распространяется и на операторов выпуска ЦФА.

В то же время для устранения недопонимания обязанности оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА, по содействию нотариусу в установлении сведений о принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, наследодателю, думается, что необходимо сделать особый акцент на личность такого оператора информационной системы в перечне лиц, оказывающих содействие нотариусу в установлении состава наследства. Нами предлагается изложить п. 3 ст. 1171 ГК РФ в следующей редакции: «3. В целях выявления состава наследства или его охраны банки, другие кредитные организации, *оператор информационной системы, в которой осуществлен выпуск цифровых финансовых активов*, и иные юридические лица обязаны по запросу нотариуса сообщать ему об имеющихся у этих лиц сведениях об имуществе, принадлежащем наследодателю. Полученные сведения нотариус вправе сообщать только исполнителю завещания и наследникам»¹.

¹ Дополнения к нормам п. 3 ст. 1171 ГК РФ указаны курсивом.

Наследник для получения доступа к наследуемым правам, удостоверяемым по конструкции ЦФА, должен быть пользователем той информационной системы, в которой учтены права, удостоверяемые по конструкции ЦФА, передаваемые по наследству. Такой статус должен приобретаться наследником на момент вступления в наследство. Только после этого ему в законном порядке может передаваться право распоряжаться соответствующими правами.

Существует несколько способов законной передачи информации, позволяющей обеспечить доступ к правам, удостоверяемым по конструкции ЦФА, перешедшим к наследнику. Одним из них является указание в завещании на предоставление доступа к банковской ячейке, где хранится так называемый ключ, обеспечивающий доступ к личному кабинету пользователя информационной системы, в которой учтены передаваемые по наследству права, удостоверяемые по конструкции ЦФА, и позволяющий распоряжаться такими правами. В этом плане интересен опыт Нидерландов по использованию «цифрового хранилища»¹. По мнению Т. С. Яценко, при применении конструкции цифрового хранилища участники гражданского оборота могли бы хранить в нем юридически значимую информацию в оцифрованном виде, включая коды доступа².

Но поскольку анонимность обладателей прав, удостоверяемых по конструкции ЦФА, в российской правовой системе недопустима, для правомерности перехода прав, удостоверяемых по конструкции ЦФА, согласно нормам ч. 2 ст. 6 Закона о ЦФА оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, на основании свидетельства о праве на наследство обязан обеспечить внесение (изменение) записей в соответствующую информационную систему о принадлежности передаваемых по наследству прав, удостоверяемых по конструкции ЦФА, и проинформировать оператора обмена ЦФА о внесении (изменении) таких записей.

Российским законодателем установлен срок на внесение (изменение) записей о ЦФА оператором выпуска ЦФА на основании юридических фактов, указанных в ч. 2 ст. 6 Закона о ЦФА, и срок

¹ См.: Berlee A. Digital inheritance in the Netherlands // Journal of European Consumer and Market Law. 2017. № 6. P. 256–260.

² См.: Яценко Т. С. Наследование цифровых прав. URL: <https://urfac.ru/?p=2588> (дата обращения: 28.03.2023).

на информирование оператором выпуска ЦФА оператора обмена ЦФА о внесении (изменении) таких записей. Установленные сроки не должны превышать одного рабочего дня, следующего за днем получения оператором выпуска ЦФА соответствующего требования, и одного рабочего дня, следующего за днем внесения (изменения) соответствующих записей.

Особый интерес представляет проблематика передачи прав, удостоверяющих по конструкции ЦФА, в наследственные фонды. В данном случае перекликаются нормы о наследовании и образовании юридических лиц. Для создания наследственного фонда соответствующее условие должно быть сформулировано в завещании. Согласно нормам ст. 123.20-1 ГК РФ наследственный фонд создается после смерти завещателя по заявлению нотариуса, ведущего наследственное дело. Наследственный фонд после своего создания выступает в качестве наследника по завещанию.

Перешедшее к наследственному фонду в порядке завещания наследство, нередко обозначаемое в цивилистической доктрине как «наследственная масса»¹, учитывается как имущество фонда². В соответствии с нормами ст. 123.18 ГК РФ имущество фонда является его собственностью. Однако если в отношении вещей такая формулировка не вызывает сомнений, то применительно к имущественным правам употреблять категорию «право собственности» некорректно.

Нормы ст. 209 ГК РФ, характеризующие право собственности, устанавливают, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Но право собственности – это разновидность *вещного* (курсив наш. – В. С.) права, а категория «имущество» несколько отличается от категории «вещь» и включает в себя, помимо вещей, имущественные права, а в рамках наследственных отношений еще и обязанности³.

Владение и пользование, являясь категориями вещного права, не могут применяться к имущественным правам, в том числе цифровым (по нашей терминологии – к оцифрованным правам). Именно поэтому в нормах ст. 141.1 ГК РФ российский законодатель оперирует категориями «осуществление» и «распоряжение» применительно

¹ См.: Крашенинников П. В. Наследственное право. 2-е изд. М., 2017. С. 50.

² См.: п. 3 ст. 123.20-1 ГК РФ.

³ См.: ст. 1112 ГК РФ.

к категории, обозначаемой как «цифровое право». Думается, что такая постановка вопроса приемлема и ко всей категории «имущественные права». Поэтому в нормах ст. 141.1 ГК РФ лицо, имеющее возможность распоряжаться цифровым правом, обозначено термином «обладатель», что нашло свое отражение и в нормах Закона о ЦФА. В частности, в ст. 2 указанного нормативного правового акта говорится именно об обладателе ЦФА, а не о собственнике ЦФА, что требует внесения соответствующих изменений в нормы ст. 209 ГК РФ.

Распространение на имущественные права, входящие в состав имущества участников гражданских правоотношений, режима права собственности следует считать не иначе как юридической фикцией, хоть как-то способствующей упорядочению общественных отношений, возникающих в этой сфере. Несомненно, что с развитием юридической мысли, выработкой правовых конструкций, позволяющих адекватно объяснить правовую природу того или иного нового явления, возникающего в мире права, гражданское законодательство будет меняться.

Несовершенство ГК РФ, отставание его норм от современного уровня развития рыночных отношений были отмечены еще в 2008 г. на самом высоком национальном уровне. Не случайно Президентом РФ была поставлена задача по совершенствованию данного кодекса, учету в его нормах новейшего положительного опыта модернизации гражданских кодексов развитых стран и накопленного опыта правоприменения¹.

Считаем целесообразным п. 1 ст. 209 ГК РФ изложить следующим образом: *«Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своими вещами и имущественными комплексами»*², либо сделать примечание к данной статье, указав, что «под имуществом в разделе II настоящего кодекса понимается совокупность вещей и имущественных комплексов». Соответствующие изменения стоит внести и в остальные нормы разд. II ГК РФ.

Что же касается высшей степени обособления имущества, присущей частным организациям (за исключением частных учреждений),

¹ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 29 (ч. I). Ст. 3482.

² Курсивом показан измененный текст.

следует полагать, что объекты вещного права принадлежат таким организациям на праве собственности, и, характеризуя принадлежность имущественных прав, использовать категорию «правообладатель» по аналогии с применением этого термина к исключительным правам¹. Несомненно, это также потребует внесения достаточно многочисленных изменений в ГК РФ.

Говоря о специфике сделок, касающихся передачи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в качестве вклада в обособленное имущество юридического лица, отметим, что в зависимости от условий участия такие вклады могут передаваться как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Есть все основания относить указанные сделки к категории инвестиционных, ибо, учитывая содержание термина «инвестиции», определяемого нормами Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», полезный эффект от такого вложения может проявляться не только в имущественной сфере участника (учредителя) создаваемой организации, но и в других сферах² (например, при вкладе в общественные организации, благотворительные фонды и пр.).

Для тех случаев, когда права, удостоверенные по конструкции ЦФА, вкладываются в обособленное имущество юридических лиц в обмен на предоставляемые учредителю (участнику) имущественные права, адресованные к создаваемым организациям, подобные сделки должны строиться по аналогичным правилам, регламентирующим порядок обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на иные имущественные права. В тех случаях, когда лицо, передающее права, удостоверенные по конструкции ЦФА, в качестве вклада в обособленное имущество юридических лиц не получает какого-либо встречного удовлетворения в имущественной сфере, следует руководствоваться правилами, характерными для договора дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. При этом важно учитывать нормы специальных федеральных законов, регламентирующих

¹ ГК РФ. Ст. 1229.

² См.: Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: федер. закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ. Ст. 1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 9. Ст. 1096.

специфику создания и деятельности юридических лиц определенных организационно-правовых форм¹.

После исследования сделок, направленных на бесповоротную смену обладателя прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, обоснованно сделать вывод о том, что сделки могут осуществляться посредством использования следующих договоров: договора продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие ЦФА, в том числе и на права, удостоверенные по конструкции ЦФА, другого вида; договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые права; договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав; договора дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в порядке наследственного договора.

Использование конструкций договоров, опосредующих передачу права собственности к отношениям с использованием ЦФА, невозможно в силу того, что права, удостоверенные по конструкции ЦФА, не являются объектами права собственности. В то же время передача прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в качестве вклада в обособленное имущество юридических лиц, наследование прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, даже с учетом специфики фиксации объема и принадлежности таких прав в цифровой среде, в полной мере является допустимой.

¹ См., напр.: О сельскохозяйственной кооперации: федер. закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 35 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870; О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федер. закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 15, 16 // Там же. № 33. Ст. 3340; О производственных кооперативах: федер. закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 10 // Там же. 1996. № 20. Ст. 2321; Закон об АО // Там же. № 1. Ст. 1; О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с послед. доп. и изм.) // Там же. № 3. Ст. 145; О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 21 // Там же. 1997. № 39. Ст. 4465; Закон об ООО. Ст. 15 // Там же. 1998. № 7. Ст. 785; Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 17 // Там же. 2000. № 30. Ст. 3122; О политических партиях: федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 28, 29 // Там же. 2001. № 29. Ст. 2950; О кредитных потребительских кооперативах граждан: федер. закон от 7 августа 2001 г. № 117-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 14 // Там же. № 33 (ч. I). Ст. 3420; О хозяйственных партнерствах: федер. закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ (с послед. доп. и изм.). Ст. 10 // Там же. 2011. № 49 (ч. V). Ст. 7058; и др.

§ 3. Сделки, предусматривающие временную передачу прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов

Действующая редакция Закона о ЦФА не содержит каких-либо норм, регламентирующих специфику сделок, предусматривающих временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, за исключением указания на номинального держателя ЦФА, учитывающего «права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам»¹ и имеющего статус депозитария. Применительно к категории «цифровые права» в нормах ст. 141.1 ГК РФ есть упоминание только о залоге, причем оно связано с проблематикой осуществления цифровых прав и распоряжения ими.

Используя метод системного толкования права, мы можем обосновать вывод о том, что сделки, предусматривающие временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, вполне допустимы. При этом, говоря о сделках, предусматривающих временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует отметить, что анализируемые сделки могут охватывать как случаи передачи соответствующих прав без смены их обладателя, так и случаи передачи прав со сменой обладателя, но с условиями последующего возврата прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в объеме, соответствующем ранее переданному объему прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Думается, что к категории сделок, предусматривающих временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, без смены их обладателя, стоит относить передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в доверительное управление на депонирование (т. е. сделок, касающихся обеспечения обездвиженности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА) и залог прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Тогда как к категории сделок, предусматривающих временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, другому обладателю с условиями обратной передачи следует относить сделки, осуществляемые по конструкции продажи с правом (обязательством) обратного выкупа (по правилам, схожим с договором РЕПО).

¹ Закон о ЦФА. Ч. 4 ст. 2.

Правовая конструкция договора доверительного управления достаточно качественно регламентирована нормами гл. 53 ГК РФ. Суть данного договора заключается в передаче учредителем доверительного управления доверительному управляющему на определенный срок имущества в доверительное управление, которым доверительный управляющий обязуется управлять в интересах учредителя управления или указанного им выгодоприобретателя (ст. 1012 ГК РФ). Учитывая понимание имущества как совокупности вещей и имущественных прав (в том числе цифровых прав), демонстрируемое российским законодателем в нормах ст. 128 ГК РФ, каких-либо нормативных запретов на передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в доверительное управление не имеется.

Нормы п. 1 ст. 1013 ГК РФ только подтверждают наше утверждение, ибо, раскрывая понятие «объекты доверительного управления», законодатель относит к ним не только недвижимое имущество (в том числе предприятия), имущественные комплексы, ценные бумаги, но и права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, исключительные права и другое имущество. Думается, что права, удостоверенные по конструкции ЦФА, вполне охватываются той самой категорией «другое имущество» в рамках нормы п. 1 ст. 1013 ГК РФ, так как запрет на передачу в доверительное управление в качестве самостоятельных объектов предусмотрен только для денег.

Обращаясь к нормам ст. 1014 ГК РФ, мы видим, что российский законодатель в качестве учредителя доверительного управления рассматривает, прежде всего, собственника имущества. Нормы ст. 209 ГК РФ, характеризующая право собственности, устанавливают, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Но, как мы уже подчеркивали, применять категорию «право собственности» к отношениям, связанным с имущественными правами, некорректно. Исходя из вышеизложенного, полагаем, что редакция ст. 1014 ГК РФ может быть изложена следующим образом: *«Учредителем доверительного управления является собственник вещи, имущественного комплекса или обладатель имущественных прав, передаваемых в доверительное управление, а в случаях, предусмотренных ст. 1026 настоящего Кодекса, – другое лицо»¹*.

¹ Курсивом показан измененный текст.

Исследуя сферу применения договора доверительного управления имуществом, Д. Ю. Колосов отмечает, что существует множество ситуаций, при которых лицо не в состоянии эффективно использовать свое имущество, например, ввиду отсутствия профессиональных знаний, необходимых для извлечения доходов при использовании таких видов имущества, как ценные бумаги, исключительные права, различные объекты недвижимости¹. То же самое вполне уместно отнести и к имущественным правам, удостоверенным по конструкции ЦФА.

В том случае если у обладателя ЦФА отсутствуют специальные познания, необходимые для управления ЦФА, либо он не может позволить себе тратить время (временные ресурсы) для этого, рекомендуется обратиться к доверительному управляющему, который в интересах обладателя ЦФА будет совершать различные действия, имеющие юридические последствия с цифровыми правами последнего². В некоторых случаях (прежде всего в интересах недееспособного или ограниченно дееспособного обладателя ЦФА при необходимости управления наследственным имуществом, в состав которого входят права, удостоверенные по конструкции ЦФА) доверительное управление такими правами учреждается в силу закона. Мы солидарны с А. Г. Григорьевой и И. А. Сушковой, объясняющими обусловленность данного факта тем обстоятельством, что в ряде ситуаций несовершение юридических действий в отношении того или иного имущества может повлечь его утрату или уменьшение³.

Принимая во внимание специфику оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, думается, что требования, предъявляемые законодателем к личности доверительного управляющего в ст. 1015 ГК РФ, в случае передачи в доверительное управление прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должны быть дополнены

¹ См.: Колосов Д. Ю. Договор доверительного управления имуществом в российском гражданском праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2005. С. 1.

² См.: Тимофеева Р. И., Голобородкина Е. В. Доверительное управление имуществом // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2 (44). С. 59.

³ См.: Григорьева А. Г., Сушкова И. А. Доверительное управление наследственным имуществом // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doveritelnoe-upravlenie-nasledstvennym-imuschestvom> (дата обращения: 02.03.2023).

нормой, определяющей, что в случае передачи в доверительное управление таких прав доверительный управляющий должен являться пользователем той информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА, передаваемых в доверительное управление. Факт передачи имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в доверительное управление и, соответственно, факт заключения договора доверительного управления таким имуществом должны быть учтены оператором информационной системы, в которой выпущены соответствующие ЦФА, и отражены на всех узлах соответствующей информационной системы. Стоит предположить, что применительно к нормам ст. 1018 ГК РФ, предусматривающей необходимость обособления имущества, переданного в доверительное управление, от другого имущества учредителя доверительного управления, доверительному управляющему должен быть открыт специальный лицевой счет, на котором учитываются права, удостоверенные по конструкции ЦФА, переданные в доверительное управление. Несомненно, что в записях информационной системы, в которой ведется учет этих прав, должна получить отражение информация, что распоряжение указанными правами осуществляется не их обладателем, а доверительным управляющим, представляющим интересы обладателя ЦФА на основании договора доверительного управления.

Полагаем, что выделение имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в качестве отдельного сегмента объектов гражданских прав необходимости пересмотра норм ст. 1020 ГК РФ, определяющих права и обязанности доверительного управляющего, не вызывает. Установление объема вознаграждения доверительного управляющего, оснований прекращения договора доверительного управления и его учреждения по основаниям, предусмотренным законом, при передаче в такое управление имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, осуществляется согласно нормам ст. 1023, 1024 и 1026 ГК РФ.

В настоящее время правоприменительная практика по доверительному управлению правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, еще не сложилась. Однако в данном случае уместно провести некую аналогию с доверительным управлением бездокументарными ценными бумагами. Можно констатировать, что такое управление осуществляется преимущественно по трем направлениям: индивидуальное

(персонифицированное) доверительное управление; коллективное доверительное управление активами и резервами, составляющими имущество инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов и страховых организаций; доверительное управление по схеме общих фондов банковского управления¹. Думается, что и в случае доверительного управления правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, договорные конструкции будут направлены на выполнение схожих функций и основываться на таких же экономико-правовых принципах.

Говоря о депонировании прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует иметь в виду, что подобная конструкция применима к целой совокупности сделок. Сутью депонирования прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, является обеспечение обездвиженности таких прав. Общее направление этих сделок схоже с конструкциями хранения, однако нормы гл. 47 ГК РФ, регламентирующей отношения, возникающие в рамках договора хранения, распространяются только на случаи передачи на хранение вещей, т. е. объектов материального мира. Что же касается обеспечения сохранности имущественных прав, то к этим отношениям следует применять несколько иные подходы, так как имущественные права являются объектами идеального мира и обладают достаточно специфичной природой, значительно отличающейся от природы вещей. Права требования имеют ценность только тогда, когда они признаются не только управомоченными и обязанными лицами, но и другими участниками общественных отношений, что требует формального подтверждения факта правообладания. Такое подтверждение возможно как в документарной, так и бездокументарной форме, а с развитием цифровых технологий электронная форма фиксации имущественных прав становится все более популярной.

В нормах Закона о ЦФА представлено несколько упоминаний о депозитарной деятельности², которая может осуществляться только лицом, имеющим соответствующую лицензию и являющимся профессиональным участником рынка ценных бумаг³. Учет цифровых

¹ См.: Ребельский Н. М. Доверительное управление финансовыми активами на рынке ценных бумаг: учеб. пособие. М., 2019. С. 4.

² Напр., в ч. 4 ст. 2 Закона о ЦФА.

³ См.: Закон о рынке ценных бумаг. П. 1 ст. 7.

(оцифрованных) прав – один из элементов депозитарной деятельности. В рамках действующего законодательства депозитарием может выступать только специальный субъект с соответствующей лицензией. Что касается депозитария, работающего с цифровыми (оцифрованными) правами, то, помимо всего прочего, он должен иметь доступ к информационным системам, в которых осуществляется учет таких прав.

Механизмы, опосредующие депонирование прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, бывают разными. Однако лицом, обеспечивающим обездвиженность прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, может стать только профессиональный депозитарий, способный обеспечить такую обездвиженность.

Думается, что депонирование прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, помимо использования конструкции депозитарного договора (договора о счете депо), должно также оформляться посредством других договорных конструкций, в которых условие, касающееся обеспечения обездвиженности прав, составляющих сущность ЦФА, является одним из элементов договорного взаимодействия. В качестве основы для оформления подобного договорного взаимодействия используются нормы, регламентирующие договор условного депонирования (договор эскроу), депонирование нотариусу.

Словосочетание «счет депо» неоднократно применяется законодателем в нормах Закона о ЦФА. Прежде всего это касается регламентации вопросов взаимодействия оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, с депозитарием ЦФА (держателем реестра ЦФА), открывшим лицевой счет (счет депо) ЦФА¹.

В рамках депозитарного договора (договора о счете депо)² договорное взаимодействие осуществляется между депозитарием, осуществляющим профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, и депонентом, являющимся обладателем ЦФА. В случаях, установленных нормами ч. 4 ст. 2 Закона о ЦФА, депозитарий именуется «номинальным держателем цифровых финансовых активов».

¹ Закон о ЦФА. Ч. 3 ст. 6.

² Законодатель рассматривает данные понятия как взаимозаменяемые (идентичные).

Сама возможность заключения депозитарного договора относительно прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, установлена нормами ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг. По свидетельству Е. Г. Хоменко, с 2002 г. крупнейшими российскими депозитариями являются такие банковские кредитные организации, как Сбербанк, Внешторгбанк и Газпромбанк¹.

В нормах ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг относительно депонирования ЦФА по конструкции депозитарного договора (договора о счете депо) указано, что сутью деятельности депонента является оказание услуг по учету цифровых прав. Договор о счете депо должен заключаться в письменной форме, причем условия осуществления депозитарием депозитарной деятельности рассматриваются законодателем в качестве неотъемлемой части договора. Такие условия утверждаются депозитарием². Несомненно, что договор о счете депо, заключаемый относительно прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, не может считаться разновидностью договора хранения, регламентация которого осуществляется нормами гл. 47 ГК РФ, так как в соответствии со ст. 885 ГК РФ на хранение может передаваться только такой объект гражданских прав, который вписывается в понятие «вещь».

Российский законодатель в п. 14 ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг устанавливает, что приобретение депозитарием статуса номинального держателя ЦФА не означает предоставления ему возможности самостоятельного осуществления и распоряжения правами, удостоверенными по конструкции ЦФА. По общему правилу депозитарий – номинальный держатель ЦФА получает полномочия распоряжаться правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, передавать их в залог или устанавливать их обременение другими способами только по указанию депонента, которому открыт счет депо в рамках функционирования информационной системы, где ведется учет выпущенных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Такие записи делаются при посредничестве оператора выпуска ЦФА по указанию обладателя ЦФА и требуют допуска депозитария к работе с соответствующей информационной системой.

¹ См.: Хоменко Е. Г. Депозитарная деятельность кредитных организаций // Финансы и кредит. 2002. № 13 (103). С. 58.

² См.: Закон о рынке ценных бумаг. П. 3 ст. 7.

Права, удостоверенные по конструкции ЦФА, учтенные на счете депо, должны обособливаться от других цифровых (оцифрованных) прав, принадлежащих депозитарию. На эти права не может обращаться взыскание по долгам депозитария. Обособление прав, учтенных на счете депо, должно подтверждаться выпиской депозитария.

Согласно нормам п. 18 ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг депозитарию предписано по требованию обладателя ЦФА предоставить права, зафиксированные по конструкции ЦФА и учтенные на счете депо, в распоряжение обладателя ЦФА или лица, указанного обладателем ЦФА. Об этом в информационную систему, где учитываются соответствующие права, удостоверенные по конструкции ЦФА, вносится запись, на основании которой сведения о данных правах списываются со счета депо соответствующего депонента.

Специфика и порядок зачисления прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, номинальному держателю регламентируются указанием Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5646-У «О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам»¹.

Принципиальное отличие депозитарного договора, заключенного в отношении имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от договора доверительного управления такими правами заключается в том, что если доверительный управляющий принимает решения, касающиеся осуществления прав, переданных ему в доверительное управление самостоятельно, то депозитарий действует только в рамках выполнения указаний обладателя ЦФА, являющегося депонентом. При этом возникает противоречие между нормами пп. 1, 14 ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг. В соответствии с нормами п. 1 сущность деятельности депозитария применительно к обороту прав, обозначаемых российским законодателем как «цифровые», ограничивается сферой оказания услуг по учету таких прав, в то время как нормами п. 14 предписано: «Депозитарий

¹ О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам: указание Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5646-У. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

по указанию депонента *осуществляет* (курсив наш. – В. С.) цифровые права последнего, распоряжается ими, передает в залог или устанавливает их обременение другими способами в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Для устранения противоречий между нормами пп. 1, 14 ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг правомочия по осуществлению цифровых (оцифрованных) прав депонента должны быть закреплены и в нормах п. 1 ст. 7 указанного закона следующим образом: *«1. Депозитарной деятельностью признается оказание услуг по учету и переходу прав на бездокументарные ценные бумаги и обездвиженные документарные ценные бумаги, а также по хранению обездвиженных документарных ценных бумаг при условии оказания услуг по учету и переходу прав на них, и в случаях, предусмотренных федеральными законами, по учету цифровых прав и их обездвиживанию, а также по осуществлению в соответствии с указаниями депонента его цифровых прав, если федеральным законом или договором не предусмотрено иное»*¹.

Думается, что условие об обездвиживании прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, для обеспечения должного одновременного исполнения встречных обязательств, если права, удостоверенные по конструкции ЦФА, выступают в качестве встречного предоставления, вполне вписывается в правовой механизм договорного взаимодействия по типу условного депонирования (договор эскроу). На сегодняшний день при выполнении работ, оказании услуг, приобретении будущих товаров, создаваемых результатов интеллектуальной деятельности каких-либо объективных препятствий для встречного предоставления в виде прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, не имеется.

Современное понимание договора эскроу сформировалось под влиянием правоприменительной практики США середины XX в.² Н. В. Квициния отмечает, что данная конструкция, призванная обеспечить должное исполнение договорного обязательства одновременно обеими сторонами, оказалась настолько удобной, что ее популярность и востребованность в современном гражданском обороте

¹ Курсивом выделены предлагаемые дополнения.

² См.: Токмаков М. А. Условное депонирование (эскроу) в праве России и США: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Самара, 2017. С. 4.

неуклонно растет¹. В российском праве регламентация отношений в рамках договора условного депонирования (эскроу) осуществляется нормами гл. 47.1 ГК РФ.

Договор эскроу относится к категории трехсторонних сделок. Он заключается на определенный срок – срок депонирования имущества, который не может превышать пять лет. Сутью договорных отношений является соглашение между депонентом, бенефициаром и эскроу-агентом о том, что депонент обязуется передать на депонирование (т. е. сбережение, сохранение и пр.) другому лицу – эскроу-агенту определенное имущество, которое при наступлении указанных в соглашении оснований по прошествии определенного времени, необходимого для наступления таких обстоятельств, передается эскроу-агентом бенефициару в рамках исполнения обязательства депонентом перед бенефициаром. Если же такие обстоятельства не наступят, то имущество возвращается депоненту². Соглашением сторон может устанавливаться взаимное эскроу (когда и депонент, и бенефициар передают имущество эскроу-агенту в порядке депонирования).

Рассматривая проблематику фидуциарного характера договора условного депонирования, мы придерживаемся позиции Д. Е. Богданова и С. Г. Богдановой, полагающих, что отсутствие «внешних отношений», т. е. отношений депонента, бенефициара и эскроу-агента с третьими лицами, не являющимися участниками договорного взаимодействия, не порождает необходимости предоставления эскроу-агенту полномочий, основывающихся на доверии (все отношения в рамках договора возникают только между сторонами и основываются на достигнутом соглашении сторон), а следовательно, не предполагает фидуциарного характера договора эскроу³.

В настоящее время в нормах п. 3 ст. 926.1 ГК РФ определено, что объектом депонирования могут выступать только движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги

¹ См.: Квициния Н. В. Перспективы развития договора эскроу в России // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 1. С. 55.

² ГК РФ. Ст. 926.1.

³ См.: Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Правовая природа договора условного депонирования (эскроу) // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 10 (50). С. 65.

и документы), безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. Права, удостоверенные по конструкции ЦФА, не указаны в числе объектов депонирования, хотя никаких принципиальных оснований для их исключения из перечня объектов депонирования нет. Думается, что это стало возможным только потому, что гл. 47.1 ГК РФ введена еще в 2017 г., а на тот момент ЦФА не рассматривались в качестве объектов гражданских прав¹. Вместе с тем выполнение эскроу-агентом функции по обеспечению обездвиженности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, обуславливает необходимость рассмотрения в качестве эскроу-агента только профессионального депозитария, имеющего допуск (лицензию) на осуществление депозитарной деятельности с ЦФА.

Российский законодатель предусматривает необходимость обособления имущества, переданного эскроу-агенту на депонирование, от имущества самого эскроу-агента. По общему правилу как депоненту, так и эскроу-агенту запрещается использовать и распоряжаться переданным на депонирование имуществом, а эскроу-агенту за исполнение обязанностей полагается вознаграждение за счет депонента и бенефициара.

Законодателем установлена нотариальная форма договора условного депонирования, за исключением случаев, когда в качестве объекта депонирования выступают безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги.

При применении конструкции условного депонирования к отношениям с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, в качестве объектов депонирования необходимо, чтобы и депонент, и бенефициар, и эскроу-агент являлись пользователями информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА, а сам договор условного депонирования реализовывался при посредничестве оператора обмена ЦФА. Бесспорно, что оператором выпуска ЦФА должно обеспечиваться внесение записей в информационную систему, в которой выпущены ЦФА, переданные в качестве объектов депонирования, об их обременении.

¹ О внесении изменений в часть первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4761.

Учитывая вышеизложенное, нами предлагается дополнить п. 3 ст. 926.1 ГК РФ констатацией того, что в качестве объектов депонирования рассматриваются и права, удостоверенные по конструкции ЦФА, и изложить его в следующей редакции: *«3. Объектом депонирования могут быть движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и права, удостоверенные по конструкции цифровых финансовых активов»*¹. Кроме того, в абз. 3 п. 1 ст. 926.1 ГК РФ целесообразно указать, что если объектом депонирования являются права, удостоверенные по конструкции ЦФА, нет необходимости в нотариальном удостоверении договора эскроу. Редакцию абз. 3 п. 1 ст. 926.1 ГК РФ следует изложить следующим образом: *«Договор эскроу подлежит нотариальному удостоверению, за исключением случаев депонирования безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг и (или) прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов»*².

Мы видим необходимость дополнения гл. 47.1 ГК РФ ст. 926.6.1, в которой будут указаны особенности депонирования прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Стоит подчеркнуть, что эскроу-агентом в этом случае может выступать только профессиональный депозитарий, имеющий соответствующую лицензию на деятельность с ЦФА.

Говоря об обеспечении обездвиживания прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует также обратить внимание на увеличение востребованности депозитарных услуг, оказываемых нотариусами в целях обеспечения должной передачи предоставления кредитору, если такое предоставление осуществляется денежными средствами и (или) ценными бумагами. В качестве нормативной базы такой деятельности следует рассматривать, прежде всего, нормы ст. 327 ГК РФ, ст. 87 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г.³

¹ Курсивом выделены предлагаемые дополнения к тексту ГК РФ.

² Курсивом выделены предлагаемые дополнения к тексту ГК РФ.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с послед. изм. и доп.) // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

Основаниями для внесения причитающихся с должника денег или ценных бумаг в депозит нотариуса, установленными ст. 327 ГК РФ, являются: отсутствие кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте должного исполнения обязательства; неспособность кредитора и отсутствие у него представителя; очевидное отсутствие определенности по поводу личности кредитора; уклонение кредитора от принятия исполнения или при иной просрочке кредитора.

Думается, что в полном объеме применить вышеизложенные нормы к отношениям с использованием прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в качестве предоставления кредитору по основной сделке не представляется возможным в силу специфики учета прав, зафиксированных по конструкции ЦФА. Однако если предоставление кредитору должно осуществляться в форме прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, было бы уместным в случаях, установленных в п. 1 ст. 327 ГК РФ, информировать нотариуса о депонировании прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на счета профессионального депозитария в целях обеспечения должного исполнения ранее возникшего обязательства. Нотариусу должно быть направлено подтверждение депонирования прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в целях должного исполнения указанных выше обязательств, и предоставлена возможность осуществления записей о передаче прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, кредитору, что по своему значению следует приравнять к исполнению обязательства внесением долга в депозит.

Полагаем, что для реализации вышеизложенной концепции потребуется внесение в нормы ст. 327 ГК РФ и ст. 87 Основ законодательства РФ о нотариате определенных изменений.

В пункте 4 ст. 327 ГК РФ установлено, что по общему правилу при передаче на депонирование движимых вещей (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг на основании *совместного* (курсив наш. – В. С.) заявления кредитора и должника к таким отношениям применяются нормы о договоре эскроу. Думается, что это вполне применимо и к отношениям, касающимся прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Исследуя залог прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, мы поддерживаем мнение А. С. Яковлева, утверждающего, что «залог

прав является одной из самых спорных и интересных сделок по поводу имущественных прав»¹.

Характеризуя сущность залоговых отношений как способа обеспечения исполнения обязательства, законодатель определяет, что в качестве предмета залога могут выступать не только вещи, но и оборотоспособные имущественные права². Однако детализация правовых отношений, возникающих при залоге такого объекта гражданских прав, как имущественные права, получила отражение в нормах современного отечественного права только после вступления в силу Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»³. Именно нормы этого закона легли в основу современного правового регулирования залоговых отношений вообще и залога имущественных прав в частности.

В параграфе 3 гл. 23 ГК РФ имеются нормы, определяющие специфику залога обязательственных прав и прав участников юридических лиц, возникновения и ограничения залога права, содержания договора залога прав, порядка реализации заложенного права, защиты залогодержателя права и некоторые другие вопросы, касающиеся залога имущественных прав.

Исследователи залогового права свидетельствуют, что институт залога имущественных прав стал формироваться еще в Древнем Риме. В работе Ф. Дыдынского «Залог по римскому праву», опубликованной в 1872 г., проблематике залога «мыслимых предметов» была посвящена глава II. Ученый писал, что «в случае установления залога на долговом требовании, возникает ипотека, ибо к нему невозможно применить права владения»⁴. Критикуя мнение Бахофена о том, что

¹ Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005. С. 151.

² См.: ст. 336 ГК РФ.

³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6687.

⁴ Залог по римскому праву: рассуждение Федора Дыдынского, написанное для получения степени доктора римского права. Варшава: Тип. С. Оргельбранда, 1872. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1638454130&tld=ru&lang=ru&name=book-003.pdf&text> (дата обращения: 18.03.2023).

вручение документа, подтверждающего правомерность закладываемого права, обосновывает оценку такого залога, как *ripnus*, Ф. Дыдынский обращал внимание на то, что подобный документ лишь доказательство правомочности закладываемых требований, но «...нисколько не есть выражение самого юридического отношения»¹.

Принято выделять две группы теорий, объясняющих правовую природу залога прав. К первой группе следует отнести так называемые цессионные теории, а ко второй – теории «права на право». В свою очередь, в рамках цессионных теорий принято выделять теорию условной (эвентуальной) цессии и теорию ограниченной цессии.

Суть теории условной цессии выражается в том, что при изучении залога права как разновидности цессионной сделки переход права связывается с наступлением отлагательного условия, в качестве которого рассматривается факт неисполнения, обеспеченного залогом основного обязательства. Среди современных цивилистов такой точки зрения придерживался В. С. Ем².

Сторонники концепции ограниченной цессии полагали, что хотя залог прав и является разновидностью цессионной сделки, однако закладываемое право переходит залогодержателю уже в момент заключения договора залога. Цель такого перехода – обеспечение должного исполнения основного обязательства³.

Мы поддерживаем позицию А. С. Яковлева, который, отмечая недостатки цессионных теорий, полагает, что распространение норм института цессии на залоговые отношения недостаточно корректно, так как цессия призвана оформить окончательный переход права от одного лица к другому и не может успешно применяться для описания залога⁴.

¹ Залог по римскому праву: рассуждение Федора Дыдынского, написанное для получения степени доктора римского права. Варшава: Тип. С. Оргельбранда, 1872. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1638454130&tld=ru&lang=ru&name=book-003.pdf&text> (дата обращения: 18.03.2023).

² См.: Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 2, полут. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2000. С. 105–106. URL: <https://bookree.org/reader?file=528793> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Стругов В. О залоге долговых требований. СПб., 1980. С. 121.

⁴ См.: Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. С. 158–159.

Объяснение природы залога прав теорией «права на право» берет свои истоки в германском законодательстве¹. Хотя эта теория и выглядит более презентабельно, нежели цессионные концепции, однако тоже имеет свои недостатки, ибо для снятия противоречий такой теории необходимо признать, что «принадлежность субъективного права конкретному лицу опосредуется с помощью другого права, причем носящего абсолютный характер»².

Думается, что наиболее корректным объяснением правовой природы залога имущественных прав является подход к этому феномену с позиций обязательства. И не случайно российский законодатель разместил нормы о залоге в разделе III ГК РФ, посвященном общей части обязательственного права.

Достаточно четко суть правовых отношений, возникающих при залоге обязательственных прав с позиций современной цивилистики, изложил Д. Е. Зацепин. Он отмечает, что «залогодержатель, не становясь субъектом заложенного права, получает право контроля за действиями залогодателя, касающимися судьбы обеспечиваемого права, и право распоряжения этим правом в определенных случаях и целях, т. е. происходит конститутивное правоприобретение»³.

Дискуссия относительно обязательно-правовой или вещно-правовой природы залоговых отношений не исчерпана. У каждого исследователя имеются свои аргументы, которые выглядят вполне убедительно⁴, однако мы сосредоточимся на специфике отношений, возникающих при залоге прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Современный российский законодатель в нормах ст. 141.1 ГК РФ подчеркивает, что залог цифровых прав возможен только в рамках

¹ См.: Василевская Л. Ю. Общее и особенное в регламентации залога прав по российскому и германскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 173.

² Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. С. 160.

³ Зацепин Д. Е. Природа залога обязательственных прав // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3 (70). С. 61.

⁴ См., напр.: Вербицкий Б. А. Правовая природа залога в современном российском праве // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 109–132; Белая О. В. Залог имущественных прав: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2006; Халилова Р. М. Залоговое право: учеб. пособие (курс лекций) для направления подгот. 40.03.01 Юриспруденция, профиль «Гражданское право». Махачкала, 2020; Грызыхина Е. А. Залоговое право: учеб. пособие. Новосибирск, 2012. С. 164; и др.

функционирования информационной системы без обращения к третьему лицу.

Учитывая, что права, удостоверенные по конструкции ЦФА – это один из видов цифровых прав, то каких-либо запретов на использование механизма залога ЦФА нами не установлено. Однако специфика ЦФА обуславливает определенные требования, соблюдение которых обеспечивает устойчивость правоотношений, складывающихся относительно залога прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Полагаем, что законодателю следует дополнить нормы ГК РФ ст. 358.19, в которой необходимо регламентировать ряд положений, характерных именно для оборота ЦФА.

Прежде всего, залоговые отношения должны быть надлежащим образом оформлены. Поскольку взаимодействие лиц относительно прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, осуществляется посредством использования цифровых технологий, следует отметить, что договор залога прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, может заключаться как в традиционном письменном виде, так и «с помощью электронных либо технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки»¹. В качестве залогодателя выступает обладатель ЦФА, а залогодержателем – лицо, также являющееся пользователем информационной системы, в которой осуществлены записи о правах, удостоверенных по конструкции ЦФА, являющихся предметом залога.

Действительность прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должна подтверждаться оператором информационной системы, в которой эти права учтены. Все сделки по реализации заложенных прав необходимо осуществлять при посредничестве оператора обмена ЦФА. По общему правилу, установленному нормами ст. 358.6 ГК РФ, для всех обязательств по залому заложенных требований к должнику, являющемуся контрагентом обладателя ЦФА, должник исполняет соответствующее обязательство обладателю ЦФА (который в рамках других правоотношений выступает в роли залогодателя). Право залогодержателя получить исполнение от должника по «цифровому» (оцифрованному) обязательству, требования по которому и составляют суть прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, переходит

¹ ГК РФ. П. 1 ст. 160.

к залогодержателю только в том случае, если это предусмотрено договором. При этом посредством взаимодействия в рамках информационной системы, где были выпущены права, удостоверенные по конструкции ЦФА, лицо, к которому адресуются требования, удостоверенные по конструкции ЦФА, должно уведомляться о передаче адресата исполнения.

Для обозначения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в состоянии залога, на наш взгляд, следует использовать индикатор нахождения прав в залоге (в качестве технического элемента учета прав в информационной системе), который будет указывать особенности залога (от кого и кому передаются заложенные права, условия и срок залогового обязательства). Данный индикатор должен отражаться в информационной системе, в которой осуществлен выпуск заложенных ЦФА. Осуществление записей о заложенности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, возлагается на оператора выпуска ЦФА. Основанием для осуществления таких записей является договор залога прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

При надлежащем исполнении основного обязательства записи о залоговом обеспечении аннулируются. Думается, что при ненадлежащем исполнении обеспеченного залогом обязательства осуществление заложенных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует осуществлять аналогично правилам, сформулированным в нормах ст. 358.17 ГК РФ, регламентирующим специфику осуществления прав, удостоверенных заложенной ценной бумагой.

Что касается специфики сделок по продаже прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, с обязательством их обратного выкупа (по технологии договора репо), мы сознательно употребили именно термин «продажа», но не «купля-продажа», так как в классическом понимании договор купли-продажи опосредует возмездную передачу права собственности на вещь (товар) между продавцом и покупателем¹.

Рассматривая проблематику обратного выкупа акций, С. В. Пономарева и И. В. Железнова отмечают, что данная конструкция стала применяться в России четверть века назад и опиралась на опыт

¹ См.: Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 2, полут. 1 / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М., 2000. С. 203.

рыночной экономики Запада¹. В российской правовой системе такие сделки обозначены как «договор репо». Удобность договора репо позволяет применять его не только в рамках оборота ценных бумаг, но и по отношению к другому имуществу.

В России отношения, возникающие в рамках договора репо, получили официальную регламентацию с принятием 25 ноября 2009 г. Федерального закона № 281-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Сегодня нормы о договоре репо составляют содержание ст. 51.3 Закона о рынке ценных бумаг, причем разработанный для биржевого сектора механизм купли-продажи с обратным выкупом показал свою жизнеспособность и постепенно стал применяться не только в сфере оборота ценных бумаг, но и в других секторах гражданского оборота.

Суть данной конструкции заключается в совершении сторонами двух связанных между собой сделок. В рамках первой части договора репо продавец обязуется в установленном соглашением сторон срок передать в собственность покупателю ценные бумаги, а покупатель – принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму. В рамках второй части договора репо лицо, являющееся покупателем в первой части договора репо, обязуется в установленном соглашением сторон срок передать в собственность лицу, выступающему в роли продавца в первой части договора репо, ценные бумаги, а это лицо обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму.

В упрощенном порядке такую сделку можно описать как договор, в силу которого продавец обязуется передать в собственность за деньги покупателю свое имущество, а в установленный договором срок – выкупить его по заранее установленной цене. Для придания такой сделке устойчивости нередко соглашение о прямой и обратной продаже под отлагательным условием оформляется единым договором.

¹ См.: Пономарева С. В., Железнова И. В. Особенности проведения обратного выкупа акций компаниями в России // Вестник ПНИПУ. Серия «Социально-экономические науки». 2017. № 2. С. 165.

² О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 25 ноября 2009 г. № 281-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 48. Ст. 5731.

Как правило, в возникающих отношениях цена продажи ниже, чем цена выкупа. Данный факт позволяет утверждать, что договор продажи с условием обратного выкупа имущества следует рассматривать как одну из форм кредитования с обеспечением исполнения обязательства за счет передаваемого имущества. Мы солидарны с В. И. Поляковым, который еще в 2004 г. отстаивал необходимость признания договора купли-продажи с обязательством обратного выкупа в качестве самостоятельного вида договорных отношений¹.

Думается, что если руководствоваться принципом свободы гражданско-правового договора, то препятствий для использования аналогичной конструкции в рамках оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, не имеется. Однако обе стороны договорного взаимодействия обязаны быть пользователями информационной системы, в которой осуществлен выпуск продаваемых прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и такие сделки должны проходить при посредничестве оператора обмена ЦФА по аналогии с продажей прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, охарактеризованной нами во втором параграфе настоящей главы.

Обобщая вышеизложенное, мы пришли к выводу, что сделки, предусматривающие временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, осуществляются в рамках отношений, опосредованных договорами передачи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в доверительное управление, депонентным договором, договором, заключаемым по типу договора условного депонирования (договором эскроу), договором залога прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, договором продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, с обязательством обратного выкупа.

¹ См.: Поляков В. И. Договор купли-продажи ценных бумаг с обязательством обратного выкупа: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2004. С. 14.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев феномен «цифровые финансовые активы» с позиций современной российской цивилистической доктрины и правоприменительной практики, мы пришли к выводу о том, что под данной категорией следует понимать не какие-либо новые, ранее неизвестные науке гражданского права имущественные права, а применение к уже изученным имущественным правам специального способа их фиксации, который позволяет оптимизировать их оборот: обеспечить доступность, снизить транзакционные издержки (как временные, так и имущественные), устранить дистанционные барьеры при взаимодействии контрагентов.

Думается, что такая концепция, а также полученные в результате проведения исследования выводы и предложения помогут другим исследователям в рассмотрении проблематики перспектив развития права, выработке предложений по совершенствованию правового регулирования общественных отношений с учетом уровня развития экономики и цифрового мира.

Полагаем, что применение цифровых технологий в рамках гражданского оборота с каждым годом будет только расширяться. Это потребует соответствующего технико-программного обеспечения и подготовки специалистов высокого уровня, имеющих комплексное представление о применении юридико-технических знаний, умений и навыков к реалиям современного мира.

Что касается рекомендаций и перспектив дальнейшей разработки темы, следует отметить, что, учитывая установленные в нормативном порядке ограничения объемов издания, за пределами настоящего исследования остались вопросы защиты прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, совершения сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, осложненных иностранным элементом, применения цифровых технологий к другим институтам гражданского права. Рассмотрению вышеуказанных вопросов будут посвящены будущие изыскания автора данного монографического исследования.

Монография «Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав» формирует целостное научное представление о цифровых финансовых активах и специфике правового регулирования

общественных отношений в сфере гражданского оборота имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА.

Использование данного научного издания в учебном процессе позволит повысить качество подготовки обучающихся по теме «Объекты гражданских прав» в рамках изучения учебных дисциплин «Гражданское право», «Предпринимательское право» (по теме «Понятие, сущность предпринимательства и предпринимательского права. Источники российского предпринимательского права»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Международные правовые акты

1. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения : пер. с англ. – Москва : МУМЦФМ, 2012. – URL : <http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/рекомендациифатф.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

2. Отчет ФАТФ. Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ : пер. с англ. – Москва : МУМЦФМ, 2014. – URL : https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

3. FATF report. Virtual currencies: key definitions and potential AML/CFT Risks – 2014. – URL : <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtualcurrency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (date of access: 21 February 2023).

4. The Revised uniform fiduciary access to digital assets act : RUFADAA assembly bill № 691 / approved by governor, September 24, 2016 ; filed with secretary of State, September 24, 2016. – URL : <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.ashx?DocumentFileKey=112ab648-b257-97f2-48c2-61fe109a0b33&forceDialog=0> (date of access: 9 February 2023).

5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Приложение 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. : с послед. изм. и доп. // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

6. Central bank digital currencies. The Bank for International Settlements. – URL : <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf> (date of access: 27 February 2023).

Нормативные правовые акты Российской Федерации

Конституция

7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (№ 237).

Кодексы

8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. I от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. II от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. III от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. IV от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

14. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. I от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

15. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. II от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс»*. – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : с послед. изм. и доп. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Федеральные законы

18. О банках и банковской деятельности : федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 : с послед. изм. и доп. // *Ведомости съезда народных депутатов РСФСР*. – 1990. – № 27. – Ст. 357.

19. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 : с послед. изм. и доп. // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

20. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федер. закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3340.

21. О сельскохозяйственной кооперации : федер. закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 50. – Ст. 4870.

22. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

23. О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

24. Об акционерных обществах : федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

25. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

26. Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

27. Об оценочной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.

28. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : федер. закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.

29. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ : с послед.

изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.

30. О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

31. О кредитных потребительских кооперативах граждан : федер. закон от 7 августа 2001 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3420.

32. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.

33. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

34. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

35. О валютном регулировании и валютном контроле : федер. закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

36. Об информации, информационных технологиях и защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

37. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 25 ноября 2009 г. № 281-ФЗ : (с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 48. – Ст. 5731.

38. Об электронной подписи : федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

39. О производственных кооперативах : федер. закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. V). – Ст. 7058.

40. Об организованных торгах : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6726.

41. О хозяйственных партнерствах : федер. закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. V). – Ст. 7058.

42. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 51. – Ст. 6687.

43. О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2329.

44. О внесении изменений в часть первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4761.

45. О международных компаниях и международных фондах: федер. закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32 (ч. I). – Ст. 5083.

46. О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.

47. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

48. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ : с послед.

изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.

Указы Президента Российской Федерации

49. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации : указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 : с послед. изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 29 (ч. I). – Ст. 3482.

50. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (дата обращения: 28.03.2023).

51. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

52. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

Распоряжения Правительства Российской Федерации

53. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 20.01.2023).

Акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти

54. Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны) : приказ Минфина России от 13 ноября 2007 г. № 108н : с послед. изм. и доп. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 50.

55. О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами : указание Банка России от 29 апреля 2015 г. № 3629-У : с послед. изм. и доп. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70966370/> (дата обращения: 12.03.2023).

56. О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов : указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400028012/> (дата обращения: 10.03.2023).

57. О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам : указание Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5646-У // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400120399/> (дата обращения: 01.03.2023).

58. О требованиях к расчету размера чистых активов хозяйственного общества для целей его включения Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов : указание Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5647-У // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400120397/> (дата обращения: 25.02.2023).

Иные официальные документы

59. Информационные материалы по отдельным вопросам заполнения уведомления о принадлежащих цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте (при их наличии) : подгот. ДГСК МВД России //

Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу : офиц. сайт. – URL : <https://дфоут.мвд.рф/document/23943348%20/> (дата обращения: 15.02.2023).

60. О контроле за обращением криптовалют, в том числе биткойнов, на территории Российской Федерации : письмо Минфина России и ФНС от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

61. О регулировании выпуска и оборота криптовалют : письмо Минфина России от 2 октября 2017 г. № 03-11-11/63996 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71714604/> (дата обращения: 06.03.2023).

62. Об уплате НДС при совершении операций с физическими лицами по покупке и продаже биткойнов : письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 13 октября 2017 г. № 03-04-05/66994 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71699858/> (дата обращения: 06.03.2023).

63. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 21 октября 2017 г. по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере. – URL : <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 11.02.2023).

64. [Об отражении доходов российской организации от операций с криптовалютой] : письмо Минфина России от 9 февраля 2018 г. № 03-03-06/1/8061 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71795052/> (дата обращения: 12.02.2023).

65. О налогообложении НДС доходов, полученных при продаже биткойнов : письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 21 мая 2018 г. № 03-04-05/34004 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71851372/> (дата обращения: 20.03.2023).

66. Об учете токенов, полученных в рамках проведения ICO третьим лицом (иностранной компанией) : письмо Минфина России от 14 июня 2018 г. № 03-03-06/1/40729 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71901296/> (дата обращения: 20.03.2023).

67. [По вопросу обложения налогом на доходы физических лиц доходов, полученных при продаже биткойнов] : письмо Минфина России от 5 июля 2018 г. № 03-04-05/46553 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71887852/> (дата обращения: 22.03.2023).

68. Об НДФЛ с доходов, полученных от продажи криптовалюты : письмо Минфина России от 12 июля 2018 г. № 03-04-05/48714 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71887808/> (дата обращения: 23.03.2023).

69. О предоставлении консультации в отношении правил учета операций с криптовалютой : письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 16 августа 2018 г. № 03-03-06/1/58171 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71930816/> (дата обращения: 23.03.2023).

70. [По вопросу уплаты налога на доходы физических лиц с доходов от осуществления операций с криптовалютами] : письмо Минфина России от 24 августа 2018 г. № 03-04-05/60392. – URL : <https://www.klerk.ru/doc/484961> (дата обращения: 23.03.2023).

71. О порядке налогообложения доходов при совершении операций с криптовалютой : письмо Департамента налоговой и тамож. политики Минфина России от 28 августа 2018 г. № 03-03-06/1/61152 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71935314/> (дата обращения: 23.03.2023).

72. О налоге на доходы физических лиц с доходов от осуществления операций с криптовалютами : письмо Минфина России от 4 сентября 2018 г. № 03-04-05/63144 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71943944/> (дата обращения: 23.03.2023).

73. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратег. развитию и нац. проектам от 24 декабря 2018 г. № 16 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

74. Проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года : подгот. Правительством РФ в ред. от 1 марта 2021 г. URL : <https://rusbankrot.ru/upload/epdncr-proj.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

75. Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют) : пресс-релиз Банка России от 4 сентября 2021 г. – URL : https://cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04t18_31_05.htm (дата обращения: 06.03.2023).

Проекты нормативных правовых актов

76. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федер. закона. – URL : https://minfin.gov.ru/common/upload/npa_projects/Dorobotannyy_tekst_proekta_akta_po_itogam_publichnogo_obsuzhdeniya_Teksta_proekta_akta_00-03-17205-08-14-21-14-4-ver2-13089-numb-58362.doc (дата обращения: 27.02.2023).

77. О цифровых финансовых активах : проект федер. закона. – URL : https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/01/main/Zakonoproekt_o_TSFA_250118_na_sayt.docx (дата обращения: 05.02.2023).

78. О цифровых финансовых активах : проект федер. закона № 419059-7 : текст к 1-му чтению. – URL : <http://sozd.duma.gov.ru/download/16A3CC43-AF85-49EC-9821-2D0C8F1E7E8A> (дата обращения: 20.03.2023).

79. О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах) : проект федер. закона № 419059-7 : текст ко 2-му чтению. – URL : http://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz210319_2.rtf (дата обращения: 20.03.2023).

Законы, подзаконные нормативные правовые акты и иные официальные документы зарубежных стран

80. О Парке высоких технологий : декрет Президента Респ. Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012> (дата обращения: 22.02.2023).

81. О платежных услугах : директива Европ. парламента и Совета ЕС от 13 ноября 2007 г. № 2007/64/ЕС. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=49557#EvfvIsSMD2phXuK41> (дата обращения: 03.02.2023).

82. Об учреждении и деятельности организаций, эмитирующих электронные деньги, о пруденциальном надзоре за их деятельностью, а также об изменении директив 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и об отмене директивы 2000/46/ЕС : директива Европ. парламента и Совета ЕС от 16 сентября 2009 г. № 2009/110/ЕС. – URL : https://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuznetcov_03_16.pdf (дата обращения: 11.02.2023).

83. О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении регламента (ЕС) 648/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза и об отмене директивы 2005/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза и директивы 2006/70/ЕС Европейской комиссии : директива Европ. парламента и Совета ЕС от 20 мая 2015 г. № 2015/849/ЕС. – URL : <https://www.coindesk.com/eu-parliament-digital-currency-task-force/> (дата обращения: 18.02.2023).

84. Criminal finances act. 2017. – URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents/enacted> (date of access: 26 February 2023).

85. О развитии цифровой экономики : декрет Президента Респ. Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 2.02.2023).

86. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий : закон Респ. Казахстан от 25 июня 2020 г. № 347-VI. – URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34230083&pos=2;-108#pos=2;-108 (дата обращения: 22.02.2023).

87. Об утверждении Правил информирования о деятельности по осуществлению цифрового майнинга : приказ министра цифрового развития, инноваций и аэрокосм. пром-сти Респ. Казахстан от 13 октября 2020 г. № 384/НҚ. – URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021445> (дата обращения: 22.02.2023).

88. Об утверждении Правил выпуска и оборота обеспеченных цифровых активов : приказ министра цифрового развития, инноваций и аэрокосм. пром-сти Респ. Казахстан от 29 октября 2020 г. № 407/НҚ. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021546> (дата обращения: 23.02.2023).

Материалы судебной практики

89. По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк : постановление Конституц. Суда РФ от 28 октября 1999 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 45. – Ст. 5478.

90. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 4 : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 20 декабря 2016 г. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15184/> (дата обращения: 03.02.2023).

91. О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 // Российская газета. – 2017. – 29 декабря (№ 297).

92. О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами : постановление Пленума Верхов. Суда РФ и Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 : в ред. постановления от 4 декабря 2000 г. Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ № 34 и Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ № 15) // Российская газета. – 1998. – 27 октября (№ 204).

93. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве : постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 : с изм. и доп. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 8.

94. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 октября 1995 г. № 5308/95 // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 4. – URL : http://sudbiblioteka.ru/as/text1/vassud_big_474.htm (дата обращения: 05.02.2023).

95. Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены: информ. письмо Президиума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 24 сентября 2002 г. № 69. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12028883/> (дата обращения: 10.03.2023).

96. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 января 2005 г. по делу № А33-1285/04-С2-Ф02-5901/04-С2. – URL : <https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/810055401> (дата обращения: 05.02.2023).

97. Мотивированное решение Невьянского городского суда Свердловской области по гражданскому делу № 2-978/2014 от 30 сентября 2014 г. – URL : <https://bits.media/images/news/15.01.2015/bitcoin.pdf> (дата обращения: 29.02.2023).

Монографии

98. Струггов, В. О закладе долговых требований (de pignore potinum) : монография / В. Струггов. – Санкт-Петербург : Тип.-литогр. Р. Голике, 1890. – 250 с.

99. Иоффе, О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву : монография / О. С. Иоффе. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1949. – 144 с.

100. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве : монография / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. – Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 416 с.

101. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения : монография / Ю. К. Толстой. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 88 с.

102. Новоселова, Л. А. Проценты по денежным обязательствам : монография / Л. А. Новоселова. – Москва : Статут, 2000. – 174 с. – ISBN 5-8354-0043-8.

103. Иоффе, О. С. Избранные труды : в 4 т. / О. С. Иоффе. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 837 с. – ISBN 5-94201-234-2 : 2050.

104. Чеговадзе, Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения : монография / Л. А. Чеговадзе. – Москва : Статут, 2004. – 542 с. – ISBN 5-8354-0218-X.

105. Яковлев, А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика : монография / А. С. Яковлев. – Москва : Ось-89, 2005. – 192 с. – ISBN 5-98534-086-4.

106. Арзуманян, А. Б. Объекты гражданских правоотношений : монография / А. Б. Арзуманян, А. В. Бабаев, М. А. Бычко. – Невинномысск ; Ставрополь : Изд-во Сев.-Кавк. гос. техн. ун-та, 2009. – 253 с. – ISBN 978-5-9644-0112-4.

107. Филиппов, П. М. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им : монография / П. М. Филиппов, А. Ю. Белоножкин. – Волгоград : ВА МВД России, 2009. – 246 с. – ISBN 978-5-7899-0599-9.

108. Криволапова, Л. В. Гражданский оборот имущественных прав: теория и практика : монография / Л. В. Криволапова. – Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2010. – 239 с. – ISBN 978-5-88838-550-0.

109. Носов, Д. В. Правопреемство в российском праве : монография / Д. В. Носов. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. – 198 с. – ISBN 978-5-7944-2098-2.

110. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с. – ISBN 978-5-7904-2500-4.

111. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Хариторова. – Москва : 4 Принт, 2020. – 303 с. – ISBN 978-5-6043731-8-7.

Учебная и учебно-методическая литература

112. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып. 3 / М. М. Агарков. – Москва : Юриздат, 1940. – 190 с.

113. Томилов, В. В. Маркетинг рабочей силы : учеб. пособие / В. В. Томилов, Л. Н. Семеркова. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1997. – 184 с. – ISBN 5-7310-0775-6.

114. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковик, 1999. – 944 с. – ISBN 5-89285-003-X.

115. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 2, полут. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : БЕК, 2000. – 544 с. – ISBN 5-85639-286-8 (т. II, 2).

116. Гражданское право : учебник. В 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2001. – 632 с. – ISBN 5-9278-0009-2.

117. Брагинский, М. И. Договорное право. В 2 кн. Кн. 1. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2003. – 848 с. – ISBN 5-8354-0016-0.

118. Белов, В. А. Денежные обязательства : учеб. пособие / В. А. Белов. – Москва : Эксмо : Система Гарант, 2007. – 189 с. – ISBN 978-5-699-23026-6.

119. Объекты гражданского оборота : сб. ст. / рук. авт. кол., отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2007. – 542 с. – ISBN 978-5-8354-0404-9.

120. Брагинский, М. И. Договорное право. В 2 кн. Кн. 2. Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 2-е изд., стер. – Москва : Статут, 2009. – 780 с. – ISBN 978-5-8354-0604-3.

121. Грызыхина, Е. А. Залоговое право : учеб. пособие / Е. А. Грызыхина. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. – 164 с. – ISBN 978-5-7782-2025-6.

122. Асаул, А. Н. Рынок ценных бумаг : учебник / А. Н. Асаул, В. К. Севек, Р. М. Севек. – Кызыл : ТывГУ, 2013. – 181 с. – ISBN 978-5-91178-079-1.

123. Иванчак, А. И. Гражданское право Российской Федерации : общая часть : учеб. пособие / А. И. Иванчак. – Москва : Статут, 2014. – 266 с. – ISBN 978-5-8354-1072-9.

124. Беспалов, Ю. Ф. Договорное право : учебник / Ю. Ф. Беспалов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. – 551 с. – ISBN 978-5-238-01643-6.

125. Ребельский, Н. М. Доверительное управление финансовыми активами на рынке ценных бумаг : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению 080100 Экономика, профиль подгот. «Мировая экономика» (уровень бакалавриата) / Н. М. Ребельский. – Москва : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2015. – 223 с. – ISBN 978-5-9558-0369-2.

126. Гришаев, С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав / С. П. Гришаев ; подгот. для КонсультантПлюс, 2015 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

127. Беспалов, Ю. Ф. Гражданское право в схемах : учеб. пособие / Ю. Ф. Беспалов, П. А. Якушев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 288 с. – ISBN 978-5-392-26072-0.

128. Крашенинников, П. В. Наследственное право : учеб. пособие / П. В. Крашенинников. – 2-е изд. – Москва : Статут, 2017. – 272 с. – ISBN 978-5-8354-1323-2.

129. Основы гражданского права: Общая часть (для иностранных слушателей, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России) : учеб. пособие / Н. И. Батурина, А. А. Бутенко, Н. В. Котельников [и др.] ; редкол.: П. М. Филиппов (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – 262 с. – ISBN 978-5-7899-1047-4.

130. Шиткина, И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах = Corporate law tables and charts : учеб.-метод. пособие / И. С. Шиткина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2017. – 583 с. – ISBN 978-5-7205-1292-7.

131. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2017. – 511 с. – ISBN 978-5-8354-1330-0.

132. Гражданское право : учебник. В 4 т. Ч. 2 : Т. 3 / Н. И. Батурина, О. А. Белова, А. Ю. Белоножкин [и др.] ; отв. ред. Т. В. Дерюгина, Е. Ю. Маликов. – Волгоград : Волгогр. гуманитар. ин-т. – Москва : Зерцало-М, 2018. – 608 с. – ISBN 978-5-94373-433-5.

133. Объекты гражданских прав : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / И. В. Балтутите, А. И. Гончаров, Д. Н. Давтян-Давыдова [и др.] ; под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2018. – 565 с. – ISBN 978-5-9969-1856-9.

134. Уинтер, Г. Вопросы права и экономики / Г. Уинтер ; пер. с англ. Т. Шишкиной ; под науч. ред. М. Одинцовой. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 413 с. – ISBN 978-5-93255-536-1.

135. Иванов, Н. Г. Экономическая теория: микроэкономика : учеб.-метод. пособие по практ. и семинарским занятиям и организации самостоятельной работы / Н. Г. Иванов, Ю. О. Моисеева, Л. В. Решетова. – Ульяновск : УлГУ, 2019. – URL : https://www.ulsu.ru/media/documents/Учебно-методич.пособие_Экономическая_теория_Микроэкономика_WW0842o.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

136. Основы гражданского права. Наследственное право (для иностранных слушателей образовательных организаций системы МВД России) : учеб. пособие / Н. В. Котельников (отв. ред.) ; П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, Ю. В. Репникова [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 88 с. – ISBN 978-5-7899-1235-5.

137. Халилова, Р. М. Залоговое право : учеб. пособие (курс лекций) для направления подгот. 40.03.01 Юриспруденция, профиль «Гражданское право» / Р. М. Халилова. – Махачкала : ДГУНХ, 2020. – 73 с.

138. Белов, В. А. Частное право. Материалы для изучения. В 3 т. Т. 2. Проблемы обязательственного и договорного права : учеб. пособие для вузов / В. А. Белов. – Москва : Юрайт, 2021. – 754 с. – ISBN 978-5-534-11084-5.

139. Маркова, В. Д. Цифровая экономика : учебник / В. Д. Маркова. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 186 с. – ISBN: 978-5-16-013859-6.

140. Tapscott, D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence / D. Tapscott. – New York : McGraw-Hill, 1996. – 376 p. – ISBN 0-07-062200-0.

Научные статьи

141. Красавчиков, О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) / О. А. Красавчиков // Ученые записки СЮИ. – Москва : Юридическая литература, 1957. – Т. V. – С. 3–27.

142. Казанцев, М. Ф. Правовое договорное регулирование: исходные общетеоретические вопросы // Антиномии. – 2001. – № 2. – С. 249–258.

143. Новоселова, Л. А. Соотношение сделки уступки и договора, на основании которого она совершается / Л. А. Новоселова // Арбитражная практика. – 2001. – № 1. – С. 8–15.

144. Хоменко, Е. Г. Депозитарная деятельность кредитных организаций / Е. Г. Хоменко // Финансы и кредит. – 2002. – № 13 (103). – С. 58–65.

145. Руденко, А. В. О понятии «гражданский оборот» / А. В. Руденко // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 3. – С. 106–109.

146. Белов, В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / рук. авт. кол., отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2007. – С. 6–77.

147. Туктаров, Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) / Ю. Е. Туктаров // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / рук. авт. кол., отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2007. – С. 113–142.

148. Гатауллина, Д. Р. Сотрудничество как экономическая категория / Д. Р. Гатауллина // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 4. – С. 402–404.

149. (U) Bitcoin virtual currency: unique features present distinct challenges for deterring illicit activity // Federal Bureau of Investigation. – 2012. – 24 April. – URL : https://www.wired.com/images_blogs/threatlevel/2012/05/Bitcoin-FBI.pdf– (date of access: 2 February 2023).

150. Анисимов, А. П. Объекты гражданских прав: новые векторы правового регулирования / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, А. Ю. Чикильдина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. – 2013. – № 4 (21). – С. 8–14.

151. Бессараб, Н. С. Наследственное правопреемство: актуальные вопросы / Н. С. Бессараб // Известия ТулГУ. Серия «Экономические и юридические науки». – 2013. – № 1-2. – С. 38–46.

152. Виниченко, Ю. В. О понятии «гражданский оборот» (постановка проблемы) / Ю. В. Виниченко // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 3 (62). – С. 29–35.

153. Кузьмина, Е. М. Типы правового регулирования: современное измерение / Е. М. Кузьмина // Вестник ПАГС. – 2013. – № 6 (39). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-pravovogo-regulirovaniya-sovremennoe-izmerenie> (дата обращения: 28.02.2023).

154. California governor grants bitcoin "legal money" status // CoinDesk. – 2014. – 29 June. – URL : <https://www.coindesk.com/markets/2014/06/29/california-governor-grants-bitcoin-legal-money-status/> (date of access: 13 February 2023).

155. European Central Bank: bitcoin a risky alternative to euro // CoinDesk. – 2014. – 21 May. – URL : <https://www.coindesk.com/markets/2014/05/21/european-central-bank-bitcoin-a-risky-alternative-to-euro/>– (date of access: 13 February 2023).

156. Hong Kong treasury official issues bitcoin warning // CoinDesk. – 2014. – 9 January. – URL : <https://www.coindesk.com/hong-kong-treasury-official-issues-bitcoin-warning/> (date of access: 17 February 2023).

157. Виниченко, Ю. В. О соотношении гражданского и экономического оборота / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25, № 5. – С. 879–887.

158. Фабричная, Т. Б. Проблема недействительности сделок / Т. Б. Фабричная, Ю. М. Мартынова // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 12-2 (52). – С. 130–132.

159. Чернявская, О. В. Доля в уставном капитале и вклад как важнейшие составляющие уставного капитала закрытого акционерного общества / О. В. Чернявская // Вестник магистратуры. – 2015. – Т. 4, № 11 (50). – С. 52–55.

160. Singh, K. The New wild west: preventing money laundering in the bitcoin / K. Singh // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. – 2015. – Vol. 13, № 1. – P. 327–344.

161. Григорьева, А. Г. Доверительное управление наследственным имуществом / А. Г. Григорьева, И. А. Сушкова // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 10. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/doveritelnoe-upravlenie-nasledstvennym-imumschestvom> (дата обращения: 02.03.2023).

162. Тимофеева, Р. И. Доверительное управление имуществом / Р. И. Тимофеева, Е. В. Голобородкина // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 2 (44). – С. 57–62.

163. Заврачаев, А. В. Японии криптовалюта получила статус платежного средства / А. Заврачаев // ТАСС : информ. агентство. – 2017. – 1 апр. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4144338> (дата обращения: 13.02.2023).

164. Исаева, О. А. Цифровая живопись как актуальное направление отечественного искусства // Вестник СПбГИК. – 2017. – № 1 (30). – С. 173–176.

165. Казаченок, О. П. Понятие денежного обязательства в гражданском и международном частном праве / О. П. Казаченок // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 2 (27). – С. 87–89.

166. Пономарева, С. В. Особенности проведения обратного выкупа акций компаниями в России / С. В. Пономарева, И. В. Железнова // Вестник ПНИПУ. Серия «Социально-экономические науки». – 2017. – № 2. – С. 165–178.

167. Сенин, И. Н. Правовое регулирование и правовая система / И. Н. Сенин // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 16–20.

168. Перегудова, Д. А. Формы возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения / Д. А. Перегудова, П. М. Филиппов // Современные проблемы науки и образования : материалы ежегод. междунар. науч.-практ. конф. – Эссенуки : Эссентук. ин-ут управления, бизнеса и права, 2017. – С. 86–90.

169. Berlee, A. Digital inheritance in the Netherlands / A. Berlee // Journal of European Consumer and Market Law. – 2017. – № 6. – P. 256–260.

170. Беликова, К. М. Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики / К. М. Беликова // Закон и право. – 2018. – № 8. – С. 26–30.

171. Богданов, Д. Е. Правовая природа договора условного депонирования (эскроу) / Д. Е. Богданов, С. Г. Богданова // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2018. – № 10. – С. 55–66.

172. Букина, С. Е. Правовое регулирование криптовалютной отрасли в России и за рубежом / С. Е. Букина, А. Р. Паламарчук // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 6. – С. 88–90.

173. Василевская, Л. Ю. Общее и особенное в регламентации залога прав по российскому и германскому законодательству / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 3 (88). – С. 173–181.

174. Зацепин, Д. Е. Природа залога обязательственных прав / Д. Е. Зацепин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 3 (70). – С. 61–65.

175. Телюкина, М. В. Цифровое произведение как объект гражданских прав / М. В. Телюкина // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. – 2018. – № 1. – С. 70–76.

176. Авдокушин, Е. Ф. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития / Е. Ф. Авдокушин, Е. Г. Кузнецова // Экономический журнал. – 2019. – № 2 (54). – С. 6–19.

177. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.

178. Вехов, В. Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной

криминалистики / В. Б. Вехов // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 630–640.

179. Гонгало, Б. М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 179–192.

180. Горлова, Т. В. Становление цифровых прав в России в контексте развития гражданского оборота, осуществляемого в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / Т. В. Горлова, А. А. Базаров // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации : сб. науч. ст. Всерос. науч. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. В. Н. Сусликова. – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. – С. 117–120.

181. Дерюгина, Т. В. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий / Т. В. Дерюгина, А. О. Иншакова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 6. – С. 31–34.

182. Камышанский, В. П. О цифровой экономике и цифровом праве / В. П. Камышанский // Власть Закона. – 2019. – № 1 (37). – С. 14–18.

183. Карцхия, А. А. Цифровые права и правоприменение / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 43–46.

184. Лукина, А. А. Договор дарения / А. А. Лукина, Я. С. Гришина // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 24 (73). – С. 29–37.

185. Лысенко, А. А. Доменное имя как объект интеллектуальной собственности / А. А. Лысенко // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 1. – С. 771–776.

186. Перегудова, Д. А. Отношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и их классификация / Д. А. Перегудова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 126–130.

187. Перченко, С. В. Уступка будущего права (требования) / С. В. Перченко, А. Д. Мкртчян // Modern science. – 2019. – № 10-3. – С. 208–210.

188. Пьянкова, А. Ф. Особенности защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики / А. Ф. Пьянкова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 301–311.

189. Серова, О. А. Проблемы развития методологии гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху / О. А. Серова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. – С. 351–362.

190. Степанченко, А. В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты / А. В. Степанченко // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 1. – С. 510–519.

191. Богданов, Е. В. Проблемы принудительного изъятия государством объектов частной собственности посредством реквизиции, конфискации и национализации по гражданскому законодательству России / Е. В. Богданов // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73, № 2. – С. 25–32.

192. Вербицкий, Б. А. Правовая природа залога в современном российском праве / Б. А. Вербицкий // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 7. – С. 109–132.

193. Дейнеко, А. Г. Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы / А. Г. Дейнеко // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 175–198.

194. Иншакова, А. О. Правовое регулирование инвестиционных платформ в условиях интенсификации цифровых технологий на рынке ценных бумаг / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Право и практика. – 2020. – № 1. – С. 107–115.

195. Квициния, Н. В. Перспективы развития договора эскроу в России / Н. В. Квициния // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 51–59.

196. Ловцов, Д. А. Информационно-правовые основы правоприменения в цифровой среде / Д. А. Ловцов // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 2 (35). – С. 44–52.

197. Мохов, А. А. Инновационные биотехнологии и информационные технологии – драйверы биоэкономики и смены парадигмы права / А. А. Мохов // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике. – Москва : Юстицинформ, 2020. – С. 55–64.

198. Полякова, Т. А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы / Т. А. Полякова // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 2. – С. 53–58.

199. Рождественская, Т. Э. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6 (115). – С. 43–54.

200. Суслова, С. И. Непоимованность в гражданском праве / С. И. Суслова // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». – 2020. – Вып. 48. – С. 322–347.

201. Шахова, А. М. Приобретение аккаунтов в социальных сетях к объектам интеллектуальной собственности как вариант установления правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет / А. М. Шахова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 254–259.

202. Волос, А. А. Наследственный договор в цифровую эпоху / А. А. Волос // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3. – С. 156–161.

203. Близнец, И. А. Цифровые технологии и защита авторов от незаконного использования исключительных прав авторов / И. А. Близнец // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 1. – С. 33–39.

204. Гандилов, Т. М. Некоторые правовые вопросы цифровых финансовых активов / Т. М. Гандилов, А. В. Тумаков // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 60–63.

205. Гончаров, А. И. Развитие цифровых технологий таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности на пространстве ЕАЭС / А. И. Гончаров, А. О. Иншакова // Право и управление. XXI век. – 2021. – № 17(2). – С. 23–32.

206. Новоселова, Л. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики / Л. А. Новоселова, О. А. Полежаев // Власть закона. – 2021. – № 2 (46). – С. 75–91.

207. Тумаков, А. В. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества / А. В. Тумаков, Н. А. Петраков // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 67–72.

208. ЦБ РФ принимает заявки на создание операторов цифровых финансовых активов // Финансовый директор : практ. журн. по управлению фин. компаниями. – 2021. – 19 мая. – URL : <https://www.fd.ru/news/51579-tsb-rf-prinimaet-zayavki-na-sozdanie-operatorov-tsifrovyyh-finansovyh-aktivov> (дата обращения: 01.02.2023).

209. Акинфиева, В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав / В. В. Акинфиева. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-finansovyye-aktivyy-kak-novyy-vid-tsifrovyyh-prav> (дата обращения: 05.02.2023).

210. Банк России. Обзор по криптовалютам, ico (initial coin offering) и подходам к их регулированию. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf (дата обращения: 25.02.2023).

211. Биткойн: система цифровой пиринговой наличности. Белая книга. – URL : https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 05.22.2013).

212. Будько, А. Роскомнадзор заблокировал Bitcoin.org, Bitcoin.it и Btcsec.com / А. Будько. – URL : <https://habr.com/ru/news/t/375437/> (дата обращения: 12.03.2023).

213. Вараксин, М. В гражданском кодексе появятся цифровые права и смарт-контракты / М. Вараксин. – URL : <https://pravo.ru/news/209250/> (дата обращения: 20.02.2023).

214. Волуйская, М. В чем суть нового закона о цифровых правах? / М. Волуйская. – URL : https://aif.ru/society/law/chto_takoe_zakon_o_cifrovyyh_pravah (дата обращения: 15.02.2023).

215. Глазунов, Д. О цифровых финансовых активах / Д. Глазунов, О. Ушаков. – URL : https://epam.ru/storage/pdf_alerts/LegalAlert_ФЗоЦифровыхфинансовыхактивах_03_08_2020_г.docx.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

216. Давлетбаев, Р. Эксперты: запрет на использование криптовалют превратит Россию в технологического аутсайдера / Р. Давлетбаев. – URL : <https://nangs.org/news/it/eksperty-zapret-na-ispolzovanie-kriptoalyut-prevratit-rossiyu-v-tekhnologicheskogo-outsajdera> (дата обращения: 28.03.2023).

217. Дарбинян, С. Криптовалюты уходят в андеграунд. Законопроект от Минфина / С. Дарбинян. – URL : <https://habr.com/ru/post/239205/> (дата обращения: 27.02.2023).

218. Еремина, А. Россия пытается вписать криптовалюты в правовое поле / А. Еремина, А. Холявко. – URL : <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/06/09/693743-rossiya-kriptoalyuti> (дата обращения: 05.03.2023).

219. Запрет криптовалюты в Китае: масштабы трагедии. – URL : <https://habr.com/ru/company/gms/blog/584454/> (дата обращения: 11.02.2023).

220. Иванова, Е. Росфинмониторинг ужесточит контроль над ICO-площадками и виртуальными обменниками / Е. Иванова. – URL : <https://cryptofeed.ru/news/rosfinmonitoring-uzhestochit-kontrol-nad-ico-ploshhadkami-i-virtualnymi-obmennikami/> (дата обращения: 22.03.2023).

221. Как в разных странах регулируют криптовалюту: обзор законов в 2020 году. – URL : <https://habr.com/ru/company/moneypipe/blog/523354/> (дата обращения: 24.02.2023).

222. Как купить китайский криптоюань и где узнать цену и курс к рублю. – URL : <https://blockchain24.pro/kak-kupit-kitajskij-kriptojuan-igde-uznat-tsenu-i-kurs-k-rublyu/> (дата обращения: 13.02.2023).

223. Каплан, А. Российский суд отменил блокировку биткоин-сайтов Роскомнадзором / А. Каплан. – URL : <https://forklog.com/rossijskij-sud-otmenil-blokirovku-bitkoin-sajtov-roskomnadzorom/> (дата обращения: 28.03.2023).

224. Классификация цифровых активов. О монетах, токенах и ценных бумагах. – URL : <https://cryptocurrency.tech/klassifikatsiya-tsifrovyh-aktivov-o-monetah-tokenah-i-tsennyh-bumagah/> (дата обращения: 15.02.2023).

225. Ключевская, Н. Наследование цифровых активов: российский и зарубежный опыт / Н. Ключевская. – URL : <https://www.garant.ru/article/1464108/> (дата обращения: 28.03.2023).

226. Код биткоина: как его получить и что с ним можно сделать. – URL : <https://prostocoin.io/blog/bitcoin-code> (дата обращения: 06.02.2023).

227. Конкин, А. О платформе онлайн-факторинга и ЦФА на «Мастерчейн» на вебинаре Банка России / А. Конкин. – URL : <https://www.fintechru.org/publications/anatoliy-konkin-o-platforme-onlayn-faktoringa-i-tsfa-na-mastercheyn-vebinar-banka-rossii/> (дата обращения: 24.02.2023).

228. Правовое регулирование криптовалюты в Китае. – URL : https://sb-sb.com/publications/article/pravovoe_regulirovanie_kriptovaljuty_v_kitae/ (дата обращения: 13.02.2023).

229. Предлагается установить ответственность за выпуск (эмиссию) денежных суррогатов и осуществление операций с их использованием. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/37480.html/> (дата обращения: 26.02.2023).

230. Системы счисления и двоичное представление информации. – URL : https://examer.ru/ege_po_informatike/teoriya/sistemy_schisleniya_i_dvoichnoe_predstavlenie_ (дата обращения: 20.03.2023).

231. Сколько всего криптовалют насчитывается в 2020 году? – URL : <https://golden-island.net/skolko-vsego-kriptovaliut/> (дата обращения: 13.02.2023).

232. Тапскотт, Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все / Д. Тапскотт, Э. Уильямс. – URL : <http://www.litmir.me/br/?b=137942> (дата обращения: 20.02.2023).

233. Теткин, М. Власти Германии впервые признали биткоин финансовым инструментом / М. Теткин // РБК. – URL : <https://www.rbc.ru/crypto/news/5e5d2d419a79472eeb7bf7f1> (дата обращения: 09.02.2023).

234. Топ-100 криптовалюты по рыночной капитализации. – URL : <https://coinmarketcap.com/39/> (дата обращения: 22.02.2023).

235. Ушаков, О. О цифровых финансовых активах / О. Ушаков, Г. Хараева. – URL : https://epam.ru/storage/pdf%20alerts/Legal%20Alert_%20Ф3%20о%20Цифровых%20финансовых%20активах_%2003%2008%202020%20г.docx.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

236. Яценко, Т. С. Наследование цифровых прав / Т. С. Яценко. – URL : <https://urfac.ru/?p=2588> (дата обращения 28.03.2023).

237. Bitcoin not regulated by the Hong Kong Monetary Authority (HKMA). – URL : <https://medium.com/@inthepixels/bitcoin-not-regulated-by-the-hong-kong-monetary-authority-hkma-75eec794482> (date of access: 14 February 2020).

238. Bolt, U. How a digital-assets ecosystem could jumpstart an inclusive digital economy. 2019 / U. Bolt. – URL : <https://internationalbanker.com/technology/how-a-digital-assets-ecosystem-could-jumpstart-an-inclusive-digital-economy/> (date of access: 8 February 2023).

239. Greenberg, A. Crypto currency / A. Greenberg. – URL : <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html?sh=2e331288353e> (date of access: 24 March 2023).

240. Virtual Currencies: Emerging Regulatory, Law Enforcement, and Consumer Protection Challenges. – URL : <https://www.gao.gov/products/gao-14-496> (date of access: 13 February 2023).

241. Virtual Currency Companies Operating or Wishing to Operate in Washington State. – URL : <https://www.dfi.wa.gov/documents/money-transmitters/virtual-currency-interim-guidance.pdf> (date of access: 11 February 2023).

242. Windsor, R. Defining Digital Assets. 2017 / R. Windsor. – URL : <https://digitalassetnews.org/assets/defining-digital-assets/> (date of access: 21 February 2023).

243. The economics of digital currencies by Robleh Ali of the Bank's Financial Market Infrastructure Directorate, John Barrdear of the Bank's Monetary Assessment and Strategy Division, and Roger Clews and James Southgate of the Bank's Markets Directorate. – URL : <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/digital-currencies/the-economics-of-digital-curren> (date of access: 15 February 2023).

Диссертации и авторефераты диссертаций

244. Залог по римскому праву : рассуждение Федора Дыдынского, написанное для получения степени доктора римского права. – Варшава : Тип. С. Оргельбранда, 1872. – URL : <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1638454130&tld=ru&lang=ru&name=book-003.pdf&text> (дата обращения: 18.03.2023).

245. Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Лапач Владимир Александрович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 49 с.

246. Полуяхтов, И. А. Гражданский оборот имущественных прав : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Полуяхтов Илья Анатольевич. – Екатеринбург, 2002. – 21 с.

247. Соловых, С. Н. Дарение в гражданском праве России : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Соловых Сергей Николаевич. – Саратов, 2003. – 25 с.

248. Яковлев, А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Яковлев Андрей Сергеевич. – Воронеж, 2003. – 25 с.

249. Поляков, В. И. Договор купли-продажи ценных бумаг с обязательством обратного выкупа : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Поляков Виктор Иванович. – Москва, 2004. – 36 с.

250. Тирская, Е. В. Категория денежного долга в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Тирская Евгения Владимировна. – Москва, 2004. – 216 с.

251. Бакуева, М. Г. Исполнение денежных обязательств по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Бакуева Марина Георгиевна. – Тюмень, 2005. – 199 с.

252. Голикова, А. Н. Договор ренты в гражданском праве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Голикова Анна Николаевна. – Москва, 2005. – 22 с.

253. Колосов, Д. Ю. Договор доверительного управления имуществом в российском гражданском праве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Колосов Дмитрий Юрьевич. – Москва, 2005. – 28 с.

254. Белая, О. В. Залог имущественных прав : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Белая Олеся Валерьевна. – Москва, 2006. – 27 с.

255. Кулик, А. А. Корпоративные права в системе гражданских прав : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кулик Александр Анатольевич. – Москва, 2009. – 35 с.

256. Ахмедов, А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ахмедов Арсен Ярахмедович. – Саратов, 2014. – 199 с.

257. Галазова, З. В. Институт реорганизации юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Галазова Залина Викторовна. – Москва, 2015. – 198 с.

258. Кожемякин, Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кожемякин Дмитрий Владимирович. – Москва, 2017. – 26 с.

259. Токмаков, М. А. Условное депонирование (эскроу) в праве России и США : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Токмаков Максим Александрович. – Самара, 2017. – 35 с.

260. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. – Москва, 2019. – 44 с.

261. Раздорожный, К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Раздорожный Константин Борисович. – Москва, 2021. – 221 с.

Электронные ресурсы

262. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL : <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2023).

263. Банк России : офиц. сайт. – URL : https://cbr.ru/finm_infrastructure/otsfa/ (дата обращения: 23.02.2023).

264. Государственная Дума Российской Федерации : офиц. сайт. – URL : <http://duma.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2023).

265. Министерство финансов Российской Федерации : офиц. сайт. – URL : <https://minfin.gov.ru/ru/> (дата обращения: 11.03.2023).

266. Президент Российской Федерации : офиц. сайт. – URL : <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 11.02.2023).

267. Платформа онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн // URL : https://cbr.ru/StaticHtml/File/118710/Anatoliy_Konkin_AFT.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

268. Реестр операторов платежных систем // Банк России : офиц. сайт. – URL : <http://www.cbr.ru/PSystem/rops/> (дата обращения: 11.02.2023).

269. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL : <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#StartDate=3.10.2014&departments=3&EndDate=3.10.2014> (дата обращения: 11.02.2023).

Научное издание

Садков Виталий Андреевич

**ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ
КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Монография

Редактор *У. В. Наумова*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволопова*
Дизайн обложки *А. Н. Улизко*

При дизайне обложки использовались материалы сайта:
<https://avatars.mds.yandex.net/get-images-cbir/9150806/1cHqsEtY19rdCuXrJftuaw6511/ocr>

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 21.09.2023. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 11,8. Усл. печ. л. 10,9.
Тираж 30 экз. Заказ № 43.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.